

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
НА ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**Сборник
научных и научно-методических трудов**

Выпуск 7

**Москва
МАКС Пресс
2014**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

Факультет иностранных языков и регионоведения

Кафедра английского языка для гуманитарных факультетов

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
НА ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Сборник научных и научно-методических трудов

Выпуск 7

Отв. редактор Г.А. Казимова

МОСКВА – 2014

УДК 811.111
ББК 81.2Англ
А64

А64 Английский язык на гуманитарных факультетах: теория и практика: Сборник научных и научно-методических трудов / Отв. ред. Казимова Г.А. – М.: МАКС Пресс, 2014. – Выпуск 7. – 152 с.
ISBN 978-5-317-04933-1

Данный сборник научных и научно-методических трудов является очередной коллективной работой членов кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сборник состоит из трех разделов: в первый включены научные и научно-методические статьи, во второй – программы учебных и специальных курсов, третий состоит из работ студентов и аспирантов, написанных совместно или под руководством преподавателей кафедры.

Особенностью данного сборника является публикация ряда статей приглашенных авторов. Статья канд. пед. наук доцента Л.Е. Алексеевой (СПбГУ) посвящена особенностям обучения иностранным языкам в профессионально ориентированном контексте. Статья к.ф.л. ст. преп. каф. англ. языкознания филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова Т.Ю. Кизиловой представляет собой лексико-семантическое исследование концепта *statesmanship* на материале трагедии У. Шекспира «Ричард II». Профессор ун-та Oxford Brookes (UK) Pritam Singh в своей статье затрагивает проблему «духовной экономики» на примере Золотого Храма в Индии. К.ф.н. доцент каф. англ. языкознания филологич. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова М.М. Филиппова исследует особенности актуального использования повелительного наклонения в английском и русском языках.

УДК 811.111
ББК 81.2Англ

Научное издание

Напечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 20.12.2014 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ 335.

Издательство ООО «МАКС Пресс». Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

ISBN 978-5-317-04933-1

© Авторы, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. Научные и научно-методические статьи

Алексеева Л.Е. Особенности обучения иностранным языкам
в профессионально ориентированном контексте5

К 450-летию со дня рождения У. Шекспира
Kizilova, Tatiana “Stony foundation” of statesmanship in *the Tragedy*
of King Richard II by W. Shakespeare 10

Крючков И.Г. Восприятие и усвоение понятия “PRIVACY”
русскоязычными учащимися: из опыта преподавания22

Мурза А.Б., Алферова Т.Л. Ещё раз про любовь к видеофильмам
(Послесловие к учебному пособию «Видеокурс к четырём
американским фильмам», МАКС Пресс, Москва - 2012)29

Перцев Е.М. Приемы популяризации и использование
структурных моделей в создании философского дискурса
(на материале работ Э. Кассирера) 36

Поцыбина Е.П. Пословицы как отражение материальной
и духовной культуры (на материале пословиц русского языка)44

Singh, Pritam (Oxford Brookes, UK) Towards an Understanding of
the Spiritual Economy of the Golden Temple in India50

Филиппова М.М. Повелительное наклонение в жизни и рекламе65

Сазонова Н.А., Перцев Е.М., Яковлева И.О. Методическая
разработка урока к фильму «Тэсс» (режиссёр Роман Полански)
по роману Томаса Харди «Тэсс из рода д’Эрбервиллей»86

Раздел 2. Программы учебных и специальных курсов

Kazimova, G.A. Chinese Internet resource ‘www.globaltimes.cn’:
features of the worldview94

Kazimova, G.A. The European Union: political, economic and
legal aspects of cooperation96

Раздел 3. Работы студентов и аспирантов, выполненные под руководством или в соавторстве с преподавателями кафедры

<i>Карабанова М., Дорохина К.</i> Мао Цзэдун и международные отношения: стратегия "пустого города", стратегия "сдерживания" и поиски "психологического преимущества" (Перевод раздела главы 4 монографии Г. Киссинджера: Henry Kissinger, <i>On China</i> . Penguin Books, 2011. P. 97–106)	98
<i>Wang Dong (KHP)</i> The 18 th Central Committee of the Chinese Communist Party's third plenary meeting	106
<i>Karabanova, M.</i> Barack Obama's inaugural addresses: an attempt of concise political analysis	109
<i>Smirnova, D.</i> Some thoughts after reading Obama's inaugural address	113
<i>Лобанова С.А.</i> Механизмы формирования образов политических лидеров в российской прессе (2011–2012 гг.)	114
<i>Rudaeva, E., Khusnetdinova, E., Rasoshenko Zh.</i> The essence and distinctive features of the political culture	126
<i>Сергеева В.А.</i> Игреки: поколение, которое не бунтует	131
<i>К 100-летию с начала Первой мировой войны</i> <i>Шевелева В.</i> Руперт Брук: поэт, навсегда оставшийся юным	137
<i>К 450-летию со дня рождения У. Шекспира</i> <i>У. Шекспир</i> Сонет 12. Перевод <i>Анны Уточковой</i>	143
<i>Sheveljova, V.</i> The Metaphysical in "Macbeth" by Shakespeare as Metaphor and Active Agent	144
Сведения об авторах	151

РАЗДЕЛ 1. НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Алексеева Л.Е.

Особенности обучения иностранным языкам в профессионально ориентированном контексте

В настоящее время основные цели обучения иностранным языкам в профессионально ориентированном контексте можно сформулировать как *обучение языку как средству общения между специалистами, максимальное развитие иноязычных коммуникативных способностей обучаемых, ознакомление с социокультурной картиной мира изучаемого языка.*

Отличительная черта обучения профессионально ориентированному иностранному языку (ПОИЯ) состоит в том, что предполагаемый курс строится на основе конкретных профессионально значимых целей и задач студентов, что выражается в соответствующей методике подбора и организации тематического материала, а также в развитии определенных навыков и умений, необходимых для будущей профессиональной деятельности. При этом, обучение иностранному языку может иметь место в двух случаях: при подготовке специалистов и повышении их квалификации. В первом случае обучающиеся могут быть студентами вуза, не иметь четкого представления о навыках и умениях будущей профессиональной деятельности, вследствие чего они вынуждены полностью положиться на преподавателя в выборе обучающих материалов, профессиональных тем, отборе необходимой для усвоения лексики, в развитии у них тех навыков профессионального общения, которые в дальнейшем окажутся востребованными. В случае переподготовки кадров (на курсах усовершенствования или в условиях корпоративного обучения) обучающиеся, напротив, легко ориентируются и в специфической тематике, и в разнообразии профессиональной лексики. Они ясно представляют себе, какие именно навыки профессионального общения на иностранном языке им необходимы в первую очередь при выполнении их профессиональной деятельности (участие в переговорах, доклады на конференциях, ведение деловой корреспонденции, создание научных текстов и т.д.). Таким образом, структура курса обучения иностранному языку в каждом случае будет разной. В зарубежной методике, базирующейся, в основном, на исследованиях процесса обучения английскому языку, это различие определяется как «образовательный английский язык» (instructional English) и «оперативный английский язык» (operational English) [1].

Специфика обучения ПОИЯ характеризуется следующими особенностями:

- 1) зависимостью структуры курса от целей обучения, т.е. предназначен ли он для подготовки специалистов или повышения их квалификации;
- 2) использованием базовых знаний общего иностранного языка у учащихся как основы для приобретения ими профессионально значимых знаний и умений иноязычного общения;
- 3) ориентацией содержания курса на конкретную профессиональную область (экономика, наука, бизнес, медицина) или специальную дисциплину (политология, менеджмент, маркетинг и т.п.). Методика преподавания при этом должна учитывать соответствующее лексическое наполнение и особый формат устных и письменных текстов, а также те навыки и умения, которые являются характерными для данной профессиональной деятельности;
- 4) динамичностью процесса разработки и корректирования программы курса в зависимости от быстроменяющихся условий обучения [2].

В настоящее время в России факультеты или отделения в университетах, где можно было бы получить подготовку по специализации «преподаватель иностранного языка для специальных целей» находятся в дефиците. Поэтому преподавателями, ведущими занятия по иностранному языку в ПО обучении, оказываются выпускники филологических факультетов университетов и педвузов, которые получили глубокое базовое лингвистическое и педагогическое образование, но не владеют навыками преподавания иностранного языка в профессиональной сфере. Роль преподавателя иностранного языка в ПО обучении шире, так как помимо основных навыков преподавания общего языка, необходимо знание самого предмета (медицина, горное дело, международные отношения и т.д.), специфической профессиональной лексики и представление о коммуникативных потребностях, присущих данной профессии. В связи с этим к преподавателям ПО иностранного языка помимо требований, традиционных для преподавателей общего иностранного языка (профессионализм, энтузиазм, знание интересов, целей и задач студентов, способность разрабатывать учебные материалы и т.д.), необходимо предъявлять ряд дополнительных (интерес к профессиональной области студентов; базовые профессиональные знания; знакомство с комплексом навыков, необходимых для осуществления этой профессиональной деятельности; осознание целесообразности сотрудничества преподавателя иностранного языка и преподавателей профилирующих дисциплин).

Особое внимание в учебном процессе уделяется вопросу поэтапного развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции (ИПКК) будущих специалистов. Наиболее эффективным представляется обучение языку на функциональном уровне с учетом конкретной профессии, так как в профессиональном обучении наиболее четко проявляется тенденция приблизить процесс обучения к деятельности человека. В учебных условиях это достигается путем *моделирования* ситуаций профессионального общения, которые могут служить основой формирования нужных навыков профессионального иноязычного общения [3].

В связи с этим выделяется такая единица построения содержания профессионального образования, как профессиональная задача, а также предлагается алгоритм решения профессиональных задач [4]. Профессиональная задача представляет собой систему смоделированных разноуровневых заданий по организации на занятии практической деятельности будущего специалиста. С их помощью осуществляется перенос теоретических знаний, направленных на подготовку к профессиональной деятельности, в реальные условия. Основная цель профессиональных задач состоит в формировании умения применять теоретические знания в конкретных учебных ситуациях, имитирующих реальную профессиональную деятельность. Не случайно именно в процессе решения профессиональных задач, опираясь на собственный опыт, студент осознает потребность в самообразовании.

Профессиональные задачи применяются на лекциях, практических занятиях, во внеаудиторной самостоятельной работе студентов, на экзамене, а также в период профессиональной практики. Самое широкое применение профессиональные задачи находят на практических занятиях, где студенты анализируют гипотетические проблемы, делают выводы, отвечают на вопросы, самостоятельно разрабатывают критерии задач [5].

Ориентация обучения на профессиональное общение потребовала пересмотра соответствующего содержания обучения иностранному языку, в которое помимо лингвистических составляющих многие ученые и методисты стали включать и экстралингвистические. Это такие компоненты, как *сферы* общения, представляющие собой экстралингвистический фон, влияющий на речевое поведение и выбор языковых средств, а также *ситуации* общения, которые указывают на конкретные стереотипные условия взаимодействия партнеров, и совокупность *тем*, представляющих информативную специфику предмета [3]. В связи с этим важным представляется введение в содержание обучения такого понятия как «**концептосфера**» отрасли, т.е., совокупность всех культурных концептов данной области знаний,

включающих различные блоки фоновой профессиональной информации, такие как история отрасли, деловая культура отрасли, прецедентные имена отрасли, культурные ценности отрасли, отраслевое лингвострановедение и др. [6]. Таким образом, формирование лингвострановедческих профессиональных ценностей должно стать основной задачей по развитию межкультурной коммуникативной компетенции будущих специалистов. Наиболее перспективным в этом плане видится и междисциплинарное построение курса ПО иностранного языка, при котором в структуре учебного плана находят отражение различные предметы специальности. Кроме того, практика обучения ПО английскому языку на факультетах, где курсы лекций по специальности ведутся преподавателями, для которых английский язык является родным или языком-посредником, подтвердила правомерность и целесообразность работы в команде (team-teaching).

Особое значение в процессе обучения в ПО контексте приобретают такие понятия, как внутренняя и внешняя мотивация деятельности, которая формируется и поддерживается в процессе осуществления обучения, система познавательных потребностей и запросов, ценностное и критическое отношение к воспринимаемой информации, а также уже имеющийся опыт изучения различных дисциплин. Данная проблема может быть решена только в случае создания и поддержки особых для взрослой аудитории условий, благодаря которым учащийся мог бы оставаться активным и заинтересованным субъектом процесса обучения и иметь высокую мотивацию при выполнении предлагаемых заданий. Воплощение вышеизложенного видится в создании системы модульного обучения, ориентированного сугубо на практические цели конкретного контингента учащихся, с учетом тех видов, форм и приемов работы, которые бы гармонично вписывались в их собственную ценностную систему и имели бы эффект новизны.

Для преподавателя иностранного языка это означает потребность в глубокой исследовательской деятельности, в постоянном поиске путей самосовершенствования и, как следствие, профессионального роста.

Список литературы

1. Strevens P. The Learner and Teacher of ESP./ESP in the Classroom: Practice and Evaluation. Ed. D.Chamberlain & R.J.Baumgardner // ELT Documents, 128. – Oxford: OUP, 1988.
2. Алексеева Л.Е. Методика обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Курс лекций: Методическое пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007 – 140 с.

3. Крупченко А.К. Становление профессиональной лингводидактики как теоретико-методологическая проблема в профессиональном образовании. Автореф. дис...докт. пед. наук, – М.: 2007 – 46 с.
4. Компетентностный подход в педагогическом образовании. Коллективная монография / В.А. Козырев, Н.Ф. Родионова, А.П. Тряпицына и др. / Под ред. Козырева В.А., СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008 – 392 с.
5. Толетова М.К., Лямин А.М. Профессиональные задачи в методической подготовке учителя. // Высшее образование в России, 2010 – № 1. – С. 151 – 153
6. Багрецова Н.В. Моделирование фоновых знаний отраслевого специалиста. // Номо Лоquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сборник научных статей. Вып. 4. Под ред. И. Ю. Щемелевой; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2012. – С. 313 – 322.

Tatiana Kizilova

**“Stony foundation” of statesmanship in
the Tragedy of King Richard II
by W. Shakespeare**

“Shakespeare out in front by a mile, and the rest of the
field
strung out behind, trying to close the gap”.¹
Tom Stoppard 1992

In view of Tom Stoppard’s dictum it is disconcerting and disheartening to read in *The Wordsworth Dictionary of Shakespeare Quotations* that “three of the biggest examination boards offer A-levels in English language and Literature in which Shakespeare is not compulsory, and students can gain degrees in English Literature...without studying his plays”.²

The Bard of Avon, however, still finds his way into our times as a silent presence “in front by a mile” and a rebuke he administers to the philistines. His place in readers’ hearts is secure. The observation that gems of classics are capable of being reinterpreted and used in new and fresh ways by posterity like a house redecorated when handed down from one generation to another has gained credit with long use.

The Tragedy of King Richard II (1595) is one of the few plays about English history in Shakespeare, and one of the few plays about language and its role in forging the notion of nationhood. It is one of the few plays in world literature about the power of language and the language of power. Portraying Richard II as a tragic figure, it establishes clear political links between the instability of late Elizabethan England and the 14th century England.

As is well known, the reign of Richard II was the period of the Hundred Years War and the Peasants’ revolt of 1381, it was the period of John Wycliffe’s heresy and the rise of Lollardism, the period of the Black Death and civil conflicts. But the reign of Richard II was also the period in which the English language took shape as a literary language. It was within his court that the poetry was allowed to flourish in the works of William Langland and Geoffrey Chaucer. Richard II was their patron; the greatest poet of that age Geoffrey Chaucer even served the king as a diplomat. More importantly, Richard II had been the first monarch to use English since the Norman Conquest

¹ Tom Stoppard. *The Real Thing* (play), 1992/ Cited from *The Wordsworth Dictionary of Shakespeare Quotations*.- W&R Chambers Ltd, Edinburgh.- Compiled by Lamb G.F., 1995.- p.343 ISBN 1-85326-340-0;

² Sunday Telegraph, 1992. *The Wordsworth Dictionary of Shakespeare Quotations*.- W&R Chambers Ltd, Edinburgh. -Compiled by Lamb G.F., 1995.- p.343 ISBN 1-85326-340-0;

There is every reason to believe that though *The Tragedy of Richard II* embraced the 14th century life in England, it was written by Shakespeare as his commentary on contemporary situation in the late 16th century. The conflicts with Spain and Ireland dragged on, the country's economy was hit by poor harvests and the cost of war. Prices rose and the standards of living fell. As the inflation had worsened the position, Elizabeth sold lands to pay for the military campaigns.¹ The Elizabethan era was also the time of plots and conspiracies,² religious battles and agrarian revolts.

Though the play describes the fall of Richard and the rise of Bolingbroke, critics often say that it is less a history play than the advice to the Queen on how to govern the country, less a tragedy of a particular king than a theory of statesmanship and kinship. Undoubtedly, advice may be too strong a word in the context, but Shakespeare had the royal ear, or at least he was taken into the Queen's council. According to a well-known anecdote, Queen Elizabeth on viewing the documents on the reign of Richard II said: "I am Richard II, know you not that?" She was mistaken here. Richard II was the mask Shakespeare put on. In this analysis I would like to give some of the reasons why this is so.

Compositionally, the play may be compared to a kind of symphony to which each member of the orchestra contributes his piece, even a masterpiece to compose the music of the "kingly office", each character offering his vision of the makings of a good king and royal duties. Enhancing each other, these value judgments help 'to hammer out' the main tune, or the moral dilemma at the heart of the play. Thus, the king is exposed to good influence through John of Gaunt and Mowbray.

The symbols of royal power in the play (as well as in real life) are crown jewels and a scepter. Handed down for many years of tradition unchanged, they emphasize the continuity of monarchy. Both sovereign insignia are to be found in celebrated John of Gaunt "scepter'd isle"³ speech which is construed

¹ The XIVth century England was confronted with similar problems. In *Richard II* the eponymous character makes a confession: "We are enforced **to farm the royal realm**. The **revenue** thereof shall *furnish* us our **affairs in hand**..."

² Of some interest is the fact that before the Essex Rebellion of 1601 supporters of the Earl of Essex paid for a performance of *Richard II* at the Globe Theatre, evidently because of the political implications of the scene that showed the deposition of the king.

³ Historians point out that John of Gaunt's eulogy might have had its non-literary source in John Aylmer's pamphlet of 1559: "Oh, England, England, thou not thine own wealth, because though seest not other countries' penury. Oh, if thou sawest the peasants of France how they are scraped to the bones and what extremities they suffer... oh, if thou knowest those Englishmen in what wealth thou livest and in how plentiful a country. Thou wouldst mil times a day fall flat on the face before God and gave him thanks that thou wert born an Englishman and not a French peasant, not an Italian, nor German." (Robert Blake. English world: History, Character and People). John Aylmer was bishop of London and less known "motherland prophet" whose prior

as a longish period based on suspense. In this period *This England* appears after a long list of metaphors (*this royal throne of kings, this scepter'd isle, this earth of majesty, this seat of Mars, this other Eden, this fortress built by Nature for herself, this happy breed of world, this precious stone set in the silver sea, which serves in it the office of a wall*) and the most important information is withheld to the end (*is now leased out*):

This royal throne of kings, this scepter'd isle,
This earth of majesty, this seat of Mars,
This other Eden, demi-paradise,
This fortress built by Nature for herself
Against infection and the hand of war,
This happy breed of men, this little world,
This precious stone set in the silver sea,
Which serves it in the office of a wall,
This blessed plot, this earth, this realm, this England,
This nurse, this teeming womb of royal kings,
Fear'd by their breed and famous by their birth,
Renowned for their deeds as far from home,
For Christian service and true chivalry,
As is the sepulchre in stubborn Jewry,
Of the world's ransom, blessed Mary's Son,
This land of such dear souls, this dear dear land,
Dear for her reputation through the world,
Is now leased out, I die pronouncing it,
Like to a tenement or pelting farm:
England, bound in with the triumphant sea
Whose rocky shore beats back the envious siege
Of watery Neptune, is now bound in with shame,
With inky blots and rotten parchment bonds:
That England, that was wont to conquer others,
Hath made a shameful conquest of itself.
Ah, would the scandal vanish with my life,
How happy then were my ensuing death!

Act II, Scene I

Precious stone set in the silver sea is a central metaphor around which other tropes of the play revolve. Made conspicuous by alliteration this sustained metaphor has its components *precious* (of great value), *set* (about a precious

use of national rhetoric helped shape Shakespeare's conception of nationhood. John Aylmer urged his fellow-citizens to defend themselves against foreign invaders, the idea of the blood and the land going together being immanent to him.

stone – fixed firmly into an object), *silver* (shining bright precious metal) taken from the same source domain.

It wouldn't be an exaggeration to say that stone is a culturally specific concept in English. England is one of the few countries that can pride itself on the riches of temples and stone circles displayed at best in Avebury and Stonehenge. Archaeologists believe that Neolithic men, who made these monuments, symbolically saw themselves as turning the land "inside out", exploring the borderline between worlds above and beneath the ground. Since prehistoric times stone has been the main material used as a tool (flints and arrowheads) and later on for building and construction, thereby stones came to reflect in popular thinking firmness, solidity and permanence. It is certain that the legacy of these Neolithic monuments has left an impact both on popular and artistic imagination.¹ Stones soon were turned into objects of worship and veneration, being associated with stability, hardness and endurance in all languages and cultures, bearing a wealth of symbolic meanings, triggering a host of implications and resonances.

In Greek mythology **Sisyphus** was punished for lying by being made to roll an immense rock uphill, only to watch it roll back down. **Gorgon's** gaze would turn the onlookers to stone. According to the Bible, Moses on ascending Mount Sinai (Exodus 31:18) brings **Tablets of Stone**, inscribed with the Ten Commandments.

The word *stone* is a component of many English idioms and proverbs: *to have a heart of stone*, *to leave no stone unturned*, *to kill two birds with one stone*, *a stepping stone*, etc. *Stone* was used as a unit of weight equal to 14 pounds and as a unit of time measurement (*at a stone's throw*).

Precious stones combining solidity and luster, evocative of Tabor light, have been used as talismans since recorded history. Alongside with gold they symbolize royal power which was believed Holy and Divine in medieval times. Similarly, the lexical unit *jewel*, or a precious stone, which comes to denote "a person or a thing that is greatly valued", has become part and parcel of the language (a jewel of an idea; the jewels in overseas operations).

The word 'jewel', or a precious stone, is a code word for Shakespeare: a precious stone is an object which stands as a standard for all the rest. *This precious stone* as something to be valued evokes patriotic feelings (feelings of love and pride in one's motherland). However, it takes on a literal meaning in the context based on the interplay of the figurative and the literal uses (*land is leased out*), thus pushing the theme of betrayal to the fore (compare:

¹ One cannot but agree with R. Muir when he writes: "They (stone monuments) remind us that at certain times religion and ritual can motivate communities to pinnacles of achievement"/ *The English World: History, Character and People*. Ed. By Robert Blake: Thames and Hudsons, 1st ed., 1982. - p. 227.

'*It's a shame to lend the land by lease*'). Though addressed to Duke of York, this eulogy of England was delivered in Richard's presence, and it contained scathing criticism of Richard's policy to lend the land by lease (*Landlord of England art thou now, not king: Thy state of law is bond slave to the law*).

Echoes of this speech recur and reverberate throughout the play in the metaphor of England as "a sea-walled garden", land "full of weeds" and the garden scene where the gardener moralizes on the political disorder in the country.

Metaphoric uses spring up and disappear only to reemerge at crucial moments in the network of meanings. Further on, the list of virtues an ideal king should possess takes the form of 'precious stone' metaphor: regalia stand for attributes and virtues of what is expected of the king. In Mowbray's speech directed at Richard II the metaphoric uses of *treasure* (gold, silver, jewels, highly valued and loved objects) and *jewel* (precious stone) connote the idea of something that is to be loved, valued and cherished

My dear dear lord,
The purest **treasure** mortal times afford
Is **spotless reputation**: that away,
Men are but gilded loam or painted clay.
A jewel in a ten-times-barr'd-up chest
Is a **bold spirit in a loyal breast**.
Mine honour is **my life**; both grow in one:
Take **honour** from me, and my life is done.
(Scene I, Act I)

Jewelry metaphor becomes the crucial mechanism of transcoding or interpreting the poet's message. Revealing the source and origin, i.e. the deeper course of things, metaphoric uses link together heterogeneous concepts. Abstract notions and concrete objects are evaluated as similar in this conjunction, thus revealing the conceptual base of the motivation: one has to possess the will of adamant so as not to crumble into dust. In other words, the role of metaphor can be described as assessing the information by adjusting the experience to already existing patterns on the basis of analogy. What is reflected in this analogy is the experience of exploring the nature, the creation of material culture, the values and the belief system of a given community. The essence of human greatness is measured in jewels (precious stones). *Good name (spotless reputation), honour, a bold spirit, loyalty* form a store of value for Shakespearean characters. And in the Master's hands the jewels are prone to glitter and shine out all the more brightly.¹

¹ Indeed, it is a code word for Shakespeare: Good name in man and woman, dear my lord,/Is the immediate jewel of their soul (Othello); Save that my soul's imaginary sight Presents thy shadow to my sightless view, Which, like a jewel hung *in ghastly night*, Makes black night beautiful.

Another *jewel* is contributed by John of Gaunt in his anticipation of his son's return: "the *precious jewel* of thy *home return*". Way back home seen as a precious stone nurtures the meaning in the direction of patriotism alongside with epithets 'sweet soil of England', 'my dear land', 'dear earth', 'my native shore' and metaphors 'a long-parted mother with her child', 'this earth shall have a feeling and these stones Prove armed soldiers', thus rendering the patriotic feelings of the characters.

Love of one's motherland cannot be dissociated from love of one's mother tongue

THOMAS MOWBRAY

A heavy sentence, my most sovereign liege, <..>
 The language I have learn'd these forty years,
 My native English, now I must forego:
 And now **my tongue's use** is to me no more
 Than **an unstringed viol or a harp,**
 Or like **a cunning instrument cased up,**
 Or, being open, put into his hands
 That knows no touch to tune the harmony:
 Within my mouth you have engaol'd my tongue,
 Doubly portcullis'd with my teeth and lips;
 And dull unfeeling barren ignorance
 Is made my gaoler to attend on me.
 I am too old to fawn upon a nurse,
 Too far in years to be a pupil now:
 What is thy sentence then but speechless death,
 Which robs my tongue from breathing native breath?

Act I, Scene III

In Mowbray's speech language is compared to the musical instrument, and the use of language is perceived as music (the play on the instrument), i.e. the ability "to tune the harmony". However, when *dull unfeeling barren ignorance* is made a *gaoler*, the language is imprisoned (*engaol'd my tongue; Doubly portcullis'd with my teeth and lips; gaoler* belong to the same source – prison tower). The lines *What is thy sentence then but speechless death, Which robs my tongue from breathing native breath?* look back to *Take honour from me, and my life is done*. Thus, different parts of the text are brought together, linked and cemented by the same metaphor: life deprived of speech and honour is akin to death, the end of life. Viewed through this prism the use of native language is on the list of attributes of an ideal king and is made the jewel in his crown.

and her old face new (Sonnet XXVII); It seems she hangs upon the cheek of night/ Like a rich jewel in an Ethiop's ear; Beauty too rich for use, for earth too dear! (Romeo and Juliet).

What shines out from these jewels is a reservoir of collective national wisdom, a sense of reality and deep humanism, the belief in man's noble mission and calling. It wouldn't be an exaggeration to say that the metaphor of crown thus interpreted becomes the symbol of the national soul.¹

To keep life going, national heritage is to be preserved, not squandered. The treasure is to be treasured. *To know touch to tune the harmony, to keep law and form and due proportion, to root away the noisome weeds, to hear the music of time* form the essence of greatness in a king, make his store of value. Shakespeare's king Richard II doesn't live up to these principles. His tragedy and treachery begins with the betrayal of the idea of the royal power he was supposed to epitomize. In his tragedy Shakespeare revealed what a disaster a king may inflict onto a state if the Sovereign is unfit for royal duties. Moral sense and political acumen are equally indispensable for a king. The betrayal of such values as patriotism, honesty, love of one's national language leads to state treason.

King Richard II in Shakespeare's play is both the traitor and the betrayed. His "friends are fled to wait upon his foes", they rush "to undeck the pompous body of the king", his subjects "throw away respect, tradition, form and ceremonious duty". The *golden crown* becomes *blemished crown* (to blemish is to spoil something beautiful), even *hollow* (without value, worthless) *crown that rounds the mortal temples of the king, the heavy weight on his head*. Thus, change in the use of epithets reflects that the crown loses its allure, pomp and splendour, it is starting to shed off its jewels.

In Act IV Scene IV the crown is viewed as consisting of two parts, one reflecting glamour and brilliance of power, another accumulating grief and sorrow of life:

Now is this golden crown like a deep well
That owes two buckets, filling one another,
The emptier ever dancing in the air,
The other down, unseen and full of water:
That bucket down and full of tears am I,
Drinking my griefs
Act IV, Scene I

The second but no less important symbol of royal power is the scepter. *Scepter* as an ornamental rod, a sign of monarchy, also undergoes

¹ Thus, in the lines: Ten thousand bloody crowns of mothers' sons Shall ill become the flower of England's face, where different meanings of the word "crown" are brought together: 1) a circular head-dress made of gold and jewels and worn by a king or queen 2) a king or queen governing the country 3) the top of the head, and *Shall ill become the flower of England's face* is paradigmatic to *the withered rose of the queen*.

transformation in Richard's royal hands. Upon first mention the word *scepter* conveys a whole range of historical and cultural connotations: collocations *scepter'd awe* (awe - the feeling of respect connected with fear and wonder), *sacred handle of a scepter* (sacred - connected with God, considered to be holy, regarded with great respect) emphasize the medieval belief in the holy power of the king.

However, as the revolts against Richard's policy grow, the evaluative overtones of the word *scepter* change under the influence of the context. To appreciate this one has to turn to Act II Scene I at Ely House. In the words of Northumberland: *to wipe off the dust/ That hides our scepter'd gilt* the words *dust* and *hide* intersect in the meaning "to prevent from being used". Upon further usage the motif of religious veneration loses its power in an *unwieldy scepter* (unwieldy – awkward to move because of its shape, badly organized to function effectively). As the saga of betrayal upon the betrayal unfolds, Earl of Worcester *has broken his staff of office*. "Staff" (a long stick used as a symbol of authority) is still paradigmatic with "scepter", belonging as it were to the same semantic field "power/authority", but it is no longer ornamental or divine. As it is a benchmark of Shakespeare's style "to set the word itself against the word", it is hardly surprising to discover a play on words of similar phonetic shapes: in Scoop's remark "*distaff women manage rusty bills against thy seat*" "distaff" may be taken both as "on the female side of the family" and "deprived of the staff", which befits its morphological structure.

Finally, one finds the Queen reproaching Richard for *kissing the rod* (Take thy correction mildly, kissing the rod). As opposed to "scepter" "rod" is absolutely stripped of its kingly connotations since it simply means "a thin straight piece of wood used for punishment of people".

In Act III Scene III this fluctuation (even U-turn) of evaluation takes form of antithesis, enhanced by syntactic parallelism – an antithesis too pervasive to be perceived as an obvious symbol of wreck and ruin of the royal power

I'll give *my jewels* for a *set of beads*,
My gorgeous palace for a hermitage,
My gay apparel for an almsman's gown,
My figured goblets for a dish of wood,
My sceptre for a *palmer's walking staff*,
My subjects for a pair of carved saints
And *my large kingdom* for a *little grave*,
A little little grave, an obscure grave;

In the context adduced above the words "jewel" and "scepter" are involved into the frame of life and death struggle.

One may even state with certainty that the deposition of the king is linguistically primed through the replacement of "scepter" and "crown" by synonymous words of low stylistic reference or their use with epithets of negative evaluation.

Scepter → palmer's walking staff → rod

↓

Unwieldy scepter

Crown → blemished crown → hollow crown → heavy weight

However, in close keeping with the principle “for sad and merry equal be” Richard’s defeat is inseparable from his moral victory. A humanist king emerges in Act V of the play. One cannot but be in sympathy with him.

Before King Richard II was slain he unkinged himself by giving away his crown and the scepter, and asked for a mirror only to shatter it on the ground. The metaphor of Language /Art as a mirror, or a reflector of the external world, which persists throughout philosophy from Plato to contemporary times, is very revealing here: the play is a mirror Shakespeare held up to his contemporary England and our changing world. Richard II acts as a mouthpiece of the playwright in the pronouncement: *I’ll read enough/ When I do see the very book indeed/ Where all my sins are writ,/ And that’s myself./ Give me the glass, and therein will I read.*¹

It is commonplace in literary criticism to say that Shakespeare puts the most significant words onto the lips of the dying characters (John of Gaunt) or men who are exiled (Thomas Mowbray).² Particularly noteworthy in this respect is Richard’s final monologue. Critics often rightly remark that in Act V Richard II develops into a meditating hero rather than one acting upon his words. This privilege of language over action enables us to interpret his character as that of a poet. Indeed, there are grounds for such an assumption – on deposing himself Richard II of the play says: “I am greater than a king”. Shakespeare’s implication here might be: “My kingdom is not of this world – it is the realm of poetry.”

In his last monologue Richard comes to us as a poet and a priest, preaching on the nature of language and thinking, giving a kind of lecture on the essence of aesthetic impact, classifying human behaviour and, hence, stratifying major themes and concepts of a literary work. One may remember Falstaff imitating the king or king Henry as a soldier, to find the similar

¹ The mirror can also imply vanity, an unhealthy amount of self-assurance. C.f.: the ancient Greek myth of Narcissus, the beautiful boy who having fallen in love with his reflection in a pool, wasted away and was turned into a flower. But whatever symbolism attributed to it, like a precious stone it depends for its reflection on Light (representation of Enlightenment or Wisdom).

² One can find proof of this in the words of John of Gaunt: “O, but they say the tongues of dying men/ Enforce attention like deep harmony: Where words are scarce, they are seldom spent in vain,/ For they breathe truth that breathe their words in pain.”

extension of character and to understand that these were part of the dramatic convention. However, here this extension communicates meaning and value – Language is assessed as Treasure.

The first lines of the monologue take the action into a far more remote space than “the flinty ribs” of Pomfret castle, offering comment on the artistic worldview which is the product of human mind as well as of human heart.

KING RICHARD II

I have been studying how I may compare
This **prison** where I live unto **the world**:
And for because the world is populous
And here is not a creature but myself,
I cannot do it; yet I'll hammer it out.
My brain I'll prove *the female to my soul*,
My soul the *father*; and these two beget
A generation of still-breeding thoughts,
And these same thoughts people this little world,
In humours like the people of this world,
For no thought is contented. The better sort,
As thoughts of things divine, are intermix'd
With scruples and do set the word itself
Against the word:
As thus, 'Come, little ones,' and then again,
'It is as hard to come as for a camel
To thread the postern of a small needle's eye.'
Thoughts tending to ambition, they do plot
Unlikely wonders; how these vain weak nails
May tear a passage through the flinty ribs
Of this hard world, my ragged prison walls,
And, for they cannot, die in their own pride.
Thoughts tending to content flatter themselves
That they are not the first of fortune's slaves,
Nor shall not be the last; like silly beggars
Who sitting in the stocks refuge their shame,
That many have and others must sit there;
And in this thought they find a kind of ease,
Bearing their own misfortunes on the back
Of such as have before endured the like.
Thus play I in one person many people,
And none contented: sometimes am I king;
Then treasons make me wish myself a beggar,
And so I am: then crushing penury
Persuades me I was better when a king;

Then am I king'd again:

Further on Shakespeare shows through Richard II how reality and History in the form of 'sighs and tears and groans' are transformed into poetry. 'The form and pressure of the age' are transmitted into imaginative vision expressed through the protagonist's statement about the world. In this monologue Time is viewed as rhythm and proportion, the witness and the jury of History, even History itself.

Music do I hear?

[Music]

Ha, ha! keep time: how sour sweet music is,
When time is broke and no proportion kept!
So is it in **the music of men's lives.**
And here have I the daintiness of ear
To cheque **time broke in a disorder'd string;**
But for the concord of my state and time
Had not an ear to hear **my true time broke.**
I wasted time, and now doth time waste me;
For now hath **time made me his numbering clock:**
My thoughts are minutes; and with sighs they jar
Their watches on unto mine eyes, the outward watch,
Whereto my finger, like a dial's point,
Is pointing still, in cleansing them from tears.
Now sir, **the sound that tells what hour it is**
Are clamorous groans, which strike upon my **heart,**
Which is the bell: so sighs and tears and groans
Show minutes, times, and hours: but my time
Runs posting on in Bolingbroke's proud joy,
While I stand fooling here, his Jack o' the clock.

Time (History), Language and Harmony (music of Time, sense of proportion) are intrinsically brought together in this oratory (or oratorio?). "A disorder'd string" is evocative of "unstrung viol or a harp", time breaks (civilization ends) when language use (tongue's use) is entrusted to "dull unfeeling barren ignorance", or dehumanized species without hearts and brains, species that know "no touch to tune the harmony".

The monologue ends on a pathetic note

This music mads me;
Yet blessing on his heart that gives it me!
For 'tis a sign of love; and **love to Richard**
Is a strange brooch in this all-hating world.

“Love to Richard” when taken literally and outside the context, seems to be a bit out of place under the circumstances. Interpreted metaphorically and as a unit of the whole, with Richard’s character understood as that of a poet, it acquires connotation of “Love of poetic Language”. “A strange broach” is a crowning metaphor in the set of “crown jewels”. “Broach” (=brooch) meaning “a pin used for fastening clothes and as an ornament”, Language for Shakespeare denotes at once a means of cementing thoughts, an adornment, and the fire of heart (love).

Taking all these observations into account, one may conclude that throughout the play Shakespeare weaves a complex matrix of iterated ‘jewelry’ metaphor which grows into symbol and gains strength towards the end. The text itself is built as an extended metaphor of language approached as a treasure trove, and of a poet as a jeweler powerful enough to unlock it, quarrying it for precious stones, or words, cutting facets on gemstones, striking sparks of hope which ignite the mankind, sending off the Divine light of truth to people.

References

В.В. Виноградов. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959.

The English World: History, Character and People. Ed. By Robert Blake: Thames and Hudsons, 1st ed., 1982.

Shakespeare: the Critical Tradition. Ed. By Charles R. Forker.- London :Athlone Press, 1998.

Plato: Complete Works. Ed. by John M. Cooper, As. Ed. D. S. Hutchinson, 1997 - *Republic*, trans. G. M. A. Grube, rev. C. D. C. Reeve. Plato, *Statesman*, trans. by C. J. Rowe. Plato, *The Symposium*, trans. by Christopher Gill. London: Penguin, 2003.

Telia V. N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. – Moscow, 1998.

Shakespeare William. The Tragedy of King Richard II. The Complete Works. Three-volume set. - Volume II. – Aurora Publishing, 1996. – pp. 25-50.

Longman Dictionary of Contemporary English. –Longman, 1995.

Oxford Advanced Learner’s Dictionary. - Oxford University Press, 1999.

Крючков И.Г.

Восприятие и усвоение понятия “PRIVACY” русскоязычными учащимися: из опыта преподавания

Освоение лексического богатства иностранного языка - процесс, далёкий от установления и запоминания однозначных соответствий. Это можно проиллюстрировать даже простыми примерами, когда для обозначения вполне конкретных материальных сущностей в разных языках используется разное количество слов, причём там, где этих слов больше одного, распределение значений между ними строго фиксировано и не может быть произвольно изменено (рус. «палец» - англ. «finger», «thumb», «toe»).

Когда же речь идёт об абстрактных понятиях, ситуация становится значительно более сложной.

В процессе изучения иностранного языка особую трудность представляет культурно- специфическая лексика, которую часто справедливо именуют безэквивалентной. В этой области можно выделить, по крайней мере, два крупных класса слов:

1. обозначения материальных предметов, характерных для той или иной культуры (рус. «самовар», англ. «fish-and-chips»), и
2. обозначения понятий из сферы духовной жизни (рус. «душа», «тоска», англ. «challenge», «drive»).

Для слов класса 1 при переводе практикуется либо транслитерация (с возможным пояснением значения в сносках), либо более пространное описание значения на другом языке.

Что касается слов класса 2, то, на первый взгляд, ситуация кажется не столь затруднительной, т.к. тот или иной вариант перевода легко найти («challenge» - «вызов»). Однако вскоре выясняется, что далеко не во всех контекстах возможно переводить слово именно так. Более того, поиск верного эквивалента осложняется тем обстоятельством, что речь идёт не о разных значениях одного слова (как, например, «case» - «случай», «падеж», «чемодан» и т.д.), а о едином значении, которое на другом языке передаётся в разных случаях по-разному, т.к. в этом последнем отсутствует понятие того же объёма.

Между тем владение культурно-специфической лексикой чрезвычайно важно для правильного понимания текстов на иностранном языке, для успешного общения с его носителями. Для тех, кто изучает язык, важно максимально полное освоение всего объёма значения понятия. Это требует особого внимания к рассматриваемой лексике со стороны преподавателя.

В настоящей работе рассматривается одно, но весьма важное в современной культуре англоязычных стран понятие - «privacy».

Рассматривается оно в учебно-методическом аспекте, т.к. акцент делается на восприятие русскоязычных учащихся и способы их ознакомления с вышеназванным понятием. Работа основана на преподавательском опыте автора.

Начать разработку темы на практических занятиях целесообразно с вопроса к аудитории о том, как кто понимает само слово «privacy». Как правило, учащимся очевидно родство этого существительного с прилагательным «private», поэтому до начала обсуждения можно услышать ответы типа «частная собственность» или «частная жизнь».

Далее, с целью уточнения значения, предлагается перевести на русский язык ряд предложений, содержащих интересующее нас слово, например:

Eavesdropping devices threaten people's *privacy*.

The Appeal Court took a decision affirming a married couple's right to *privacy*.

They enjoyed *the privacy* afforded by a box at the opera.

A large ward in the hospital afforded patients little *privacy*.

Where can we go to talk in *privacy*?

Asking me such a personal question is an infringement of my *privacy*.

I did not say a word as I did not want to intrude on his *privacy*.

Don't come close to the lady, respect her *privacy*.

Выполнение такого задания позволяет учащимся со всей очевидностью убедиться, что «privacy» не может во всех контекстах переводиться одинаково, а зачастую поиск удовлетворительного эквивалента весьма труден.

В качестве следующего задания полезно попросить учащихся самим составить предложения на английском языке с интересующим нас словом, а затем обменяться ими в аудитории и попробовать перевести на русский примеры своих товарищей (разумеется, преподаватель предварительно просматривает составленные английские предложения и поправляет их по мере необходимости).

После такого анализа случаев употребления слова «privacy» и способов его перевода полезно провести с учащимися беседу о важности самого понятия в культуре, например, британского общества. Здесь можно затронуть такие моменты, как принятая в социуме дистанция между коммуникантами, амплитуда их жестов, недопустимость (или, по меньшей мере, крайняя нежелательность) прикосновений друг к другу, типичные реакции при случайных столкновениях прохожих на улице или пассажиров в транспорте, запрет на обсуждение личных тем и на оказание на собеседника психологического давления, явное пристрастие англичан (даже жителей

больших городов) к отдельным домам с садиками и непопулярность многоквартирных «башен» и т.д. При обсуждении тех или иных жизненных ситуаций важно показывать учащимся, как каждая из них может описываться с помощью понятия (и слова) «privacy».

Беседу этого рода желательно вести в интерактивном режиме, приглашая аудиторию включаться в диалог, комментировать сообщаемые факты, приводить по возможности свои примеры. Обязательно при этом сопоставление британской и российской реальности (например, реакция на непреднамеренное столкновение в толпе: «Sorry!» и «Куда лезете, не видите, что ли?!»). Обычно подобные сопоставления активизируют аудиторию и эмоционально оживляют её.

Проиллюстрировать сказанное можно таким примером. На одном из занятий при обсуждении различных аспектов темы «privacy» учащиеся были ознакомлены с отрывком из книги Т.В.Лариной (3, с.58). Автор книги рассказывает, как вскоре после возвращения из продолжительной зарубежной командировки оказалась в российском автобусе:

«Автобус ... стал резко поворачивать, а я никак не могла ухватиться за поручень и начала падать. Стоящий рядом мужчина, у которого были заняты руки, предложил: «Вы за меня держитесь». Мне было как-то неловко хвататься за мужчину, но тут рядом стоящая женщина, не говоря ни слова, схватила меня под руку. Так мы и ехали какое-то время, прижавшись друг к другу. И я чувствовала тепло этой незнакомой женщины. Это было давно забытое ощущение.» Т.В.Ларина истолковывает этот случай как иллюстрацию русского «чувства локтя», которое она противопоставляет английскому «sense of privacy».

При обсуждении данного отрывка учащиеся отмечали, что считают описанное здесь поведение пассажиров вполне естественным и правильным. Задавались вопросы об английских пассажирах в подобной ситуации: «Что же, они дадут человеку упасть?», «Как они вообще катаются в транспорте в час «пик», если так боятся дотронуться друг до друга?» Последовавшее затем обсуждение этих вопросов, с привлечением собственных наблюдений тех, кто побывал в англоязычных странах, дало учащимся возможность лучше прочувствовать (а не вы зубрить), что такое «privacy» и увидеть важные культурные различия между англоязычными странами и Россией.

Что касается проявлений «sense of privacy» в речевой коммуникации (невмешательство, избегание личных вопросов и непрошенных советов, воздержание от высказывания своего мнения, если оно расходится с мнением собеседника и т.д.), эти аспекты также вызывают большой интерес аудитории и желание дискутировать. Учащиеся сами отмечают, что в русской культуре, напротив, считается,

что настоящие друзья должны интересоваться личной жизнью друг друга, давать советы, причём часто в очень прямолинейной форме («Тебе обязательно надо жениться! Только не на ней!» и т. п.) и спорить по самым разным вопросам (в дискуссии отмечалось, что в воспоминаниях русских людей о «старых добрых временах» часто с ностальгической ноткой звучат фразы типа «А как мы спорили! Всю ночь, бывало, поспорим!»).

На одном из занятий автор настоящей статьи рассказал аудитории, как во время стажировки преподавателей Московского университета в г.Ковентри между двумя из них на семинаре возник спор на актуальную общественно-политическую тему. Никто из присутствовавших при этом россиян не увидел в этом ничего предосудительного, но преподаватель-англичанин приложил все усилия, чтобы спор прекратился. Когда его спросили, неужели англичане не спорят, если их волнует какая-либо тема, он ответил, что спорят, но для этого есть политические митинги и клубы по интересам, а в семье, при встречах друзей и тем более в стенах университета это не принято, т.к. при этом может пострадать «sense of privacy» собеседников. Русскоязычные учащиеся, услышав этот рассказ, отмечали, что англичане поступают разумно, но было бы очень трудно следовать их принципу.

Вообще в возникающих дискуссиях русскоязычные учащиеся обычно демонстрируют приверженность нормам собственной культуры, при этом высказывая уважительное отношение и к нормам, основанным на «privacy». Например, отмечалось, что соблюдение дистанции в общении может способствовать поддержанию хороших взаимоотношений, однако важно при этом не доходить до крайности, когда невмешательство граничит с равнодушием.

При обсуждении проявлений «privacy» в общении учащимся зачитывался отрывок из одного рассказа У.Сомерсета Моэма. Один из героев собирается переехать жить на новое место. Другой говорит, что первому там будет хорошо, потому что: «They're a very nice lot of people down there». На этом месте чтение прерывалось, и учащимся задавался вопрос, как бы они развили мысль о «very nice lot of people». В ответ все говорили о том, что вновь прибывшему будет с кем общаться, что он там с кем-нибудь подружится, им будет хорошо вместе... Затем зачитывалось окончание реплики из рассказа: «If you don't interfere with nobody, nobody'll interfere with you!» Такая концовка вызывает удивление русскоязычной аудитории, часто смех, хотя ни автор рассказа, ни его герой не рассчитывали здесь на комический эффект. Данный литературный пример ярко демонстрирует значимость «privacy» в жизни англичан, а реакция русскоязычных учащихся - явное расхождение в ценностях двух культур.

В процессе усвоения культурно-специфических понятий учащимся может помочь знакомство с пословицами, в которых эти понятия отражены (хотя и не обязательно названы). К теме «privacy», среди прочих, можно отнести следующие английские пословицы:

An Englishman's house is his castle.

Good fences make good neighbours.

A hedge between keeps friendship green.

Показателен случай, имевший место при обсуждении последней пословицы. Когда русскоязычным учащимся было предложено объяснить, как они понимают её смысл, один из них предложил такую версию: «a hedge» символически означает препятствия, разделяющие друзей и не позволяющие им вновь встретиться (расстояния, трудности на пути друг к другу и т.д.), но друзья стремятся преодолеть эти препятствия, чтобы быть вместе; при этом трудности закаляют их и только укрепляют их дружбу... Автор этой версии был искренне удивлён, когда узнал, что на самом деле эта пословица означает: если будешь соблюдать дистанцию (т.е. не слишком вмешиваться в жизнь своего друга и не слишком допускать его в свою), то вы сохраните свою дружбу. Та же идея ещё более прямо выражена в популярном афоризме «Familiarity breeds contempt».

На вопрос, какие русские фразеологизмы можно противопоставить по смыслу приведённым английским пословицам, учащиеся чаще всего отвечали: «В тесноте, да не в обиде», «На миру и смерть красна». Одна из учащихся назвала эти фразеологизмы выражающими идею «anti-privacy».

Продолжая сравнение ценностей двух культур в интересующем нас аспекте, полезно разобрать с точки зрения «anti-privacy» некоторые произведения русской литературы и кинематографа. Выбор подходящих для этой цели произведений (или их фрагментов) можно частично поручить учащимся, преподаватель также играет здесь активную роль.

В частности, обсуждался фрагмент из фильма «Белорусский вокзал», где главные герои требуют (доходя и до рукоприкладства), чтобы незнакомый им человек, оказавшийся рядом на автомобиле, отвёз в больницу получившего электрошок подростка, затем сами завладевают чужой машиной и везут его. На сторону главных героев становятся и сотрудники милиции, и даже спутница владельца автомобиля.

Русскоязычные учащиеся, даже если и рассуждают с позиций «privacy» («Почему он обязан это делать? Это его машина, и у него свои планы, а парня этого он знать не знает.»),

всё же признают, что «по-человечески» надо бы отвезти, ведь человеку плохо. И это соображение перевешивает. Поступок главных

героев фильма, крайне неправильный с точки зрения «privacy», обычно вызывает сочувствие и одобрение русскоязычной аудитории.

Другой пример - текст песни из кинофильма «Дело было в Пенькове» (автор Н.Доризо), где есть такие строки:

От людей на деревне не спрятаться,
Нет в деревне секретов у нас -
Не сойтись, разойтись, не сосвататься
В стороне от придирчивых глаз.

Ночью в рощах такая акустика,
Уж такая у нас тишина:
Скажешь слово любимой у кустика -
Речь твоя всей округе слышна.

Все сразу обращают внимание, что о ценностях, прямо противоположных «privacy», здесь говорится явно одобрительно. Эта песня – своего рода гимн “anti-privacy”. Такая интерпретация подтверждается заключительными строками песни:

Тем, кто держит свой камень за пазухой,
Ох, и трудно в деревне у нас!

Сопоставление приведённых примеров с уже упомянутым рассуждением из рассказа У.Сомерсета Моэма даёт учащимся объёмную картину различий в ценностях двух культур.

Для этой цели можно найти и многие другие примеры в литературе и искусстве как англоязычных стран, так и России.

В результате занятий, на которых происходят описанные в настоящей работе обсуждения, учащиеся начинают более осознанно воспринимать сложные лингвокультурные явления, становятся более внимательными к их отражению в языке (как в изучаемом иностранном, так и в своём родном) и более чётко осознают связь языка с мировоззрением, что несомненно делает учебный процесс интереснее и, как следствие, эффективнее.

В настоящей работе отражён лишь небольшой опыт. Дальнейшее развитие темы видится в следующих направлениях:

1. Изучение ситуаций, в которых носители английского языка считают возможным пожертвовать принципом «privacy»
2. Изучение нынешней ситуации в России, в которой принцип «privacy» становится всё более популярным, вступая в конфликт с традиционными российскими ценностями.
3. Включение в рассмотрение в учебном процессе и других культурно-специфических понятий с их языковым выражением как в английском языке, так и в русском.

4. Выяснение восприятия русских культурно-специфических понятий носителями английского языка.

5. Совместный с учащимися поиск путей успешной межкультурной коммуникации несмотря на существенные различия в понятиях и ценностях.

В заключение отметим, что, как неоднократно отмечала С.Г.Тер-Минасова, многое в своём родном языке мы начинаем осознавать только тогда, когда приступаем к изучению другого языка. Тогда, сопоставляя разные языковые картины мира, мы получаем возможность увидеть, что напрасно считали те или иные представления о мире чем-то само собой разумеющимся. Мир, систематизированный через посредство разных языков, предстаёт гораздо более сложным, чем нам казалось, но и гораздо более интересным.

Донести (через анализ культурно-специфических понятий) эту мысль до тех, кто изучает иностранный язык,- важная задача преподавания.

Список литературы

1. Джioева А.А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «privacy» /Вестник МГУ, серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация, 2006, №1, с. 41-59;
2. Джioева А.А., Зимин А.В. Концепт PRIVACY в ракурсе культурологи, лингвистики и политологии / Преподавание английского языка на гуманитарных факультетах: Теория и практика. Сб. научных и научно-методических трудов. Вып. 1. М., МАКСПресс, 2007. С. 92-122.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Издание 5-ое, исправленное. М. 1998.
4. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М. 2013.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М, 2007.
6. Flavell Linda and Roger. Dictionary of Idioms and their Origins. Kyle Cathie Ltd 1996.
7. Hayakawa S.I. Guide to Related Words, new edition. Cassell 1994.

Мурза А.Б., Алферова Т.Л.

**Ещё раз про любовь к видеофильмам
(Послесловие к учебному пособию
«Видеокурс к четырём американским фильмам»,
МАКС Пресс, Москва - 2012)**

О пользе видеофильмов при изучении иностранного языка пишут многие авторы, отмечая разные положительные аспекты таких показов. Это, прежде всего, «живое», не учебное «воплощение» произношения, грамматики, интонации в естественной звучащей речи; это насыщение слов социо-культурной коннотацией, то есть отражение словом обычаев, традиций, ценностей, норм носителей языка. И, конечно же, это эстетическое удовольствие от талантливого произведения искусства, - может ли быть большой стимул для постижения изучаемого предмета?

Остроумно и ёмко сказал об этом американский преподаватель и переводчик Марк Х. Титер в своей статье «Go ahead, punk, drill those pronouns» («The Moscow News» №24, 3-5 April, 2012, p.11): «...movies illustrate the mechanics of the intended tongue - pronunciation, intonation, grammar, syntax, the works - through demonstrations either close to or directly from the discourse of real life. And what a great delivery vehicle! Instead of a boring teacher looming critically over your shoulder or a faceless voice droning into your earphones, a film offers you its real life-like language in a joint audiovisual package...»

В изданном авторами статьи видеокурсе представлены разработки к четырём фильмам: «Caesar and Cleopatra» (реж. Gabriel Pascal, 1945); «My Fair Lady» (реж. George Cukor, 1964); «The Great Gatsby» (реж. Jack Clayton, 1974); «Dead Poets Society» (реж. Peter Lindsay Weir, 1989). Выбранные для курса фильмы были не раз показаны студентам и неизменно вызывали их живой интерес.

Три фильма из отобранных – «Caesar and Cleopatra», «My Fair Lady», «The Great Gatsby» - являются экранизацией талантливых художественных произведений (пьес Бернара Шоу «Цезарь и Клеопатра» (1898) и «Пигмалион» (1912) и романа Ф.С.Фитцджеральда «Великий Гэтсби» (1925)). В фильмах по пьесам Б. Шоу бережно сохранен язык драматурга – живой, остроумный, часто афористичный. Над сценарием фильма «The Great Gatsby» работали два великих писателя – Владимир Набоков и Филипп Рот, - а завершен он был известным режиссером Френсисом Фордом Копполой, который предпочел не изменять текст романа, и включил в фильм и монологи главного повествователя Ника Каррауэя, и многие диалоги героев романа.

Показ фильмов предварялся прочтением пьес Б. Шоу и отрывков из произведения Ф.С. Фитцджеральда, что облегчило восприятие звучащего текста.

Четвертый фильм, «Клуб мертвых поэтов», - один из лучших у австралийского режиссера Питера Вейра (Уира) и в американском киноискусстве конца прошлого века. Его содержание (жизнь учеников старших классов в престижной школе (boarding school)), – остроумно показанные уроки литературы, игра известных актеров стали стимулом для повторения некоторых эпизодов из истории Америки, нахождения упоминаемых в фильме штатов и городов на карте США, прочтения стихов, цитируемых в фильме, - У. Шекспира, Джорджа Байрона, Альфреда Теннисона, Генри Торо, Уолта Уитмена, Роберта Фроста.

Таким образом, данные фильмы неразрывно связаны с историей и культурой англоязычных стран и, можно надеяться, послужат стимулом для интереса студентов к этой истории и культуре.

Можно пошутить, что наша убежденность в пользе показа фильмов, нашла подтверждение на государственном уровне. Известно, что после обсуждения со специалистами и учителями средних школ, Министерство просвещения предложило ввести новый аспект в обучение школьников – показ и обсуждение фильмов, многие из которых связаны с историей и известными литературными произведениями. В список вошло 200 названий наиболее талантливых и значительных работ российского и зарубежного киноискусства.

Система упражнений пособия в основном имеет целью помочь учащемуся воспринимать звучащий текст, отдельные его фразы, диалог, идиоматические выражения, а подчас и оригинальные грамматические структуры.

Все упражнения даны в двух рубриках: « Before Watching the Film» и «After Watching the Film». Конкретные задания упражнений зависят от содержания фильма. Так, перед просмотром фильма «Цезарь и Клеопатра» по пьесе Б. Шоу, показалось уместным дать ремарки автора к описанию некоторых важных персонажей пьесы. Во-первых, это готовит к восприятию довольно многочисленных участников событий на экране, а, во-вторых, помогает оценить, насколько удачно они воплощены в фильме. Прекрасные актеры Клод Рейн и Вивьен Ли создают образы римского полководца и египетской царицы. Очевидно, экранные образы отличаются от реальных прототипов, но они вдохновлены талантом их создателя и от того кажутся не только правдивыми, но и очень современными. Показанные в реально существовавших исторических ситуациях и костюмах, они говорят на современном языке, живом и остроумном. Юлий Цезарь не только гениальный и хитрый военачальник, но поэт и философ; его

размышления о славе, добре, доблести, любви поэтичны и интересны для юного зрителя.

Пленителен образ Клеопатры. Девочка, полная детских предрассудков, совершающая необдуманные поступки, превращается, под влиянием Цезаря, в царицу, более уравновешенную, серьезную и властную. Она радуется, когда Цезарь отплывает из Египта, тому, что сможет править единолично. Но зритель понимает, что и слезы ее искренни - что власть и слава по сравнению с той любовью, которой одаривал ее великий полководец.

Поэтичность текста талантливо воплощена в фильме: огромной статуе сфинкса на фоне темнеющего неба и бескрайней пустыни, музыке, красках. Как известно, Габриэль Паскаль заказывал песок из Египта, чтобы придать фильму натуральный колорит.

В упражнениях, предваряющих просмотр фильма «Моя прекрасная леди» по пьесе Б.Шоу «Пигмалион», даны для перевода некоторые афоризмы и парадоксы писателя, столь характерные для его стиля. Здесь также дан комментарий к названиям улиц, учебных заведений, старых монет, именам упоминаемых писателей и ученых. Так, студенту напоминают о том, что такое «Harrow School» (привилегированная частная школа в графстве Миддлсекс, где учились, например, известный драматург Р.Б.Шеридан, поэт Д.Г. Байрон, романист А. Треллоп); или чем замечательны старейшие английские университеты Оксфорд и Кембридж, что написал прославленный поэт 17-ого века Джон Милтон, или изобрел Александр Белл.

Здесь также дается объяснение ряда сленговых и жаргонных выражений. Например, что такое «сокпнеу» и каковы некоторые фонетические и лексические особенности этого диалекта. Студент узнает, что так говорили в восточной части Лондона, чаще всего представители рабочего класса, произнося «ai» вместо «ei», добавляя «eitch» перед гласной или, наоборот, опуская этот звук в начале слова (вместо «hiə» → «iə»). Так им понятнее становится речь Элайзы Дулиттл и её отца Альфреда. Фильм насыщен музыкальными номерами (музыка Фредерика Лоу, текст Алана Джея Лернера). Текст этих номеров дан в отдельном упражнении, так чтобы можно было прочитать, перевести его, а, возможно, и выучить наиболее красивые мелодии и слова (например, 2-й музыкальный номер – Eliza “Wouldn’t It Be Lovely?”, или 5-й – Eliza “Just You Wait”, или 7-й – Eliza “I Could Have Danced All Night”, или 9-й – Freddy “On the Street Where You Live”, или 14-й – Alfred Doolittle “Get Me to the Church on Time”, или, наконец, 17-й – Henry Higgins “I’ve Grown Accustomed to Her Face”).

Фильм «The Great Gatsby» сопровождается лирическими монологами Ника Каррауэя, от лица которого ведется повествование. Они почти дословно повторяют текст романа. Их сложно воспринять и осмыслить

в фильме из-за быстроты произнесения и так как они звучат как голос за кадром. Вместе с тем они важны для понимания содержания фильма, так как Ник не только делится своими впечатлениями о Дейзи Бьюкенен, Джее Гетсби и других персонажах, но и описывает некоторые события происходящего, а сами его впечатления кардинально меняются к концу романа и фильма. Читая эти монологи в упражнении до просмотра, ученик может их перевести, осмыслить, понять их подчас глубокий подтекст. Возможно, ему захочется обратиться к оригинальному тексту романа.

В упражнении, предваряющем просмотр фильма «Dead Poets Society», даны строки из стихов, которые читают герои-старшеклассники на своих поэтических «заседаниях», и их переводы на русский язык. Это помогает студентам понять звучащие с экрана стихи и разделить удовольствие ребят, читающих их в фильме.

На уроках литературы Джон Китинг рассказывает своим ученикам о творчестве английских и американских поэтов и писателей, звучат имена известных композиторов, художников, политиков. В одном из упражнений студенту предлагается найти информацию об этих выдающихся людях (Шекспире, Байроне, Шелли, Уитмене, Торо, Фросте, а также об Аврааме Линкольне, Бетховене, Моцарте, Рембрандте).

В другом упражнении дается объяснение некоторых важных понятий, таких как «The Ivy League Universities» (лига, объединяющая несколько давно основанных и престижных университетов в восточной части Соединенных штатов, таких как Йель, Гарвард, Принстон, Браун), или что такое «New England» (штаты северо-восточной части страны: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут).

В основном лексико-грамматические упражнения видеокурса традиционны для учебно-методического жанра и отрабатывают сложности словарного и грамматического содержания текста фильма. Важно то, что в разнообразных упражнениях в какой-то степени повторяется язык Б. Шоу и Ф.С. Фитцджеральда, поэтических отрывков из английских и американских поэтов; это язык живой, часто метафоричный, насыщенный парадоксами, словесной игрой, афоризмами. Интересны не только грамматические конструкции сами по себе, но и их лексическое и художественное наполнение.

Можно, конечно, изучать грамматику, давая самые простые примеры, типа: «Когда он придет, мама будет готовить ужин», и всё-таки намного интереснее разбирать грамматическую структуру, когда сама фраза окутана некоторым эстетическим ореолом. Хочется привести несколько примеров из упражнения на перевод с английского языка на русский. Например, предложение, содержащее придаточное

времени («Caesar and Cleopatra»): «Before the sun has stooped half way to the arms of the sea, I will bring you back Caesar's order of release». Фраза, содержащая условное предложение («My fair Lady»): «If we took this man in hand for three months, he could choose between the seat in the Cabinet and a popular pulpit in Wales.»

Или пример на сложное сочетание времен и модальные глаголы, взятый из заключительного монолога Ника Каррауэя («The Great Gatsby»). Ник говорит о главном герое, Джее Гетсби, но по сути имеет в виду тех первых романтиков, которые верили в осуществление «американской мечты»: «I thought of Gatsby's wonder when he first picked out the green light at the end of Daisy's dock. He had come a long way to this lawn, and his dream must have seemed so close that he could hardly fail to grasp it. He did not know that it was already behind him, somewhere back in that vast obscurity beyond the city, where the dark fields of the republic rolled on under the night.»

Это лишь часть последней страницы романа. Размышления Ника Каррауэя важны для понимания основного смысла произведения, его тональности. Последняя часть монолога звучит как метафоричное обобщение судьбы всех людей, как заключительный грустный аккорд. При обсуждении фильма стоит прочитать монолог до конца: «Gatsby believed in the green light, the orgastic future that year by year recedes before us. It eluded us then, but that's no matter – tomorrow we will run faster, stretch out our arms farther... And one fine morning... So we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into the past.»

Вопросы одного из упражнений в рубрике «After Watching the Film» составлены так, что могут побудить посмотревших фильм не только обсудить какие-то важные моменты содержания, но и некоторые исторические, политические, философские проблемы, либо прямо упоминаемые в диалогах героев, либо являющиеся важным подтекстом произведения.

Той же цели служит написание эссе на одну из предложенных тем. Посмотрев фильм «Caesar and Cleopatra», учащийся может задаться вопросом, должен ли писатель или режиссер быть точным в изображении исторических персонажей и событий.

После просмотра фильма «My fair Lady» студентам предлагается поразмышлять о роли языка в формировании личности, о значении образования, об отношениях учителя и ученика.

Фильм «The Great Gatsby» заставляет нас подумать о смысле понятий «американская мечта», «потерянное поколение», «бушующие 20-е» и о драматическом столкновении романтизма и прагматизма в душе человека и обществе.

Опасность нон-конформизма, проблема «отцов и детей», подлинных и ложных ценностей – вот некоторые вопросы, интересные

для обсуждения и написания эссе после просмотра фильма «Dead Poets Society». В конце статьи мы приводим пример такого эссе, написанного студенткой 2-ого курса философского факультета Мариной Пак.

Хочется закончить данное послесловие, вспомнив известное педагогическое правило: «чем многообразнее средства, которыми учащиеся знакомятся с предметом, тем лучше они постигают и крепче запоминают его особенности».

Цвет, движение, звучащее слово, живой диалог – лишь часть богатого арсенала, который преподаватель иностранного языка может использовать, работая с видеоматериалом.

Marina Park.

The True Values: Conformism vs. Nonconformism

(A composition based on a 1989 film, “Dead Poets Society”, directed by Peter Weir)

In the film “Dead Poets Society” a new literature teacher, Mr. Keating, comes to Welton, a traditional prestigious school for boys, where he changes the lives of a group of students forever, teaching them the nonconformist values of “finding their own voice”. One of the main characters, Neil Perry, who has a passion for acting and is encouraged by Mr. Keating to follow it, ends up committing suicide, because his father wouldn’t let him choose his own way in life, meaning for his son to become a doctor. The administration of the school is convinced that the tragedy wouldn’t have happened if not for Mr. Keating, his unorthodox teaching methods and dangerous ideas. And this is where traditional, conformist values clash with nonconformist, individualistic ones. Perhaps they are right, and Neil would have lived a long and socially useful life following the path his father has set out for him, but wouldn’t it have been a “life of quiet desperation” for him? (Just like the one most men lead, according to H. D. Thoreau.) Would it have been better or worse (than the actual turn of events)? Which side is really in the wrong here, conformist or nonconformist? And what are the true values?

With this composition I’m going to try and give – by all means, not the answer, but – an answer to some of these questions.

Let’s start with the conformist side of the problem. It seems kind of obvious to me that traditional values must have some value. If they didn’t, they wouldn’t have been values for so long for so many people, would they? “Welton Academy” for boys is a breeding ground for the future leaders of America, an institution dedicated to achievement, virtue and conformity” (this comes from one of the trailers of the film); its four pillars are “Tradition, Honour, Discipline, Excellence.” I can’t see anything wrong with the conformist set of values yet. So what’s the problem?

I guess, it's "Travesty, Horror, Decadence, Excrement". This is how "Hellton" students define the four pillars at the beginning of the film, before meeting Mr. Keating. You see, it's not that traditional values are all that bad themselves, but as they are conformist, they are accepted mechanically by most people, without really being understood or believed in. This way, without reflection, the conformist values can turn into their antipodes (which are not the nonconformist values in this case, but things, that are traditionally viewed as bad). Let me give you an example: remember what Richard Cameron, one of the members of Dead Poets Society, says justifying his ratting on Mr. Keating and the Society while being questioned by the school authorities investigating Neil's death? "There is something called an Honour Code at this school... If a teacher asks you a question, you tell the truth or you're expelled". He sees his betrayal as an honourable act, just because he committed it according to the Code.

This is the danger of conformity. Traditional values are proved by practice of many centuries, they provide order and stability to society and there is nothing wrong when a person is truly following them, but for some they are merely formal, external principles, which allow people to do things that are quite the opposite to the real meaning of these values.

You may or may not be earnest about following the conformist values, but you can be nothing but honest about trying to follow your heart. Mr. Keating urges his students to seize the day and live extraordinary lives. It's something impossible to do for someone who does not understand the purpose of doing so, who does not believe in the values of such attempts. (E.g., like R. Cameron.) But for those who do, these nonconformist values are true.

Here is what I think on the matter: The values are true when and only when the person (who they belong to) truly believes in them.

The fact that they are true doesn't mean that they can't be harmful, though. Individualism and freethinking can lead to many great and beautiful things, as well as all kinds of dangerous and asocial behavior.

In conclusion, I would like to point out that being a nonconformist is not equal to being true to oneself. Some nonconformists, rather than thinking for themselves, merely reject all traditional things, without analyzing their value, and try to do everything in spite of them. But not going with the stream does not necessarily mean going against it".

Список литературы

1. Bernard Shaw. Pygmalion. КАРО, Санкт-Петербург, 2006.

2. Bernard Shaw. Caesar and Cleopatra. КАРО, Санкт-Петербург, 2006.
3. F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby. Москва, изд. «Менеджер», 2005.
4. Учебный видеокурс английского языка. “My Fair Lady” («Моя прекрасная леди»). Languages of the World, Ltd, London, 1995.
5. Wikipedia, the free encyclopedia.

Перцев Е.М.

Приемы популяризации и использование структурных моделей в создании философского дискурса (на материале работ Э. Кассирера)

Изучение иностранного языка для специальных целей (ESP) концентрируется вокруг набора корпусных текстов в рамках определенной научной дисциплины. При этом из орбиты интересов нельзя исключать и научно-популярный дискурс, значимый как с точки зрения «намеренно условной» стилистической эклектики, так и в плане очевидной идеи популяризации, неотделимой от стандартных педагогических установок.

Вместе с тем, методические принципы обучения ESP (напр., академический дискурс для студентов-философов/политологов) должны включать в себя сочетание многоаспектных подходов, направленных на решение языковых задач в различных смежных областях:

1. Расширение лексического набора единиц, относящихся к сфере определенной специальности.
2. Реализация индуктивного, ориентированного на конкретные проблемные моменты подхода к изучению грамматики.
3. Развитие навыков говорения, востребованных в речевых жанрах академического общения.

Современные приемы развития определенных языковых «компетенций» требуют, в первую очередь, интегрированности различных аспектов в единое по структуре/целям практическое занятие. Такого рода интегрированность, как показывает практика, может

достигаться благодаря так называемому «дискурсивному» подходу, подразумевающему построение учебного занятия и решение задач по развитию различающихся навыков/умений «внутри» структурного единства тщательно отобранных по релевантности научных текстов. Оптимальным вариантом, на котором мы остановили свой выбор, стали тексты выдающегося философа Э. Кассирера, отвечающие следующим требованиям:

1. аутентичности;
2. достаточного, но не чрезмерного уровня сложности;
3. содержательной/лексической репрезентативности: являются примером популяризации философского дискурса;
4. грамматической репрезентативности: содержат конструкции, актуальные для устойчивого воспроизведения в научном дискурсе.

Работа с «корпусным» философским текстом позволяет актуализировать потенциал устойчивых словесных конструкций, относящихся к разным языковым/категориальным уровням. Конструкциями данного типа являются: а) функциональные связующие фразы (обозначают, напр., постановку проблемы/вывод/противоположную аргументацию); б) устойчиво воспроизводимые в научном дискурсе грамматические конструкции (напр., impersonal report structures); в) система лексических «концептов», связанных с той или иной актуальной для научного дискурса темой (напр., концепт влияния). Примеры «дискурсивных шаблонов» приведены в соответствующих частях данного исследования.

Следует также отметить, что активизация полезных устойчивых конструкций в лексиконе обучаемых невозможна в «автоматическом режиме» обращения к определенному тексту и должна подкрепляться системой специальных заданий: работа с карточками; snowballs, начало/конец и т.п.

Классические исследования по стилистике продемонстрировали, что *научный стиль*, к которому, безусловно, относится и «Опыт о человеке» Э. Кассирера, входит в число «относительно отграниченных в самой своей целенаправленности видов письменной речи», к которым применимо понятие функционально-речевого стиля, само по себе достаточно абстрактное, как и любая искусственно сконструированная и наделяемая определенным набором признаков модель «типа речи». В свою очередь, «научно-популярный дискурс» отличается «определенным приспособлением к более общим

способам выражения, т. е. заменой специальных языковых средств общелитературными», осуществляемой в форме намеренной акцентуации условного характера добавляемых «инородных вкраплений».

«Опыт...» Кассирера, сохраняя строго научную функциональную направленность, намеренно насыщается «чужеродными», художественными/публицистическими элементами, используемыми как инструментарий для построения риторически эффектных высказываний, которые зачастую соотносятся со строго определенным тематическим диапазоном. Кассирер прибегает к стилистически эклектичным высказываниям, демонстрируя акцент на принципиально значимых для него вопросах, например, о сложности символической природы человеческого мышления или о методических перспективах современной философии, синтезирующей усложняющуюся систему знаний из смежных областей и др.

При подготовке учебных материалов к практическим занятиям стилистически неоднородные фрагменты могут быть легко вычленены при сопоставлении русского/английского варианта текста. См.: «без символика жизнь человека должна быть уподоблена жизни узника Платоновской пещеры. Жизнь человека должна тогда ограничиться биологическими потребностями и практическими интересами» (С. 487). «Это учение ... было первым и решающим шагом к самоосвобождению человека. Человек не живет отныне в мире как узник, заточенный в стенах конечного физического универсума. Он способен прорываться ... через все воображаемые границы ... которые были воздвигнуты ложной метафизикой» (С. 459). «Но богатство фактов – еще не богатство мыслей. Не найдя ариадниной нити, ведущей нас из этого лабиринта ... мы потеряемся в массе бессвязных и разрозненных данных, лишенных концептуального единства» (С. 467). В данных фрагментах необходимо отдельно выделить относительно устойчивые сочетания, соединяющие в себе терминологическую релевантность и специфическую стилистическую маркированность, - соотнеся эти словосочетания с их эквивалентами в английском первоисточнике. См.: “*man’s self-liberation*”, “*a finite physical universe*”, “*false metaphysics*”, “*mass of disconnected and disintegrated data*”, “*lack conceptual unity*”.

Впоследствии работа с определенным таким набором сочетаний может осуществляться на основе системы традиционных упражнений, призванных способствовать активному усвоению словарных коллокаций.

Подход к освоению грамматических знаний, необходимый для реализации поставленных выше общих задач обучения, может считаться успешно интегрированным и эффективным только при одновременном соответствии определенным критериям. Во-первых,

необходимо использование элементов **индуктивного** принципа, или так называемого **discovery-learning**, в рамках которого обучаемый самостоятельно, с помощью определенных значимых контекстов, может вывести для себя необходимые правила/закономерности. Такого рода контексты могут, например, представлять собой контрастивные пары предложений (minimal sentence pairs), отражающие в необходимом аспекте значимое различие между двумя конструкциями (напр., Past Simple и Present Perfect).

С другой стороны, чтобы получить возможность нахождения контрастных пар, либо просто вывести нужную грамматическую закономерность из совокупности релевантных диагностических контекстов, требуется наличие **корпуса** текстов, отвечающих определенным жанровым требованиям и позволяющих вычленить значимые примеры словоупотребления. Компьютерные базы данных позволяют в настоящий момент использовать **конкордансные программы** для поиска значимых примеров по выбранной единице/структуре. Однако они применимы в большей степени к обучению общепрактическому английскому языку.

Чтобы интегрировать указанный выше общий принцип с задачами обучения английскому языку для специальных целей, мы приняли решение использовать в качестве основы «корпуса» философский текст, подобранный в соответствии с указанными в конце первой части критериями, – «An Essay On Man» Э. Кассирера.

Ниже приводятся примеры из данного текста, позволяющие студентам получить представление о различных модификациях следующих конструкций:

1. impersonal report structures;
2. emphasis in a complex sentence;
3. infinitive of purpose.

Кроме того, текст Кассирера дает широкие возможности для отбора устойчивых лексических сочетаний, релевантных в рамках философского дискурса.

Краткий список примеров (1 - impersonal report structures; 2 - emphasis in a complex sentence; 3 - infinitive of purpose):

1. when we study Plato's Socratic dialogues nowhere do we find a direct solution of the new problem (2)
2. It is precisely the negative answer of Socrates which allows new and unexpected light on the question (2)

3. For it is only in our immediate intercourse with human beings that we have insight into the character of man (2)
4. Only by way of dialogical or dialectic thought can we approach the knowledge of human nature (2)
5. It is by this fundamental faculty, by this faculty of giving a response to himself and to others, that man becomes a "responsible" being, a moral subject (2)
6. Marcus Aurelius was not an original thinker, nor did he follow a strictly logical method (2)
7. What matters alone is the tendency (2)
8. The Stoic theory proved to be one of the strongest formative powers of ancient culture (1)
9. At first sight Pascal seems to accept all the presuppositions of Cartesianism (1)
10. In order to understand the order of human things (1)
11. His being seems to be a single and vanishing point (1)
12. It is Spinoza who ventures to make the last and decisive step (2).
13. In order to find the true nature or essence of man, we must... (3).
14. But in order to understand its purport, we may choose... (3).
15. Nothing seems to be impermeable to the keenest of his thought (1).
16. Empirical observation here proved inefficient and inadequate (1).

Очевидно, что обучение иностранному языку для академических целей требует систематическую работу преподавателя по развитию навыков говорения в границах чрезвычайно специфичных речевых жанров, например, ОАР (Oral Academic Presentation) и panel discussion. Современные лингвистические исследования показывают, что эффективность устных высказываний/презентаций

значительно повышается в случае использования системы функциональных клише, сгруппированных по тематическим группам внутри отдельных жанров, напр., выражение согласия/несогласия/неоднозначности позиции или постановка проблемы/индикация противоположной позиции/подведения итогов и т.п.

Отдельным списком (в начале) приведены «лексические концепты», использование которых необходимо в контексте «стандартной» проблематики общефилософского дискурса:

1. «Влияние».
2. «Метод».
3. «Идея».
4. «Различие».
5. «Контраст».

Ниже приводится обширный перечень функциональных клише, структурированных по тематическим категориям:

Problems arise...

1. To face a problem: to be faced with... challenges
2. Even a cursory analysis will reveal...
3. The importance of this problem can hardly be overestimated. The importance... seems only to grow (with every passing day) The problem is of considerable importance.
4. a contentious, crucial, controversial, perennial issue
5. The problem is as follows;... is this.
6. This problem has always been at the centre of philosophical thinking.
7. This fact poses an entirely new problem.

Background

1. This question does not admit a straightforward answer.

2. No one can pretend to know exactly how to deal with.. .But some basics suggest themselves.
3. Before embarking on a more detailed analysis I would like to devote some time to...
4. Before getting down to the main subject of..., let us make a brief survey of... When studying smb.'s account of... we should bear in mind that...
5. To gain an adequate understanding of... you will have at the very least to embark on a thorough and systematic study of...
6. to provide a useful background for
7. This forms the basis of (what has been called)
8. to lay out a structural framework for, to lay down a (sound) foundation
9. to stir up further debate
10. The content of'... arouses criticism
12. to give, provide a deep, thorough, subtle analysis
13. to consider a problem in all its bearings
14. A good deal of emphasis is placed on...
15. (In order to) understand what... it is necessary, one must, let us...
16. different expressions and manifestations of a common underlying principle;
17. to penetrate into the depth of a problem/its real core;
18. Socrates gives us a detailed and meticulous of individual human qualities and virtues.

Concept of contrast

1. At first site such a comparison may appear arbitrary.
2. These assertions do not conflict, they are correlated with one another.
3. The antagonism between the Christian and the Stoic ideals proves irreconcilable.
4. What once seemed to be the highest privilege of man proves to be his peril and his temptation.
5. What appears as his pride becomes his deepest humiliation.

Solving problems

1. to strike the right balance between
2. To attach great importance to...

3. to cope with difficulties
4. to have the courage to take the initiative, however difficult it seems to be...
5. to implement; carry out; fulfil a programme
6. to set a target, task, an objective, a goal
7. to lay (down) a foundation, the groundwork for...
8. cannot be solved by our usual modes of investigation.

В заключение мы считаем необходимым подчеркнуть органичную взаимосвязанность грамматических и функционально-лексических элементов, реализованных внутри единого корпусного текста. Грамматические конструкции, проанализированные в первой части моей работы, легко могут быть трансформированы/интегрированы в систему функциональных клише, о которых говорилось во второй части. Одновременно с этим рассмотрение одних и тех же элементов в структуре корпусного философского текста возможно как с более общих позиций морфологических/синтаксических структур, так и с ориентацией на «индивидуально-лексические» конструкции, являющиеся неотъемлемой частью философского дискурса.

Список литературы

1. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977;
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., Гардарики, 1998;
3. Thornbury, Scott, How to Teach Grammar, Pearson-Longman, 1999;
4. Symbol, Myth, and Culture: Essays and Lectures of Ernst Cassirer, 1935-1945 ed. by Donald Phillip Verene (1981);
5. Thornbury Scott, How to Teach Speaking, Pearson-Longman, 2005;
6. Thomson A.J., Martinet A.V., A Practical English Grammar, Oxford University press, 1985. P. 245 – 251.

Поцыбина Е.П.

Пословицы как отражение материальной и духовной культуры
(на материале пословиц русского языка)

Пословицы – это произведение народного творчества, выражение таланта народа, его ума и наблюдательности. Происхождение пословиц восходит ко временам доисторическим. Как русский язык, который, передаваясь из рода в род, дошел до нас, сохраняя свои основные свойства, так и пословицы, возникшие в далеком прошлом, используются в народной речи и сегодня.

По происхождению пословицы можно разделить на два основных периода – доисторический и христианский (Буслаев, 81). Пословицы доисторической формации отражают старину, о которой существует немного преданий. Известно, что в те далекие времена, когда зарождался национальный эпос, человек одушевлял все вокруг себя. Смешивая небесное и земное, он истолковывал небесные светила и природные явления по аналогии с бытом человека (Луначарский, 34). Относясь с искренним благоговением к поэтическому преданию, люди доисторической эпохи олицетворяли Солнце, Луну, звезды, и это нашло отражение в пословицах этого периода. Так, в пословице «Солнце днем работает, а ночью отдых берет» Солнце – это не просто светило в понимании наших современников, это олицетворение богини света, которой поклонялись древние славяне-язычники. Галицко-русская пословица «Месяц нам божок, а кто ж нам буде боговати, яко его не стане» также свидетельствует об обожествлении нашими предками сил природы. В обиходе встречается много пословиц мифического, доисторического периода, лексический состав которых не совсем понятен. Пословицы этого периода, как правило, уже утратили свое первоначальное, собственное значение, сохранив только переносный смысл. Иногда набор слов и образов в них кажется просто случайным и бессмысленным. Например, пословицу «Враг силен, валяет и в синем» понять и интерпретировать можно только при помощи знания мифов доисторической эпохи. В древние времена существовало предание о молнии как о синем пламени. Зная это, становится понятно, что в пословице словосочетание «... валяет в синем» сообщает о необычайной мощи врага, который настолько силен, что способен сражаться с природной стихией в синем пламени молнии. В древнерусской литературе слово «молния» употреблялось с эпитетом «синяя». Подтверждение этому мы находим в «Слове о полку Игореве», где неоднократно встречается словосочетание «трепещут синие молнии». Изучение пословиц познавательно и интересно: в пословицах

отражаются и факты языка, и образ мысли, особенности восприятия мира и мышления.

Известно, что славянские племена вначале вели жизнь кочевую, были охотниками (звероловами) и пастухами. Верования народа вкладывались под влиянием обстоятельств жизни. Этим объясняется поклонение древних славян деревьям, заповедным лесам и светилам. Охота играла важную роль в жизни наших предков: древляне, а также и другие славянские племена в доисторическую эпоху проживали в лесах и кормились охотой. Охота становилась потребностью жизни, но она также была связана с удовольствием. Поэтому возникает второе значение слова «охота» - желание что-либо сделать. Например, «охота делать что-либо», «работать с охотой», «по своей охоте» (добровольно), «без охоты» (нехотя). В этом значении слово «охота» встречается в старинной русской пословице «Охота пуще неволи». Употребляя в речи эту пословицу, говорящий хочет подчеркнуть, что он выполняет что-то сложное и трудное не по необходимости, а исключительно по своему собственному желанию, по своей доброй воле.

Героями и основными действующими лицами пословиц часто становятся звери и птицы, на которых велась охота, им приписываются свойства и черты характера человека. Во многих пословицах традиционными персонажами становятся волк и лиса, коренные обитатели русских лесов, доставлявшие много неприятностей и хлопот жителям окрестных деревень и сел. Эти персонажи народ наделял отрицательными свойствами: коварством, вероломством, хитростью, лестью. Часто в быту использовались такие пословицы: «Волком родясь, лисицей не бывать», «Кобыла с волком тягалась, только хвост и грива у ней осталась», «Лиса от дождя и под бороной ухоронится», «Сказал бы словечко, да волк недалечко», «Не ставь недруга овцой, ставь его волком».

Встречаются в пословицах и образы птиц. Чаще всего героями народных высказываний становятся пернатые русских просторов: сокол, лебедь, ворон и другие. Народный эпос обращается к образу сокола для олицетворения положительных черт: силы, ловкости, смелости, быстроты. В русском языке существует устойчивое фразеологическое словосочетание «лететь соколом», которое используется в контексте для обозначения быстроты и стремительности при выполнении поручений, заданий. Другое устойчивое словосочетание «смотреть соколом» часто встречается в разговорной и поэтической речи в значении «иметь бравый, смелый вид» (БСТ, 1231). Иллюстрацией использования этого словосочетания могут послужить слова припева воинской строевой песни:

«каждый воин – парень бравый -
смотрит соколом в строю,

породнились мы со славой
славу добыли в бою».

Образ сокола в русском фольклоре передавал удаль, отвагу, красоту, являлся символом героизма. Он использовался в Древней Руси и используется в современной речи для характеристики особых волевых качеств. В период Великой Отечественной войны советских летчиков называли «красными соколами», говоря об их мужестве, героизме, отваге. В народном сознании фашистские захватчики ассоциировались с образом стервятника, хищной птицей семейства ястребиных, питающихся падалью.

Образ лебедя в народном творчестве олицетворяет нежность, хрупкость, женскую красоту... «Лебедь белая», «лебедушка» - это народно-поэтическое изображение молодой женщины, девушки. В пословице «Жена, что лебедь-птица, вывела детей вереницу» говорится о женской судьбе и высоком предназначении материнства.

Использование образов сокола и лебедя в народно-поэтическом эпосе некоторые исследователи объясняют особенностью мировосприятия древних славян: согласно славянским мифам, сокол и лебедь были священными птицами, обитавшими в заповедных лесах и рощах.

С течением времени кочевой образ жизни славян сменяется оседлым, развивается земледелие. Возникает новый земледельческий быт, со свойственными ему обычаями и традициями. Новый тип труда – возделывание земли – заставлял пахаря дожидаться плодов от обработанной им нивы, приучал к постоянному месту жительства. Эти изменения образа жизни были вызваны объективными условиями, о которых говорится в пословице: «Наездом хлеба не напашешь». В этот период возникает новое значение слова «корень» для обозначения постоянного места жительства. Оседлый земледелец как бы укореняется на своей родной земле. Появляется словосочетание «мой корень», которое в некоторых областных наречиях начинает использоваться в значении «моя родина». В современном русском языке существует словосочетание «коренное население», «коренной житель» для обозначения людей, постоянно проживающих в определенной местности, этимология которых связана с историческим периодом становления земледелия.

Многие исследователи отмечают, что земледельческий быт находит яркое отражение в русских пословицах. Он представлен гораздо более частотно по сравнению с другими способами существования древних славян: охотой, пастушеством, воинским бытом (Буслаев, 99). Нередко в народных речениях выражается преимущество земледелия перед другими видами деятельности. Примером может послужить русская пословица: «Плуг кормит, а луг портит». В ней

говорится о превосходстве земледелия перед пастушеством. Это превосходство проявлялось в самом характере труда. Тяжелый труд земледельца укреплял человека, развивал силу воли, создавал стремление к преодолению трудностей, совершенствовал человеческую природу. Мысль о тяжелой работе на земле находит отражение в пословице «не за сохой ходишь». Эта пословица повествует о том, что любой род деятельности человека не так труден, как дело пахаря. Значение непосильного труда крестьянина передается существительным «страда», образованного от глагола «страдать», которое, как в древнем языке, так и в современных областных наречиях, употребляется в значении земледельческой работы, жатвы и сенокоса. Тяжел труд земледельца, но зато и вознаграждение обильно: «Дорогой товар из земли растет».

Вместе с оседлой жизнью славянские племена приобретают родной кров, избу, семейный очаг. В избе порог имеет особое значение. Под древним поверьям, под порогом жили домовые – хранитель семейного очага и благополучия. Порог считался границей, оберегающей семейное довольствие. С этим поверьем связана пословица «Не выноси сор из избы». Эта пословица имеет прямой и переносный смысл. Переносный смысл – не разглашай семейные проблемы, не обсуждай их с посторонними людьми, семейные дразги должны разбираться дома, «коли не под одним тулупом, так под одной крышей». Прямой смысл пословицы связан с крестьянским обычаем не выметать сор из избы, т.к. это было трудно сделать через высокий порог, а кроме того, недобрый человек мог бы по сору, как по следу, согласно поверью, наслать порчу. Сор обычно сметался в кучку, под лавку, в печной или стряпной угол – когда затапливали печь, его сжигали. Печь – это важнейшая часть избы. Она спасала от злейших врагов человека – голода и холода, она кормила и согревала. Под родным кровом, у родного очага человек приобретал силу, поддержку и уверенность в себе. Эта идея нашла отражение в пословице «На своем попелище и курица бьет», где «попелище» означает дом с печкой очаг. Образ печи часто используется в русских пословицах как символ семейного достатка и богатства: «Что есть в печи, все на стол мечи», «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Уклад жизни славян, их быт складывался и укреплялся под родным кровом. Согретые отеческим огнищем, дети учились любить и уважать своих родителей и всех старших в семье. Особое почитание родителей нашло отражение в пословицах: «Кто родителей почитает, тот навек не погибает», «Родительское благословение на воде не тонет, на огне не горит». Дом крепок хозяином, семья держится старшими, поэтому русская пословица говорит: «Всякий дом по большую голову стоит». Уважению старших в семье и благоговейному отношению к

старине и преданиям учат пословицы: «Без старого пня и огнище сиротеет», «Что старее – то правее». Многие русские пословицы выражают мысль, что все настоящее возникло из прошлого, следовательно, старину «должно чтить свято» - «Что исстари ведется, то не минется».

Пословицы – неотъемлемая часть духовной культуры народа. Суммируя человеческий опыт, они отражают философию жизни. Пословицы учат здравому смыслу и осмотрительности: «Всякое дело мера красит», «Маленькая бережь лучше большого барыша», «Не спеши языком – спеши делом», «На печи не храбрись, а в поле не трус», «Берегись бед, пока их нет», «Береженье лучше вороженья». Пословицы прославляют сострадание и милосердие. Сопереживание, умение поддержать в трудную минуту издавна считалось необходимым человеческим качеством. Этому свойству человеческой природы посвящено много народных пословиц: «Вздыхни да охни! Об одном сохни; а как пораздумаешь, так и всех жаль», «Сиротская слеза даром на грудь не каплет», «Дарующая рука – мать сиротам».

Любовь к ближнему и доброе дело считались основами нравственности на Руси. Себялюбие, эгоизм всегда порицались. Эгоист, по здравому смыслу народа, не выполняет своего человеческого предназначения, так как «человек не для себя рождается».

Пословицы наставляют, дают важные советы, как стойко переносить невзгоды и жизненные трудности. «В печали не унывай, а в радости не ослабевай», «Шути, да за спиной простор береги», «Кто не бежит, тот и не споткнется», «Ремесло не коромысло, плеч не оттянет».

Пословицы – кладезь народной мудрости. В них содержатся правила повседневной жизни: «Учись, поколе хрящи не срослись», «Где не любят – не бывай, а где любят – урежай», «Думай двояко, а делай одинако», «Долго рассуждай, да скоро делай», «Уговорясь на берегу – на реке не поворачивай».

Пословицы учат «жить не по лжи», быть самодостаточным, жить свои умом: «Чужой ум – не попутчик», «Свой глаз лучше чужого на хвалу», «Гнева не пугайся, на ласку не кидайся», «Не торопись отвечать – торопись слушать», «Умный смиряется, глупый надувается», «Говори по делу, живи по совести».

Многие выдающиеся ученые, философы, филологи и все те, кто любит свою культуру и историю, часто обращались и обращаются к пословицам, чтобы черпать в них вдохновение, находить ответы на сложные жизненные вопросы. До нас дошли сборники пословиц, созданные выдающимися отечественными языковедами И.И. Иллостровым, И.М. Снегиревым, В.И. Далем, В.П. Жуковым.

Наш великий соотечественник, философ и литератор, А.И. Солженицын, обращаясь к большой аудитории читателей, советовал им

читать пословицы и вдумчиво изучать их, потому что «среди пословиц, емких по смыслу, богатых по вызревшему в них опыту, есть такие, что прямо просятся увидеть в них как бы жизненные правила, не раз обдуманные, многократно проверенные нашими предками. Как ни меняются века и условия существования, а эти наставления наших прапрадедов, если вдуматься в них, примерить к своему сегодняшнему поведению, - с добром и умом поправляют нас» (Солженицын, АИФ, № 696).

Сила пословицы – в ее всеобъемлющей природе. Она не расточает слов на частные случаи, не касается исключений. Пословица обобщает человеческий опыт, дает наставления всем и каждому на все случаи жизни. Пословицы универсальны, в них отражается материальная и духовная культура народа.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. М., 2011;
2. Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. М., 1915;
3. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996;
4. Потехня А.А. Из лекций по теории словесности. Басни, пословицы, поговорки. Харьков, 1930;
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957;
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966;
7. Луначарский А.В. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. Курс лекций. Изд. 4-е. М., 2011;
8. Солженицын А.И. Жить не по лжи, а по великой мудрости//Аргументы и факты, № 696.

Pritam Singh

Towards an Understanding of the Spiritual Economy of the Golden Temple in India

Abstract

This article attempts to stretch the boundaries of the discourse of political economy, social theory, religious and Punjab studies by deploying the concept of spiritual economy in advancing the understanding of the politico-economic dimensions of a key religious shrine in the Indian sub continent. Amritsar's Golden Temple as a holy shrine is known as a site of sacred pilgrimage in the cultural universe of many communities in the sub-continent and diaspora. This article expands on the religious significance of the Golden Temple by exploring the site also as an economic institution in the daily lives of many communities in the region. By capturing the exalted religious-economic importance of the place, the article aims to add to the understanding of the site as a place of political contestation and of many conflicts in the history of the evolution of the Sikh community.

Introduction

This article develops the notion of the spiritual economy by examining how interlocking, overlapping and integrated processes of spiritual and economic activities are an integral part of the Golden Temple in Amritsar. The material realm, shaped and formed by the economy, and the spiritual realm, constituted by a complex array of reference points of piety, religiosity and belief, both contribute towards a dialectical set of processes which constitute what we identify as a spiritual economy. The Golden Temple has been commented upon mainly from the angle of the religious history of the Sikhs (Grewal 1996, 1997 and 2008, P. Singh 1989, P.B. Singh et al 1999) and in this respect, viewed primarily as a heritage site (Aulakh 2007, Johar 2008) or due to the tumultuous events surrounding Operation Blue Star which took place there in 1984 (Nayar and Singh 1984, P. Singh 1984, Tully and Jacob 1986). Although the Golden Temple is important for this historical significance, our attempt here is to examine the Golden Temple as a dynamic site which not only represents religion and religious history but also politico-economic currents, processes and activities. The spiritual-economic dialectic that we employ here is one way of looking at that dynamic which contains many different elements, some contradictory and others congruous.

There are certain tensions around bringing together the spiritual and the material, however. Where the economic is emphasized as the starting point,

we often see the religious and spiritual dimensions overlooked or suppressed. One obvious example of this can be found in post-Soviet countries where forcible suppression of religion through a privileging of the material during the Stalinist phase of these societies led to a rise in atheism and an overall rejection of religion. However, the contrary also occurs in the deliberate promotion of religion and the complementarity this has with economics, such as in the example of Hindu nationalists in India promoting non-material modes of thinking which has spurred the mushrooming of mystical and astrological services (Nanda 2009). The religious and material realms are increasingly being acknowledged for the significance that economic dimensions have in bolstering religious processes. On the one hand, the connections between the spiritual and the material, particularly in the form of personal possession and wealth accumulation, is often formally denied due to religious guidance to curb declarations of desire for profit, socio-economic ascension and greed. On the other hand, the linkages between spirituality and the economy circulate widely showing the intrinsic connections between spirituality and economic activity. This paper's focus will be on how the spiritual and material come together in ways which are often impossible to disentangle while also sometimes being less contradictory than they are complementary.

In order to highlight the spiritual economy of the Golden Temple, we begin by developing the conceptual dimensions of the spiritual economy, situating it within debates on capitalist development, religion and society. We then present a brief historical overview of the evolution of the Golden Temple using the prism of the spiritual economy as an angle for understanding it and the significance it holds for local and global Sikh communities. We conclude by situating the Golden Temple in the current contemporary context and look at the integration and interpenetration of spirituality and the economy through selected examples to highlight the embodied nature of the spiritual economy in the Golden Temple's history and symbolism.

Conceptualising the Spiritual Economy

The concept of the spiritual economy teases out the dialectical relationship between the spiritual and the material. Discourses on religion generally place emphasis upon the non-material, though there have been some significant efforts at exploring the interconnections (Giok 2005, Steiner 1986). This article aims to signify materiality within the domain of activities that are characterized as religious or spiritual. It does this by adopting two routes: one route looks upon religion and spirituality as a central point and then analyses economic or material activities surrounding these practices; the other route takes the economy as a starting point and looks upon spiritual activities as

responses to these processes. The concept of the spiritual economy as we are employing it here is meant to integrate these two routes.

The position of the spiritual or 'divine' in society has been debated across a range of perspectives and approaches, not least by the renowned Nineteenth and early Twentieth Century theorists, Durkheim, Weber and Marx, who each engaged in questions about religion's role in society. The positivist tradition within which Emile Durkheim (1965) theorized the role of religion offered a scientific, secular approach towards the study of religion as an expression of social life. By viewing religion's role within society as one of symbolic power rather than supernatural, Durkheim conceptualized religion as an expression of human beings' collective consciousness. Thus, far from being a matter of supernatural, imaginary and 'other worldly' belief, Durkheim viewed religion as an expression of the realities of social life, through the rituals, practices and belief systems across comparative societal contexts. Weber (2002) presented a more sympathetic view towards both capitalism and religion in his seminal book *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Weber depicted people's choices to accrue wealth within capitalist societies as a rational pursuit towards economic gain. The example of protestant work practices compared to Catholic ones in northern Europe provided the foundation of "Weber's thesis" in which the pursuit of individual economic progress, that had been supported by certain types of Protestantism, namely Calvinism, in his explorations, showed a positive relationship between spiritual/moral meaning and material pursuits. Thus, Weber found that economic gain was not the aim of religious ideas, but had become a by-product of the interpretation of religious doctrines, showing an encouragement of the pursuit of economic gain rather than a denial of it. Thus, Weber concluded that the 'spirit of capitalism' in secular northern Europe had flourished through a work ethic which was inherently derived from a religiously identifiable community which embraced new modes of work, trade, investment and entrepreneurialism on a mass level which influenced the way in which capitalism developed in this part of the world.

The rigors of a materialist understanding of society within the Marxist tradition go further in connecting the spiritual with the material. The evolution of society culminating in capitalist relations is hinged upon an understanding that society emerges out of the material which is natural, not supernatural. Thus, materialist philosophy espouses a core argument that the material aspects of society constitute a reality which is empirically and scientifically driven. Within this framework, religion falls outside of the remit of reality and is therefore, according to Marx's widely cited declaration of religion as the 'opium of the masses.' This view of religion shows it as having a distracting, illusory effect on people's attentions away from the

realities of the material world of inequality and alienation through theological explanations and doctrines. Marx (1975) perceived a two-fold dimension of religion when, on one hand, he characterised religion as the opium of the masses while simultaneously seeing religion as a balm for the tormented and alienated conditions within bourgeois society:

Religious distress is at the same time the expression of real distress and also the protest against real distress. Religion is the sigh of the oppressed creature, the heart of a heartless world, just as it is the spirit of spiritless condition. It is the opium of the people.

To abolish religion as the illusory happiness of the people is to demand their real happiness. The demand to give up illusions about the existing state of affairs is the demand to give up a state of affairs which demands illusions. The criticism of religion is therefore in embryo the criticism of the vale of tears, the halo of which is religion. (Marx 1975:75-6)

Contrary to the popular view of Marx' thinking on religion perceived as an anti-religion position, Marx had a much more complex understanding of and attitude towards religion. We may even characterise his understanding as one of sympathetic understanding through his concerns with the social order emerging out of materialist relations. He viewed religion as a social and psychological response to and against dehumanised conditions of day to day material life. Thus, it might be said that Marx was arguing that it was not religion per se which needed to be attacked, but the inhumane and alienating conditions resulting from capitalist relations. Within our materialist understanding, we are inclined to present a more open view towards the role that religion plays in people's lives as a survival mechanism within increasingly alienating circumstances of capitalist economic production, exchange and social relations. While material forces are what generate economic and social change, spiritual forces are also a significant part of people's immediate coping mechanisms within capitalist, consumer societies and cannot, therefore, be merely dismissed as illusory. Thus, for the purposes of this article, we attempt to adopt a non-reductionist, materialist understanding of the spiritual economy, which acknowledges religion's place within people's lives while also acknowledging its function in sustaining the capitalist social and economic order. Expressions of culture, faith and spirituality provide insights into the penetration of capitalism into society and in this sense are worthy of examination.

The discussions of the foundational authors discussed here raised key questions about religion's role in society and the economy during times of economic and social change in Western Europe. The particularities of the contexts about which they were postulating, observing and theorizing must

be understood within their respective frames, so as not to inappropriately apply European-specific aspects of their arguments upon other contexts. Similarly, the Golden Temple provides its own context of the dialectics of spirituality and economy in South Asia, with the site acting as a place of religious pilgrimage while also being at the historical centre of the economic hub of the city of Amritsar. This is not coincidental, but rather exhibits the embeddedness of the material and spiritual in the inception of plans to ensure that the shrine was at the onset protected and bolstered by local business families who settled and traded around the Golden Temple.

The Spiritual Economy of the Golden Temple

The Golden Temple, also known as Harimandir Sahib or ‘Temple of God,’ has come to be known as the most sacred and symbolic shrine for Sikhs, though it is also frequented as a tourist and spiritual site of pilgrimage by people of different religions. The Sikh religion was founded by Guru Nanak (1469-1539) who was followed by nine other gurus. The gurus, some of whom were martyred during this era of Mughal rule when there was immense contestation and upheaval around spiritual and political following and leadership, represented a cumulative effort to resist forcible domination while establishing their own spiritual path. This path eventually became formalized into a religion which was inspired by the scriptures and hymns compiled in The Guru Granth Sahib. Guru Gobind Singh (1666-1708), who became the tenth and the last living guru, decreed that after his death the holy book The Guru Granth Sahib would be considered as the ‘guru’ for spiritual guidance from which Sikh congregations would be able to derive inspiration for taking decisions about the material and political world. The Guru Granth Sahib is held in every gurdwara. However, the Golden Temple, which houses the oldest original copies of The Guru Granth Sahib, is particularly revered as a central place of pilgrimage, having historical and symbolic significance to the region and its now globalised Sikh community.¹

The Golden Temple lies in the centre of the walled city of Amritsar in Punjab. The city’s foundation is symbiotically linked to the establishment of the Golden Temple. Thus, “from its foundations in the late 16th century to the establishment of Sikh rule in the Punjab around 1765, the story of Amritsar is the story of its [The Golden Temple] foundation and survival”

¹ After the partition of 1947 many other significant gurdwaras such as Nankana Sahib and Panja Sahib, which are also important pilgrimage sites, became part of what is now in Pakistan.

(Grewal 2008: 1). Founded in 1577 by the fourth Sikh guru, Guru Ram Das (1534-1581), the city of Amritsar (amrit sarovar –‘bathing pool’) acquired a sacred status due to its foundation having been laid by the venerated guru. The land around the sacred tank was donated by the Moghul emperor Akbar who had bought the land from the peasants of the area.¹ The fifth guru, Guru Arjan Dev (1563-1606), subsequently had the Golden Temple constructed in the middle of the sacred tank.

The embedding of economy into the spiritual domain can be seen in the foundation of Amritsar city and the Golden Temple. Starting from the donation of the land by the Moghul monarch Akbar for the construction of the sacred tank, the material and the spiritual are indistinguishably combined- Akbar displayed his material power by donating land and also revealed his spirituality by showing reverence for Guru Ram Das. The subsequent construction of the Temple and the tank involves materiality in the form of voluntary collective labour (kar seva) provided by the spiritually-inspired ‘Sikhs’ or community of followers of the guru (the sangat) for the construction of the Temple and the tank. Such free labour could not have been otherwise voluntarily available- both in quantity as well as in quality- for a non-religious venture.

The intertwining of the spiritual and the material was formalized by the sixth guru, Guru Hargobind (1595-1644), whose father, Guru Arjan, had been martyred by the Moghul emperor Jehangir.² Guru Hargobind viewed Guru Arjan’s martyrdom as a historical moment of great significance in the evolution of the Sikh community- he understood that the expanding Sikh community could no longer be defended by the pacifist form of spirituality that his predecessors had practiced and preached (F. Singh 2000). He advocated militant spiritualism and gave a call to his followers to procure arms and horses with the purpose of building an army to wage a war against

¹ There is some speculation about the exact nature of the acquisition of land for the excavation of the site. However, it is widely acknowledged that Emperor Akbar had given a revenue-free land grant to the third Guru, Amar Das, who in refusing to accept the gift, agreed to it being passed on to his daughter Bibi Bhani, the wife of the fourth Guru, Ram Das (Grewal 1996). Also see Banerjee (1963) cited in J.S. Grewal (1997a) ‘The Sikh Movement During the Reign of Akbar’ in Irfan Habib (ed.) *Akbar and His India*, Oxford University Press: New Delhi.

² The contrast between Akbar’s donation of land to Guru Ram Das and his son Jehangir’s persecution of the fifth Guru highlights the divergent approaches that the different Mughal emperors took towards the emerging Sikh faith.

the Moghul rulers. To put a stamp of spirituality on his new focus on materiality, he constructed the Akal Takhat ('the throne of the Timeless God') just across from the Harimandar (the Golden Temple). He sat in the Akal Takhat on a throne, like an emperor and held court or a darbar (Fenech 2008, K. Singh 1999:63). He girded two swords, one symbolizing his spiritual authority as the sixth guru of the Sikhs, and the other his temporal/material power (Grewal 1998:64). He conceptualized the dialectical mixing of the two differently meaning swords as miri-piri (temporal-spiritual) and looked upon the spatial proximity of the spiritual centre (Harimandar) to the temporal (Akal Takhat) as a part of the same dialectical vision of the intertwining of the spiritual and the material.¹ This dialectical mixing of the spiritual and the material was creatively reemployed by the tenth and the last guru, Guru Gobind Singh, when he coined the term saint-soldier (sant sipahi) to describe his community of followers who were spiritually motivated to take to arms to defend the religious and political rights of the community.

In the coming together of the spiritual and material, it is not necessary that both are always of equal importance. There is bound to be shifting of importance of one over the other at different points of time. In the evolution of the Sikh community, although there is a thread of continuity running between the different gurus' periods regarding the intertwining of the spiritual and the material, the periods of the sixth and the tenth gurus can be interpreted as those where there was greater emphasis on the material while the periods of the other gurus as the ones where there was greater engagement with the spiritual. The Harimandar was attacked and destroyed three times by Afghan invaders Ahmad Shah Abdali and Nadir Shah (1757, 1762 and 1764) after which it was rebuilt into its present structure during the

¹ Another interpretation of the paradigm shift Guru Hargobind brought about in Sikhism is that the large-scale conversion of the Jat peasant community to Sikhism due to Sikhism's emphasis on egalitarianism contributed significantly towards transforming the character of the Sikh community from a purely religious-spiritual community to a community that was also concerned with worldly and material affairs (McLeod 1996: 9-13). For a critical evaluation of this interpretation which welcomes McLeod's insight based on his historical-evolutionary method but also criticises the reductionist elements in his method and the essentialist aspects of his views regarding the Jats, see Singh 2008 (pp 23 and 177). For a larger panoramic view of the shifts between non-violent and violent forms of struggle in the evolution of the Sikh community which explains these shifts as responses to different practices of the state powers such as the Moghul, British and post-colonial Indian nationalism, see P. Singh 2007.

period of the Sikh Misls starting in 1765 (F. Singh 2000). It is here that we see the next phase of the rebuilding of the Harimandar and the sarovar through a conscious spiritual economy. In 1764 a sheet was spread by the Khalsa (Sikh congregation) which collected offerings totaling nine lakh rupees (G. Singh 1958:4 cited in F. Singh 2000) which was entrusted in the hands of the reputed bankers of Amritsar at the time to look after the financing of the project of rebuilding the temple and the tank.

The political-material clearly took precedence over the spiritual when the Sikhs became the sovereign rulers of the Punjab when one of the Sikh chieftains Ranjit Singh (1780-1839) became the Maharaja of Punjab in 1799 by militarily defeating the Moghul rulers and his rival Sikh chieftains in the Punjab (K. Singh 1997, P. Singh and Rai 2009). It is during his regime that the Golden Temple acquired the adjective Swaran or 'Golden' because he donated the gold that adorns the building of the Golden Temple. This donation of the gold by Ranjit Singh was certainly an act of spiritual reverence for this most sacred shrine and that is how it has been presented in the literature on Sikh studies. What remains ignored in the historical narratives of the Sikhs and the Punjab is that this was also a political act motivated by material motivations for seeking economic and political supremacy. Almost all Sikh princes and aristocratic families used to donate land grants to the Golden Temple. By donating a large quantity of gold that could decorate the entire building of the Golden Temple, Ranjit Singh was demonstrating that he was the supreme leader of the Sikhs and was not just one among the several Sikh rajas who could afford to give only land grants. He was the 'maharaja' who could afford such an opulently impressive gold donation.

The other side of the spiritual-material dialectic is that the gold decoration made the Golden Temple a unique shrine. Its spiritual mystique also increased as a result of this material transformation. The hugely elevated material, political and spiritual status of the Golden Temple sharpened the contestation for religious and political control of the site. The Afghan invaders in their pursuance of Punjab in the Eighteenth Century, demolished the Golden Temple several times to demonstrate their military might to the Sikhs (and the Mughal darbar in Delhi). The demolition was an act of religious hatred- aimed at dealing a blow to the religious and political significance of the Golden Temple. It was also aimed at causing material damage to the Temple and, through that, inflicting economic hardship on the Sikh community. The establishment of the katras (residential and business areas) by a number of Sikh Sardars (stately men) during the Misl period was seen as a preventative strategy to protect the Harimandar from future attacks. The construction of the katras around the Golden Temple was a means of

defending the shrine and fortifying the Golden Temple by a buffer of community activity and economic strength. Each katra consisted of a main street, a bazaar, havelis (mansions) of the Sardars and a series of interconnected streets which maintained the original city surrounding the Golden Temple as a pedestrian area (F. Singh 2000). Even today, the bazaars that surround the Golden Temple represent the local, traditional and business culture of Amritsar, some of which panders to the demands of the Golden Temple tourist economy. The traditional, nostalgic notions of the city of Amritsar are indeed associated with the katras and their specialized services and intricate, congested, narrow roads. The character and history of the walled city of Amritsar in this sense embodies the spiritual economy which established this foundation of the bazaars acting as a protecting force for one of the holiest pilgrimage sites of the region.

During British rule, the Sikh community fought a long drawn out battle against the imperial government to get democratic control over the management of the Golden Temple. The colonial government understood the intertwining of the religious and the political behind the movement for Sikhs' democratic control over the Golden Temple. They saw in the outwardly religious campaign the political message of independence from British control. Mahatma Gandhi, the leader of India's independence movement from British rule, lent support to the Sikh campaign for democratic control over the management of the Golden Temple not only for the religious nature of the demand but also due to its political significance for India's independence movement. The Sikhs won the battle and Gandhi called it the victory of the first battle for India's independence.¹ (M. Singh 1988). Gandhi's hailing of the Sikh victory can be interpreted not only because Gandhi viewed the victory as a powerful component of the political struggle led by him for India's independence but also because he viewed this as a vindication of the Gandhian principle of intertwining the moral and the political. The successful culmination of the Sikhs' non-violent struggle appeared to Gandhi as the endorsement of his philosophy of *ahimsa* (non-violence).² The mutuality of the political/material and the spiritual/religious

¹ When the Sikhs' central religious committee -Shiromani Gurdwara Parbandhak Committee (SGPC)- won control of the Golden Temple in January 1922, Gandhi sent a telegram to the Sikh leader Baba Khark Singh: 'FIRST BATTLE FOR INDIA'S INDEPENDENCE WON, CONGRATULATIONS' (cited in M Singh 1988: 50). For a Sikh nationalist reading of Gandhi's telegraphic message as an ideological weapon to keep Sikhs within the Hindu and Indian nationalist fold, see A. Singh (2003: 81).

² For a very imaginative and original examination of the ideological interface between Gandhism and Sikhism in the context of the victory of the Sikhs'

can be seen in more than one way in Gandhi's celebration of the Sikh victory. On the one hand, the Sikhs' successful religious struggle empowered the Gandhian discourse and practice of non-violent route to gaining India's independence from British imperial rule and on the other, Gandhi's celebration and endorsement of Sikhs acquiring control of the Golden Temple added to the religious importance of the Golden Temple in the Indian and the imperial imagination.

In independent India, the Golden Temple became the site of many struggles involving the Sikhs community where the politico-economic and the spiritual-religious realms inter-mingled and reinforced each other. Two historical events are especially important to illustrate the intertwining of the religious and the material domains. One was the imposition of national emergency in 1975 by Indira Gandhi, then Indian prime minister, and the Sikh resistance to that with the headquarter of the resistance located in the Golden Temple, and the other was the Operation Blue Star military operation launched at the Golden Temple by Indira Gandhi government in 1984. The 1975 national emergency was imposed by Indira Gandhi to deal with the rising opposition threat to her political power. A large number of leaders and activists of the Sikh Akali party were arrested as a part of the national swoop against all anti-emergency political currents in the country. The Akali leaders and activists who managed to escape arrest organised the most active and persistent segment of the non-violent countrywide opposition to emergency rule. Every day during the entire 19 months of emergency rule, a group of Akali volunteers would pray at the Golden Temple and would come out and shout slogans against the emergency. The group would then be arrested for violating the prohibitory orders. Over 40,000 Akali workers were arrested for their participation in the anti-emergency campaign (Narang 1983: 192). This was the most sustained opposition to the emergency rule in the country. It was a political movement but could be sustained for the entire 19 months of the emergency rule because of spiritual inspiration the Sikh activist derived by praying at the Golden Temple before courting arrest. The politico-economic and spiritual came together in the act of courting arrest after the prayers at the Golden Temple.

The 1984 Operation Blue Star military operation launched at the Golden Temple by Indira Gandhi government was not only to crush a religious

non-violent campaign for the control of the Golden Temple, see Uberoi (1996: 112-123).

movement for separate identity among the Sikhs from the Hindus, it was also to suppress the assertion of the demand for regional economic and political autonomy (Nayar and Singh 1984, K. Singh 2005, P. Singh 2008, Tully and Jacob 1986). Every time the Golden Temple has been demolished, whether by Afghan incursions in the Eighteenth Century or in 1984 by Indian state forces, its reconstruction in even more shining glory is viewed as not only an act of spiritual retrieval of the shrine, it is also seen as an act of demonstrating Sikhs' economic clout and political assertion. Both demolitions as well as reconstruction are religious acts as well as politico-economic statements. The spiritual economy is evident in demolition as well as in reconstruction- one through negation and the other through assertion.

The contemporary context of the Golden Temple shows an array of examples of the spiritual economy. Immediately outside of the temple complex exists a bazaar of souvenir shops which sell a wide variety of items for the thousands of visitors to the site each day. The recent proliferation of images of Sant Jarnail Singh Bhindranwale, who had led the rebellion of Sikh separatism in the late 1970s to early 1980s,¹ is revealing of an assertion and reassertion. A range of economic activities have stemmed from this recent wave of assertion which can be seen in the sale of stickers, calendars, photos, t-shirts, CDs, DVDs, headscarves and books carrying the image of Bhindranwale, so much so that the institution that Bhindranwale had headed (Dam Dami Taksal) has opened a book and souvenir shop near to the Golden Temple complex, advertising its 'reopening' in the mainstream market area. This is significant as previously the Dam Dami Taksal activities had been seriously curtailed by the Indian security forces for their alleged 'anti-national' undertones. The visibility of the rather imposing symbol of Bhindranwale on modes of both public and private transport - the fronts of buses and public carriers, the back windows of private cars, three-wheeler auto rickshaws and two-wheeler scooters - gives a sense that Bhindranwale's symbolism occupies a mobile position on the various types of vehicles where it can be found, contrary to official, particularly state discourse which renders him defunct and a relic of the past. The marketing of these images in the contemporary context, 30 years after the 1984 storming of the Golden Temple by state forces, is a complex mixture of nostalgia, reassertion, commodification and, perhaps, resurgence. The spiritual economy of Bhindranwale's image captures the interpenetration of the collective memory of the trauma of 1984 with the economic tensions and political upheavals in Punjab. The fact that these symbols can be purchased in the bazaars surrounding the Golden Temple

¹ For a contextual understanding of the political economy of religious revivalism in the 1970s and 1980s Punjab, see P. Singh (1987).

further this (Singh and Purewal 2013).

The activities which go on within the gurdwara complex are also an important dimension of the spiritual economy of the Golden Temple. Each person who pays respects to the Holy Book, The Guru Granth Sahib, makes a donation or offering which goes into the golak or donation box. Donations of wheat, rice, milk, marble and even technical expertise, bridge the notion of donation and 'seva' or free service. The labour which goes into the upkeep and service of the temple, including the 'free kitchen' or langar, involves a mixture of voluntary service and monetary donations. Thus, the flows of people which stream into the gurdwara complex are matched by flows of monetary activity, whether in cash, commodity or kind, showing the site to exhibit a complex spiritual economy. The kar seva ('renovation') of the sarovar ('pool of nectar' or 'bathing pool') commenced in 2004, largely funded by Sikhs in the diaspora drawing voluntary labour (seva) from India and collaboration with local sants and sangats. Both the re-plating of the gold on the Golden Temple led by Bhai Mohinder Singh (Nishkam Sevak Jatha, Birmingham, U.K.) and the installation of a circulation system within the sarovar by a U.S.-based Sikh business family exhibits a glimpse of the global dimensions of the spiritual economy of the upkeep and adornment of the Golden Temple. The engraved marble plaques and stones with the names of deceased loved ones, often with the amount of donation also engraved, all around the parikrama (the inner circle of the complex which surrounds the sarovar) carry a reminder of the monetary donations which are a part of the spiritual space. Other means by which people offer monetary contributions is through the holding of akhand paath (sponsored, continuous recitations of The Guru Granth Sahib) for which a donation to the gurdwara committee is accepted at a set rate which covers the labour and other costs associated with the function. These are just a few examples of how the spiritual economy operates within the functioning of the Golden Temple, incorporating a range of different activities which carry monetary and spiritual values which overlap and intersect with one another.

Conclusion

The historical legacy of the Golden Temple is exhibited in the contemporary processes that go on in the local bazaars which surround the Golden Temple as well as in the types of activities that exist within the complex of the Golden Temple, ranging from donations to volunteerism. Since its inception, the Golden Temple has unquestionably retained its status as the nerve centre of Sikh socio-political activity and religious devotion while having a particular association with economic processes stemming from this history. This article has attempted to highlight some of the ways in which the Golden

Temple is imbued with a spiritual economy that touches in many fold ways the lives of the people in the region and beyond. The examination of the Golden Temple through the lens of spiritual economy illustrates the enmeshing of the spiritual and the material in the making, sustenance and development of the sacred and symbolic site of the Golden Temple. This spiritual economy reading of the Golden Temple, in turn, helps to illuminate how the religious and the material worlds remain enmeshed in the cycle of every day life.

(Acknowledgement: Navtej K Purewal has made a substantial contribution to the shaping of this paper. I am also thankful to Radhika Desai for helpful comments on an earlier version of the paper. The responsibility for any errors is entirely mine).

References

- Aulakh, Ajit S. (2007) *About the Golden Temple*, B. Chattar Singh Jiwan Singh: Amritsar.
- Durkheim, Emile (1965) *Elementary Forms of Religious Life*, Translated into English by Joseph Ward Swain. Free Press: New York.
- Fenech, Louis E. (2008) *The Darbar of the Sikh Gurus*, Oxford University Press: New Delhi.
- Giok, Liem (2005) *Interdependent Economy: From Political Economy to Spiritual Economy*, iUniverse: NE.
- Grewal, J.S. (1996) *Sikh Ideology, Polity and Social Order*, Manohar: New Delhi.
- Grewal, J.S. (1997) *Historical Perspectives on Sikh Identity*, Publication Bureau, Punjabi University: Patiala.
- Grewal, J.S. (1997a) 'The Sikh Movement during the Reign of Akbar'. In: Irfan Habib (ed.) *Akbar and His India*, Oxford University Press: New Delhi.
- Grewal, J.S. (1998) *The Sikhs of the Punjab*, Cambridge University Press: Cambridge.
- Grewal, J.S. (2008) *The City of the Golden Temple*, Guru Nanak Dev University: Amritsar.
- Johar, S.S. (2008) *The Heritage of Amritsar*, National Book Shop: Delhi.
- McLeod, W.H. (1996) *The Evolution of the Sikh Community*, Oxford University Press: New Delhi.
- Marx, Karl (1975) *Introduction to A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right*. In: K. Marx and F. Engels, *Collected Works*, Vol. 3, Progress Publishers: Moscow.

- Nanda, Meera (2009) *The God Market: How Globalization is Making India More Hindu*, Random House: New Delhi.
- Narang, A.S., 1983. *Storm Over the Sutlej: The Akali Politics*. Gitanjali Publishing House: New Delhi.
- Nayar, Kuldip and Khushwant Singh (1984) *Tragedy of Punjab: Operation Blue Star and After*, Vision Books: New Delhi.
- Singh, Ajmer, 2003. *Twentieth Century Sikh Politics: From One Slavery to Another* [orig. Punjabi title: *Vihvin Sadi Di Sikh Rajniti: Iq Ghulami Ton Dooji Ghulami Tak*]. Narinder Singh: Chandigarh.
- Singh, Fauja (2000) *The City of Amritsar: An Introduction*, Publication Bureau, Punjabi University: Patiala.
- Singh, Ganda (ed.) (1958) *Tarikh-i-Amritsar Ke Chand Makhaz*, Amritsar.
- Singh, Khushwant (1997) Ranjit Singh. In: Harbans Singh, ed. *The Encyclopaedia of Sikhism* Vol. 3, Punjabi University: Patiala, pp. 479-487.
- Singh, Khushwant (1999) *History of the Sikhs*, Vol. 1. 1469-1839. Reprint with corrections (1st edition 1963), Oxford University Press: New Delhi.
- Singh, Khushwant (2005) *History of the Sikhs*, Vol. 2. 1839-2004. (1st edition 1966), Oxford India: New Delhi.
- Singh, Mohinder (1988) *The Akali Struggle: A Retrospect*. Atlantic Publishers: New Delhi.
- Singh, Parm Bakhshish, Devinder Kumar Verma, R.K. Ghai and Gursharn Singh (eds.) (1999) *Golden Temple*, Publication Bureau, Punjabi University: Patiala.
- Singh, Pashaura (2006) *The Life and Work of Guru Arjan*, Oxford University Press: New Delhi.
- Singh, Patwant (1989) *The Golden Temple*, Time Books International: Delhi.
- Singh, Patwant and Jyoti Rai (2009) *Empire of the Sikhs: The Life and Times of Maharaja Ranjit Singh*, Penguin Books: New Delhi.
- Singh, Pritam (1984) 'AIR and Doordarshan Coverage of Punjab after the Army Action', *Economic and Political Weekly*, September 8.
- Singh, Pritam (1987) 'Two Facets of Revivalism'. In: Gopal Singh (ed.) *Punjab Today*, Intellectual Publishing House: Delhi.
- Singh, Pritam (2007) 'The Political Economy of the Cycles of Violence and Non-Violence in the Sikh Struggle for Identity and Political Power: Implications for Indian Federalism', *Third World Quarterly*, 28 (3), 555-570.

- Singh, Pritam (2008) *Federalism, Nationalism and Development: India and the Punjab Economy*. Routledge: London. Special Indian Reprint in 2009.
- Singh, Pritam and Navtej K. Purewal (2013) 'The resurgence of Bhindrawale's image in contemporary Punjab', *Contemporary South Asia*, 21:2, 133-147.
- Steiner, Rudolph (1986) *The Principle of Spiritual Economy*, Anthroposophic Press: London.
- Tully, Mark and Satish Jacob (1986) *Amritsar: Mrs. Gandhi's Last Battle*, J. Cape: London.
- Uberoi, J.P.S., 1996. *Religion, Civil Society and the State: A Study of Sikhism*. Oxford University Press: Delhi.
- Weber, Max (2002) *The Protestant Ethic and the 'Spirit of Capitalism'*, Translated by Peter Baehr and Gordon C. Wells, Penguin Books: New York.

Филиппова М.М.

Повелительное наклонение в жизни и рекламе

Не секрет, что агрессивность рекламы утомляет. Признаюсь: обратилась к данной теме именно из-за того раздражения, которое вызывает этот «самый заметный и вездесущий фактор современной культуры» (так определяют рекламу Терри О'Рейли и Майк Теннант). И заметную роль в этом вездесущем факторе нашей жизни играют именно формы повелительного наклонения. Так, например, если вам «посчастливилось» стать объектом рассылки мобильного магазина подарков, обоев и электронных открыток «crosscards wallpaper», то всего лишь в одном-единственном письме, адресованном вам, вы можете встретить до шести форм императива:

Sign up for this newsletter! (Подпишитесь на этот информационный бюллетень!)

Search Christian singles free! (Ищите себе в партнеры одиноких христиан бесплатно!)

Grow your faith and start your day inspired! (Усиливайте свою веру и начинайте свой день вдохновленными!)

Enjoy today's Inspirational spin around the Christian web!
(Получите удовольствие от сегодняшней вдохновляющей прогулки по христианской всемирной паутине!)

Follow us on twitter. (Следуйте за нами в твиттере.)

Join us on facebook. (Присоединяйтесь к нам на фейсбуке.)

Точно так же достаточно единожды проехать на московском метро, чтобы собрать некоторое количество рекламных посланий в форме императива:

«Забудь о других, переходи на Биг Кинг!»;

«Выиграй i-phone5! Русское радио»;

«Расплачивайтесь картой 'Виза' Сбербанка!»;

«Удвойте свои шансы с носителем языка!» и т.д.

Можно было бы подробно расписать, почему адресат воспринимает именно эту рекламу в штыки, и здесь немалую роль сыграл бы анализ компонентов экстралингвистической реальности, те фоновые знания, которыми владеет носитель языка относительно каждого из рекламируемых продуктов. Однако, интересный вопрос — это то, какую роль в послании, адресованном потребителю, играет именно синтаксическая структура, и почему создатели рекламы выбрали именно ее. Почему такая реклама вызывает столь сильные чувства? Почему в связи с ней возникают такие мощные эмоции, как возмущение, раздражение, злость и т. п.?

Любопытно, что, в отличие от этого, социальную рекламу, даже хоть и в форме императива, люди чаще всего читают с чувством

одобрения:

“Возьми из приюта, не покупай!»;

«Пристегните ребенка!»;

«Берегите тепло — закрывайте ворота!»;

«Береги природу!»;

“Выпил – за руль не садись!”

Даже если мы категорически не приемлем какие-либо методы и орудия манипуляции сознанием отдельного индивида, групп и всего общества, отрицать реальность такой манипуляции — реальности воздействия на людей письменного или устного высказывания и текста — невозможно. Это наблюдается в самых разных сферах деятельности: менеджменте, повседневном общении, политике и сфере образования. Мы знаем, что реклама отличается особенно высокой степенью манипулятивности своих текстов. Неприятная метафора Джорджа Оруэлла — «реклама — это грохот палки в ведре с пойлом» — не добавляет положительных эмоций в нашем восприятии рекламы, однако не отменяет необходимости разобраться в ее механизмах.

Итак, императив есть одна из часто употребляемых в рекламе синтаксических структур. Как известно, императив — одна из разновидностей грамматической категории наклонения. Рассмотрим некоторые базовые аспекты этой категории.

Наклонение — это грамматическая категория, выражающая отношение действия, обозначенного глаголом, к действительности, как ее видит говорящий. Иными словами, наклонение указывает на то, как говорящий формулирует суждение в данной конкретной ситуации. Согласно В.В. Виноградову, наклонение — это грамматический способ выражения модальности. Грамматическое содержание форм наклонения выводится из их употребления в речи, что предполагает присутствие говорящего или пишущего субъекта, чьи высказывания включают, наряду с констатацией действия, его оценку как желательного, возможного, предполагаемого и т. д., то есть передают субъективное отношение говорящего к этому действию. В грамматиках обычно делается различие между изъявительным наклонением и косвенными наклонениями, и у повелительного наклонения в этой системе свое место.

Категория повелительного наклонения, кажется, является языковой универсалией, поскольку она характерна как для древних, так и для современных языков, а также и для языков, принадлежащих к типологически разным группам. Разные наборы окончаний отличали императив от индикатива и сослагательного наклонения в латыни, например. Императив представляет действие или процесс как требуемое или желательное и выражает волю говорящего — его или ее просьбу, команду, приказ или призыв. Императив не имеет форм грамматического

времени.

Повелительное наклонение имеет сложную систему значений. Есть языки, в которых несколько взаимоисключающих форм императива имеют различные категориальные значения. Например, считается, что в нахских языках 10 наклонений, среди которых числятся безотлагательно-повелительное, категорически-повелительное и понудительное (не говоря о желательном и просительно-желательном наклонениях).

Между повелительным наклонением в английском и русском языках есть сходство. Легко привести типичные примеры: на английском один из самых узнаваемых — это предостережение *Mind the gap* (Осторожно, не провалитесь в щель между платформой и дверью вагона!), которое можно увидеть и услышать повсюду на платформах лондонского метрополитена. Еще одна известная надпись находится над входом в здание одного из самых знаменитых судов в мире — Центрального уголовного суда в Лондоне, называющегося Олд-Бейли в честь улицы, на которой он расположен. Над входом находится надпись-наставление: *Defend the Children of the Poor & Punish the Wrongdoer* (Защити детей бедноты и накажи правонарушителя). В этой надписи наблюдается связь между императивом и нравственностью, которая при ближайшем рассмотрении оказывается очень значимой.

Наверное, самыми знаменитыми примерами императива в русском языке являются запреты: «*Не курить!*», «*Не сорить!*», «*По газонам не ходить!*», «*Не прислоняться!*» (надпись на дверях вагонов метро). То, что в связи с императивом вспоминаются прежде всего запреты, возможно, является символичным для русской культуры, как это ни печально.

Нужно отметить, что эти примеры — образец того, что в грамматической терминологии называется инфинитивным императивом и является всего лишь одним из способов образования форм повелительного наклонения в русском языке. Следующие высказывания — это также примеры инфинитивного императива: «*Все утопит!*»; «*А теперь — обедать...*»; «*Уничтожить врага!*»; «*Раздеваться!*»; «*Не ссориться!*» В современной речевой практике русских водителей очень популярна команда «*Стоять!*», обращенная к водителю машины, движущейся наперерез (которую тот, естественно, услышать не может — если только не почувствует эту команду телепатетически). Еще более забавна ее юмористическая форма: «*Стоять! Бояться!*»

Но в то время как в русском вышеназванный инфинитивный императив используется только для строгих запретов, прямых приказов или категорических и не допускающих возражения команд, в английском, являющемся аналитическим языком, инфинитив

смыслового глагола, с восклицательным знаком или без него, используется в большинстве случаев: **Stop!** (Остановись /-витесь!); **Wait for me!** (Подожди/-ждите меня!); **Have fun!** (Веселись/-литесь!); **Be sensible!** (Будь/-дьте благоразумен/-мна/- мны!); **Don't act like a fool!** (Не действуй как дурак/ Не веди себя как глупец).

В русском языке ситуация морфологически сложнее из-за синтетизма, поэтому правил образования форм повелительного наклонения довольно много. Еще одним следствием синтетического характера русского языка является то, что интонация и семантика смыслового глагола играют важную роль в создании определенного значения в каждом конкретном случае употребления императива.

«Неинфинитивный» императив в русском языке обычно выражается особой формой 2-го лица ед. и мн. числа: «**Сделай (-me)!**»; «**Пуши (-me)!**» и побудительной формой (иногда называемой юссивом), выражающей побуждение одному или нескольким людям, включая говорящего, выполнить некое совместное действие: «**Пошли!**»; «**Пойдем!**»; «**Идемте!**»; «**Вернемтесь**».

Воплощением вездесущности императива можно считать стихотворение Александры Ивановой, кочующее по интернету. Впечатление такое, что в нем собраны многочисленные наставления, инструкции и указания, которые прямо-таки «навязли в зубах» у молодой женщины, потому что окружающее ее сообщество, родные и близкие непрерывно твердят ей:

*Не унижайся.
Не будь дурой.
Не загружайся.
Следи за фигурой.
Не замыкайся.
Не ной. Не кричи.
Помни, куда положила ключи.
Книги читай.
Не смотри ток-шоу.
И повторяй, что всё хорошо.
Думай о многом.
Много не пей.
Не подпускай к себе лишних людей.
Рано вставай. Спи по восемь часов.
Сядь на диету, но слезь, блин, с весов!
Слезла с весов — садись на диету.
И прекрати всё время ждать лето.
Остерегайся мрачных людей
и не стесняйся безумных идей.
Слушай родных - не будь ты упрямой!*

*На выходных сходи в кино с мамой.
Курить не круто.
Не думай о смерти.
Отправь кому-то письмо в конверте.
Не притворяйся.
Поменьше трепись.
Любишь — признайся.
Не любишь — влюбись...*

Можно также сказать, что это стихотворение — пример того, как общество формирует личность при помощи предписаний, выраженных императивами. Отметим попутно, что из 31-го предложения в повелительном наклонении, использованного в этом стихотворении, 13 представляют из себя его отрицательную форму. К вопросу об императиве в отрицательной форме мы вернемся позже.

Еще один пример множественных форм императива, в данном случае отражающих стремление установить социальные нормы цивилизованного поведения в обществе, дает следующий текст, также взятый из интернета:

«Хочешь в Европу?

Не плюй в лифте! Не гадь в подъезде! Не бросай мусор мимо урны! Езди по правилам! Уступай место в общественном транспорте! Не давай и не бери взяток! Не напивайся вдрызг! Уважай свою историю и культуру — и ты сам не заметишь, как окажешься в цивилизованном государстве!»

А что касается английского языка, Том МакАртур дает четкое определение императива в своем «Кратком справочнике по английскому языку» (Concise Companion to the English Language. Oxford, 1998):

“**Императив.** Наклонение глагола, используемое для выражения команд (**Go away** — Уходите), просьб (**Please sit down** — Пожалуйста, садитесь), предостережений (**Look out!** — Осторожнее/Берегись/-итесь!), предложений (**Have another piece** — Съешь/-те еще кусочек) и мольбы (**Help me** – Помогите/-те мне). Предложения со смысловым глаголом в повелительном наклонении требуют от того или тех, к кому они обращены, выполнить некое действие. Следовательно, субъектом предложения в типичном императиве является личное местоимение 2-го лица «ты/вы», которое, однако, обычно опускается, как в следующем предложении: **Go away!** — Уйди/-те!/Уходи/-те!, но фигурирует в предложениях с эмфазой: **You do as you're told!** (А вы делайте так, как вам сказано!); **You listen to me** (А ты слушай меня!), **Don't you do that again** (И чтоб ты больше так никогда не делал!).

Императивы 1-го и 3-го лица упоминают исполнителя действия или требование выполнить действие менее прямолинейно: **Let's go now** (А теперь пойдёмте); **Someone close the window** (Кто-нибудь, закройте

окно)».

Как и можно было ожидать, в большинство справочников и словарей английского языка говорится, что императив служит для выражения команд и просьб (в некоторых из них сказано: «приказов или команд»), хотя на самом деле спектр значений, передаваемых императивом, гораздо шире. Том МакАртур в вышеприведенной дефиниции перечисляет команды, просьбы, предупреждения / предостережения и мольбы. Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что у императива есть и много других функций, которые очень активно эксплуатируются современными СМИ.

Можно отметить еще один аспект — впечатление о том, что в американском варианте английского языка императив используется гораздо шире, чем в британском, что может иметь отношение к определенным чертам национального менталитета. (Эта гипотеза, однако, нуждается в тщательной проверке.)

И все же, императив — это грамматическое явление, своей частотностью наводящее на мысль об определенном настроении мышления и о бесцеремонном поведении. Он, возможно, является одним из самых важных понятий в современной языковой практике, понятий, выражающих волю говорящего доминировать, предписывать и т. п. Так, есть частотные повседневные фразы американского варианта английского языка, отражающие настроения людей, такие, как оптимистический, подбадривающий призыв *Keep your chin up!* («Не вешай нос!»), или побуждающая фраза *Keep smiling!* («Держи улыбку!»), подразумевающая, что нужно всегда поддерживать у других людей положительный образ самого себя, или *Accentuate the positive!* («Подчеркивай положительные стороны!»), которая призывает обращать внимание прежде всего на хорошее, или *Get real!* («Взгляни на вещи реалистично!»), призывающая исходить из реального положения вещей, или *Keep on trying!* («Не оставляй попыток достичь желаемого!»), призывающая к настойчивости в достижении своих целей. Все они, выражая мудрые и позитивные мысли, имеют форму повелительного наклонения, т.е. являются довольно категоричными и безапелляционными, что, возможно, соотносится с некоторыми чертами национального характера американцев.

Есть ряд других разговорных фраз, таких, как *Give it the whole nine yards*, означающая «истратить все для достижения цели» (expend everything), происходящая из выражения, использовавшегося во Вторую мировую войну, когда на самолетах-бомбардировщиках использовалось 27 футов, или 9 ярдов пули на одну ленту пулемета. И ряд ее синонимов: *Go for it* («стремись к цели, добивайся ее»), *Reach out* («добивайся цели, тянись к ней»), *Grab the ring* («хватай кольцо»), которая происходит из циркового жаргона или фигур высшего

пилотажа, **Hang ten** («продержись до счета десять»), происходящая из виндсерфинга или занятий сноубордом. Отец президента Кеннеди, как утверждают, сказал ему однажды: **Don't get mad – get even** (Не злись, а сровняй счет ~ Долг платежом красен). Эту фразу также можно считать выражением позитивной жизненной философии, но опять-таки, сформулированной категорично, почти по-диктаторски.

Язык власти и авторитетности часто облекается именно в повелительное наклонение, как вышеупомянутое предупреждение **Mind the gap** или следующие объявления: **Tower Hamlets: No ball games. Please respect other users** (Тауэр Хэмлетс: Игры в мяч запрещены. Пожалуйста, относитесь с уважением к другим клиентам); **Everybody listen** (Всем слушать).

Любопытно, что многие формулы вежливости также выражены императивом: **Keep in touch** (Оставайтесь в контакте), **Have a good day!** (Желаю/-ем приятно провести день), **Have a nice weekend** (Желаю/-ем приятно провести выходные), **Have a good trip (flight, etc.)** (Приятного Вам путешествия (полета и т.п.)), **Enjoy your stay!** (Желаю/-ем Вам приятного пребывания!), **Enjoy the weekend!** (Желаю/-ем приятных выходных!), **Don't mention it!** (Не за что!) и т.п. Эти фразы выражают положительные дружеские пожелания. И хотя мы знаем от экспертов в сфере вежливости и политкорректности, что невежливо облекать свои просьбы и желания в форму императива, в этих фразах, поскольку они выражают хорошие, дружелюбные, положительные пожелания, императив не является навязыванием воли говорящего слушающему и поэтому допустим, несмотря на свою категоричность. Более того, эти фразы являются формулами вежливости, что подразумевает, что они существуют давно именно в данном фиксированном оформлении.

Есть также фразы в повелительном наклонении, выражающие стандартные советы: **Don't worry, be happy!** (Не тревожься, будь счастлив!); **Take it easy!** (Не принимай вещи близко к сердцу!); **Never trust strangers** (Никогда не доверяйся незнакомцам!); **Pull yourself together!** (Соберись!); **Don't flatter yourself!** (Не обольщайся!); **Always be yourself, always be true to yourself!** (Всегда будь собой, всегда будь верен себе!) и т.п.

При взгляде на различные примеры императива становится особенно заметно, что конкретное значение (в данном случае совет), выражаемое этой формой, зависит не только от грамматической формы, но и от той интонации, с которой она произносится, от семантики основного глагола и общего контекста высказывания. И список возможных значений, которые может передавать императив, довольно обширен: просьба, команда, приказ, призыв, предостережение, предупреждение, увещание, наставление, настоятельный совет,

указание, директива, предписание, рекомендация, подбадривание, утешение, ободрение, поощрение, возражение, увещевание, обольщение, соблазн, убеждение, настойчивая просьба, ходатайство, подстрекательство, наущение, побуждение, заступничество, ходатайство, посредничество и т.д.

Мудрость, веками накапливавшаяся людьми, также часто выражается повелительным наклонением. Пословицы и поговорки содержат непреходящую мудрость, опыт целых поколений, предлагая нам всякого рода советы и предупреждения: **First thrive and then wive** (Сначала добейся благоденствия, а потом женись); **Look before you leap** (Действуй осмотрительно; воздерживайся от опрометчивых поступков; ~ Не зная броду, не суйся в воду; ~ Семь раз примерь, один раз отрежь); **Don't count your chickens before they are hatched** (Не радуйтесь раньше времени; Не делайте преждевременные выводы ~ Не делите шкуру неубитого медведя; ~ Цыплят по осени считают); **Don't teach your grandmother to suck eggs** (Не учи свою бабушку, как яйца высасывать; ~ Не учи ученого; ~ Учёного учить — только портить); **Never judge from appearances** (Никогда не судите по внешности ~ Внешность обманчива); **Look on the bright side** (Смотри на вещи оптимистически); **When fortune smiles, embrace her** (Когда судьба улыбается тебе, прими ее); **Never put off till tomorrow what you can do today** (Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня); **Don't change horses in the middle of the stream** (Коней на переправе не меняют); **Of two evils choose the less** (Из двух зол выбирай меньшее); **Send not the cat for lard** (Не посылай кошку за салом ~ Чует кошка, чье мясо съела) и многие другие. Все эти пословицы и поговорки были частью народного сознания веками, именно поэтому они и называются народной мудростью. И как мы видим, многие оформлены в виде императива.

Некоторые библейские фразы и выражения также выражены повелительным наклонением: **Ask and it shall be given you** (Просите, и дано будет вам); **Seek and ye shall find** (Ищите и найдете); **Judge not, that ye be not judged** (Не судите, да не судимы будете); **Do not cast your pearls before swine** (Не мечите бисер перед свиньями); **Physician, heal thyself** (Врач, излечи себя); **Let the dead bury their dead** (Пусть мертвые погребают своих мертвецов); **Foolish and unlearned questions avoid** (От глупых и невежественных состязаний уклоняйся); **Fight the good fight** (Подвизайся добрым подвигом); **Love not sleep, lest you come to poverty** (Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть); **Set your house in order** (Сделай завещание для дома твоего) и многие другие. Таким образом, императив, как выясняется, давно служит средством передачи и библейской мудрости тоже.

Следовательно, когда рекламисты оформляют мысль в повелительном наклонении, сама синтаксическая форма подразумевает

все эти ассоциации: это та же форма, которая используется для общепризнанных формул вежливости, для общепринятых пословиц и поговорок, составляющих результаты социального и культурного опыта народов, и для передачи авторитетного нравственного содержания библеизмов, в частности.

Итак, из всех этих примеров становится понятно, что императив подразумевает определенное отношение, прямой и непосредственный подход к делу, некие ментальные установки. Будет логично поэтому обратиться к философскому словарю и посмотреть, как понятие императива трактуется в нем:

Императив. Стандартное наклонение предложений, используемых для формулировки просьб и команд. Вопросы философии языка, связанные с императивами, включают вопрос оценки того, что, возможно, потребность излагать просьбы и команды является столь же базовой, как и потребность сообщать информацию (сигнальные системы животных часто можно истолковывать как в том, так и в другом смысле), и вопрос понимания отношений между командами и другими видами употребления языка, направленными на руководство действиями людей, такими, как этический дискурс. Этическая теория прескриптивизма (предписательности) на самом деле ставит знак равенства между этими двумя функциями (Simon Blackburn. Dictionary of Philosophy. Oxford, 1996).

Эта информация представляется весьма значимой — то, что **потребность излагать просьбы и команды является столь же базовой, как и потребность сообщать информацию.** Тогда все многочисленные функции императива можно объяснить его универсальностью и его древними корнями, его характеристиками, которые являются базовыми для языка, его длительной историей как строевого компонента различных языков человека и даже языков животных, как разъясняется в этой статье.

Чтобы вникнуть поглубже в философское истолкование императива, обратимся к определению прескриптивизма в том же словаре. Неожиданно для лингвистов, чье понимание прескриптивизма является несколько иным, Философский словарь Саймона Блэкберна дает следующее определение:

“Прескриптивизм. Подход к теории морали, особенно ассоциирующийся с Ричардом Мервином Хэаром, который приравнивает нравственные обязательства к отдаче команды или согласию выполнить команду. Разногласия в мнениях по поводу морали тогда моделируются на основе отдачи конфликтующих команд, а непоследовательность нравственной мысли уподобляется отдаче команд, не все из которых могут, возможно, привести к послушанию. В разработках Ричарда Мервина Хэара, этические суждения отличаются

от простых предписаний приверженностью всеобщности, которую они воплощают: так, в то время как я могу приказывать вам курить, а кому-то другому не курить, если я войду в этический модус и скажу, что вам не следует курить, я окажусь приверженным тому предположению, что любому другому человеку в существенно аналогичном положении не следует курить. Более позднее развитие Ричардом Мервином Хэаром этой мысли привело его к утилитаризму как критическому уровню нравственной мысли, замаскированной в повседневной жизни более обычными и менее систематическими обязательствами, которыми мы склонны себя связывать.

Критики этой теории сосредоточились на разнообразных различиях между этическими обязательствами и командами (приказами), включая ту проблему, что, в то время как принятие команды кажется равноценным настрою на ее выполнение, принятие этического суждения не противоречит, к сожалению, отказу быть им связанным».

Если не вдаваться в детали философских доводов и доказательств, вывод, который можно сделать из этой словарной статьи — это то, что императив тесно связан с нравственными суждениями. И действительно, только абсолютная уверенность в своей правоте может давать человеку основание формулировать свои суждения в повелительном наклонении.

Есть еще один жанр, в котором советы обычно оформляются императивами — советы психолога. Вот, например, статья из интернета, в которой основные мысли выражены императивами:

«Как обрести уверенность в себе и в делах?»

Советы и рекомендации человеку, желающему приобрести абсолютную уверенность в себе и делах. Пожалуй, это лучшая мотивация к работе — уверенность в себе.

Что делать, чтобы стать уверенным успешным человеком:

1. Прекратите сравнивать себя с другими.

Играя в сравнения, вы часто будете оказываться в проигрыше — всегда найдутся люди, которые будут лучше вас. Это в психологии человека — никто ведь не сравнивает себя с тем, кто хуже его. *Будьте самим собой.*

2. Прекратите критиковать себя.

Некоторые люди имеют привычку постоянно себя в чем-то винить. «Это могло случиться только со мной!», «Я всегда опаздываю» и т. д. Это способствует формированию негативного восприятия собственной личности. *Постарайтесь больше не произносить таких слов и даже не думать об этом, или, по крайней мере, ограничивайте себя в критике.*

3. Простите и забудьте.

Не тратьте впустую ваше время и энергию на размышления о своих прошлых оплошностях. Это уже позади, и подобные мысли мешают вам

двигаться вперед. Мы все совершаем ошибки, даже когда мы стараемся изо всех сил. Очень малое количество вещей в этой жизни поддается нашему влиянию. *Лучше больше думайте о ваших достижениях. Простите себя и идите дальше.*

4. *Общайтесь с позитивными, уверенными людьми.*

Уверенный в себе человек любит себя, и распространяет свою любовь на окружающих: это является поддержкой для них. *Старайтесь общаться с цельными, оптимистично настроенными людьми.* Люди, сеющие вокруг негатив, непременно заразят им и вас. Пессимизм подавляет вас и все ваши начинания, и вы постепенно превращаетесь в такого же неудачника.

5. *Погрузитесь в то, что вы любите.*

Трудно чувствовать себя хорошо, если все ваши дни проходят на работе, которую вы ненавидите. Чувство собственного достоинства непоколебимо, когда вы заняты любимым делом — ведь если вам нравится это делать, у вас это отлично получается. Если не хотите оставить работу, то *хотя бы свободное время посвящайте только своим любимым занятиям.*

6. *Будьте верным себе.*

Живите вашей собственной жизнью. Проживая чужую, следуя чужим навязанным идеалам, вы никогда не сможете уважать себя. *Не ждите одобрения со стороны, делайте то, что считаете нужным.*

7. *Говорите твердо и уверенно.*

Слова обладают мощной силой, и особенно веским аргументом являются в характеристике личности. *Не бросайте слов на ветер, не отвечайте резко, не заискивайте, говорите спокойно и уверенно* — люди совершенно по-другому станут к вам относиться.

8. *Составьте список ваших достижений.*

Здесь все ясно. Единственное замечание — *постарайтесь сделать его максимально длинным. И повесьте на самом видном месте.*

9. *Составьте список ваших положительных качеств.*

Каждый имеет свои уникальные особенности и способности. Честность, бескорыстие, эрудиция, доброта... *Смотрите почаще на этот список, сосредоточьтесь на ваших положительных сторонах.*

10. *Используйте ваши слабые стороны себе на пользу.*

Не казните себя за свои недостатки — они есть у всех, и у некоторых они еще похуже ваших. Конечно, не стоит культивировать свои слабые стороны, но от них намного легче будет избавиться, если вы постараетесь их оптимизировать. Например, *оберните свое упрямство в целеустремленность, любопытство — в любознательность.*

11. *Откройте себя заново.*

Иногда просто нужно познакомиться с самим собой заново. *Полюбите себя* — улыбку, характер, индивидуальность.

12. Отмахнитесь от себя.

Иногда проблема не настолько реальна, как вам кажется. Просто ваши размышления доводят ее до размеров катастрофы. Чем мучиться ночь напролет от того, что, как вам показалось, вы произвели нехорошее впечатление на ваших новых знакомых, *просто плюньте и забудьте. Дайте себе отдых, скажите: «Хватит!»*

В интернете можно найти массу таких текстов от психологов, авторы которых точно знают, что нужно читающему, и поэтому оформляют текст в виде императивов. Императивы также очень частотны в книгах по популярной психологии (которые по-английски называют 'how to' books), в чем легко убедиться, открыв наугад одну из таких книг. Вполне может быть, что в нашей сложной жизни такое упрощение и снятие какой-либо двусмысленности относительно позиции автора оказывается благотворным для читателя, делая более легким процесс усвоения советов.

Любопытно, что все чаще стали встречаться книги с заглавием в виде императива: *«Учитесь любить себя», “Develop Your Marketing Skills (Развивайте свои навыки маркетинга)”*, *“Whatever You Think, Think the Opposite (Что бы вы ни думали, подумайте противоположное)”*, *“Talk to the Hand (Говорите руке (которой я от вас отстраняюсь))”*, *“Negotiate Successfully (Торгуйтесь (договаривайтесь) успешно)”*, *“Tackle Office Nightmares (Разбирайтесь с офисными кошмарами)”*, *“Survive Office Politics (Удержитесь на плаву (уцелайте) в офисной политике)”*, *“Give Great Presentations (Устраивайте блестящие презентации)”* и т.п.

Когда мы становимся свидетелями такого обилия жанров, ключевой структурой которых является императив, становится понятно, откуда берется сила воздействия этой конструкции. Императив, возможно, является самой простой, ясной и недвусмысленной конструкцией, передающей смысл авторитетности, опытности, выкристаллизованного знания о каком-либо предмете, возможно, специализированного знания, принадлежащего посвященным, уверенности в своей правоте, в своем праве воздействовать на собеседника именно таким образом, в своем праве требовать от собеседника определенного поведения и т.п.

Все это, естественно, вносит свой вклад в психологическое воздействие рекламы, когда рекламисты используют императив как средство продвижения бренда или поощрения готовности покупателя сделать покупку. Это можно наблюдать в рекламных слоганах многих американских компаний, например:

Nike: ***Just do it***

American Airlines: ***Rest, keep warm and drink liquids / Fly the American way***

AT & T (American Telephone and Telegraph): ***Reach out and touch someone***
 Apple computers: ***Think different***
 Bank of America: ***Think what we can do for you***
 Brooke Bond: ***Spend wisely – save wisely***
 Burgher King: ***Have it your way***
 Cadbury's dairy Milk Chocolate: ***Award yourself the CDM***
 Canon: ***See what we mean***
 Chevrolet: ***See the USA in a Chevrolet / Eye it – Try it – Buy it***
 United States Army: ***Be all that you can be***
 Sprite: ***Obey your thirst***
 Palmolive Soap: ***Keep that school girl complexion***
 Marlboro cigarettes: ***Come to Marlboro country / Come to where the flavor is***
 Pepsi Cola: ***Come Alive – You Are In The Pepsi Generation***
 Dobbins' Electric Soap: ***Beware Of Imitations***
 American Express: ***Don't leave home without it***

В широком, обобщенном смысле, утвердительная форма императива в этих примерах используется, чтобы побудить читателя/слушателя совершить некое действие, она передает смысл настойчивых попыток вовлечь адресата и активно влиять на него, пытаясь убедить его купить некие продукты и пользоваться ими. Эти лозунги также приглашают читателя выражать свою уникальную индивидуальность, отстаивать свои принципы и свою позицию, они подчеркивают высокую ценность рекламируемого продукта, агрессивно отстаивают заявленные ценности и т. п. В общем и целом, можно сказать, что императив демонстрирует высочайшую степень уверенности в своей правоте, праведности и бесспорной верности взглядов пишущего. Это выражение активной жизненной философии. Может оказаться, что императив — это одно из самых важных грамматических и семантических понятий для американской системы мышления.

Нужно отметить, что по аналогии с вышеназванным слоганом компании «Американ Экспресс» возникают ассоциации со многими другими слоганами, также выраженными отрицательной формой повелительного наклонения:

Don't Be A Paleface, или иначе: ***Tan – Don't Burn*** (Загори – но не сгорай). Лосьон для загара «Копперстон»; использовался в США с 1953. Этот призыв, «Не будь бледнолицей», опирался на широко известную рекламную фотографию маленькой девочки, с которой игривый щенок пытается стащить купальник. В 1991 оба эти рекламных слогана подверглись критике за отсутствие политкорректности в слове *paleface* (бледнолицый).

Don't blame me, I'm from Massachusetts (Я не виноват – я из Массачусетса): неофициальный политический лозунг, использовался в США в декабре 1972. Является комментарием к запутанным, осложненным мирным переговорам с Северным Вьетнамом. Во время ноябрьских выборов упомянутый штат проголосовал за Джорджа МакГоверна, который обещал, если его выберут, немедленно заключить мир с Вьетнамом.

Don't Let Them Take It Away (Не позволяйте им отобрать все это): лозунг президентских выборов в США в 1948. Опасения, что президент-республиканец может снова поселиться в Белом Доме после 16 лет правления Демократической партии, послужили отправной точкой для этого неофициального слогана. В этот раз он сработал, и Гарри С. Трумэн был переизбран, но когда слоган был вновь возрожден в 1952 г., этого не произошло. В самом начале кампании 1948 года Трумэн сказал Албену Баркли, своему товарищу и кандидату в вице-президенты: «Я буду бороться изо всех сил. Я создам им адские условия» (*I'm going to fight hard. I'm going to give 'em hell*). Поэтому «Создай им адские условия, Гарри!» (***Give 'Em Hell, Harry***) также стало полуофициальным боевым кличем. Как видим, он также выражен императивом.

Don't Pronounce It – See It! (Не произноси это – лучше посмотри фильм!) Реклама фильмов «Ниночка» США, 1939; и «Пфффт!»; США, 1954.

Don't Wear Ondine Unless You Mean It (Не душись «Ундиной», если ты этого не подразумеваешь): парфюм «Ундина»; США, дата неизвестна. Этому лозунгу предшествовали слова: «Сбереги его для настоящих мужчин в твоей жизни. Мужчин, которые хотят тебя только для себя... и вращаются с тобой в свете допоздна...»

Don't Write – Telegraph (Не пиши – телеграфируй): телеграфная компания «Вестерн Юнион»; США, с 1920 г. – хотя эти слова сначала появились неофициально в написанном виде на окнах офисов различных отделений компании в 1917-19 г.г.

Мы видим, что часть этих лозунгов нацелена на то, чтобы побудить сторонников какого-нибудь политика выразить свою волю, но здесь также можно заметить некоторый момент более общего характера.

Про запрет/предписание ***don't (do something)*** вместе с его синтаксической структурой можно сказать, что это — одна из самых прочно укоренившихся структур в сознании человека. Этот императив в отрицательной форме дети слышат с раннего возраста, когда начинают исследовать окружающий мир. Эта конструкция используется их родителями и другими родственниками, прочими окружающими

людьми для их социализации, т. е., чтобы научить их, какое поведение является приемлемым в обществе, а какое — нет, что опасно для их здоровья и благополучия, что — вредно, иными словами, чтобы объяснить им, «что такое хорошо, а что такое плохо».

Можно предположить, что эта синтаксическая структура функционирует неосознанно, ведь у каждого человека где-то в глубинах памяти наверняка накоплено множество ассоциаций с многочисленными ситуациями, когда ему не давали что-то сделать, когда ему не позволялись какие-то действия или что-то было запрещено. Вследствие этого отрицательный императив (*Don't!*) — это структура, заставляющая человека насторожиться, ее невозможно игнорировать, не обращать на нее внимания, поэтому она очень эффективно работает в рекламе. Она особенно хорошо достигает своих целей, потому что опыт учит людей тому, что те, кто старше и мудрее их, обычно стараются заставить их воздержаться от совершения глупых, опасных или рискованных действий. Как следствие, эта структура вызывает страх совершить неправильные действия. Во многих рекламных объявлениях эта отрицательная форма императива уравнивается советом делать то, что авторы рекламы считают правильным — купить их продукт, последовать их совету и т. п. В результате в такой рекламе мы наблюдаем идеальную ситуацию заранее подготовленного выбора, когда потребителям не приходится напрягаться, а можно просто идти по линии наименьшего сопротивления и принимать то, что авторы рекламы столь убедительно предлагают им.

Итак, вывод таков: не следует принимать императив как нечто само собой разумеющееся, это отнюдь не простая структура, а такая, которая нагружена массой культурных, социальных и психологических ассоциаций. Она функционирует на уровне бессознательного, поскольку мы обычно обращаем внимание на смысл, а не на синтаксическую структуру высказывания. Совсем не случайно рекламщики столь активно используют этот инструмент воздействия на мышление и поведение отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Они потому используют императив столь часто, что знают или интуитивно чувствуют, что это очень эффективная конструкция. Они очень умело эксплуатируют эту грамматическую форму, и адресаты их рекламных текстов, возможно, именно потому чувствуют раздражение, что им трудно не откликнуться на воздействие этой структуры. Адресаты злятся, когда инстинкт подсказывает им подчиниться, а голос разума подсказывает, что их побуждают делать нечто, совсем для них не обязательное.

К счастью, можно сказать, что, если мы разберемся в механизмах воздействия, используемых рекламщиками, то у нас выработается иммунитет против рекламы.

Итак, мы видим, что императивы и в рекламе, и в жизни встречаются как в утвердительной, так и в отрицательной форме. Уже были упомянуты такие выражения (официальные запреты либо советы в форме запретов), как **«Не курить!»**; **«Не сорить!»**; **«По газонам не ходить!»**; **«Не прислоняться!»**; **«Не ссориться!»**; **«Выпил – за руль не садись!»**; **«Возьми из приюта, не покупай!»**; **Don't act like a fool; Don't you do that again; Don't get mad – get even; Don't mention it!; Don't worry, be happy!; Don't flatter yourself!; Don't count your chickens before they are hatched; Don't teach your grandmother to suck eggs; Don't change horses in the middle of the stream; Send not the cat for lard; Judge not, that ye be not judged; Do not cast your pearls before swine; Love not sleep, lest you come to poverty** и многие другие. Можно еще раз обратить внимание на многочисленные «социализирующие» отрицательные формы повелительного наклонения в вышеприведенном стихотворении Александры Иванковой и в тексте под названием «Хочешь в Европу?», а также на список вышеназванных слоганов весьма уважаемых компаний.

Однако, когда мы пытаемся понять роль отрицательных форм императива с психологической и когнитивной точек зрения, то возникает противоречие между речевой практикой и довольно-таки единодушным мнением психологов о том, что отрицание осложняет речь, причем неуместным образом. Обратимся, например, к тому, как трактуют роль частицы **не** авторы практического руководства «Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью...» (серия «Библиотека НЛП») А. Котлячков и С. Горин. Нам объясняют, что частица **не** сознанием воспринимается, но для подсознания она абсолютно ничего не значит, поэтому самый простой и наиболее широко известный прием «наведения порчи», как выражаются авторы (то есть негативного влияния на поведение, самочувствие и здоровье человека), – это использование отрицательной формы императива в сочетании с тем, что вы резко говорите что-то человеку «под руку». Частица **не**, кроме того, еще и обеспечивает вашу безопасность, подчеркивают авторы, иллюстрируя это ситуацией, когда вы говорите стрелку, который во что-то целится: «Промахнись!» Сказать ему: «Не промахнись!» гораздо безопаснее (ведь в такой ситуации у него не будет оснований впоследствии обвинять вас в злом умысле), а результат выстрела, скорее всего, утверждают они, будет одним и тем же.

Если принимать всерьез эту трактовку отрицательных форм императива, то неизбежно возникают сомнения в правильности употребления такой рекламы:

«Не пропусти новый сезон скидок!»

«Лучший козырь — квартира. Не играй деньгами!»

**«Не загромождайте дворовые подезды личным
автотранспортом!»**

**“Не допустите разрушения общественного Музея имени
Н.К.Рериха!”**

**“Дискобар "Starbar" Красная Поляна · Рекомендованная
публикация. Сергей Лукошников с сольной программой! Не пропустите,
не прослушайте!”**

“Не упустите свой шанс!”

Следует ли считать рекламу, сформулированную таким образом, неправильной, неграмотно составленной? А заодно, возможно, следует считать неграмотно сформулированными и пословицы и библейские изречения, выраженные отрицательной формой императива? Несколько позже мы обратимся к мнению психолога М.Е. Литвака, который, анализируя библейские заповеди, приходит к выводу, что Господь Бог не мог не знать, что запреты: «Не делай себе кумира...»; «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» и тому подобные провоцируют людей нарушать их. Исходя из этого правила психологии, М.Е. Литвак считает, что эти формулировки принадлежат Моисею, который не смог донести до людей мысль Бога в самой уместной форме.

Но сначала рассмотрим позицию в этом вопросе А. Бакирова, автора психологического пособия, посвященного НЛП. Он назвал один из разделов своей книги «Волшебные свойства отрицаний», будучи убежденным, что мозг работает на утверждении, а отрицание существует только до тех пор, пока мы сознательно обращаем на него внимание. Это свое утверждение он подкрепляет аргументом (правда, довольно сомнительным) – соображением о том, что природа не знает частицы *не* – придумал ее человек. На это можно возразить следующее: во-первых, весь язык придуман человеком, а не только эта частица; во-вторых, если начать размышлять о том, что человек придумал за всю историю своего существования, то все равно будет крайне сложно доказать, почему все, что он придумал, надо игнорировать и исходить только из того, как дела обстоят в природе; в-третьих, если говорить о природе, то в данном случае нужно рассматривать природу языка, а не природу вообще, а отрицание как раз и является одной из языковых универсалий, то есть одним из базовых компонентов природы языка. «Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы». И тем не менее то, как А. Бакиров объясняет когнитивный механизм воздействия отрицательных форм на сознание людей, выглядит убедительным.

Он предлагает провести эксперимент – заставляет читателя

представить себе лающую собаку. Хотя полного совпадения образа собаки у проводящего эксперимент и у читателей не будет, автор все равно убежден, что у всех в сознании возникнет образ некоей лающей собаки. Если же изменить просьбу на противоположную (то есть постараться представить «не лающую собаку»), то здесь и начнутся всевозможные «фокусы». Что значит «представить, что собака не лает»? Кто-то представит собаку спокойно лежащей у своей конуры, кто-то рычащей, кому-то окажется достаточным просто мысленно перечеркнуть предыдущую картину. Таким образом, однозначно одинаковой картины не получится.

Дело в том, считает автор, что, когда человека просят представить лающую собаку, он создает соответствующую картинку; когда же нужно вообразить собаку, которая не лает, участники эксперимента начинают предлагать более или менее подходящие заменители, которые **не противоречат** прозвучавшей просьбе. Например, жующая собака – такая же «не лающая», как и спящая. Чтобы отобразить отрицание, пришлось восстанавливать первую картину с тем, чтобы ее перечеркнуть, либо описывать все остальные возможности, а это трудоемко. А. Бакиров дает читателю совет: если хотите облегчить человеку понимание, говорите по возможности утвердительно. Совет, разумеется, правильный, но нужно отметить, что мысль об индивидуальном понимании той или иной лексической единицы справедлива и в случае утвердительных конструкций, не «отягощенных» отрицаниями. Картинка «лающей собаки» тоже не будет абсолютно идентичной у разных носителей языка.

Следующий пример А. Бакирова представляет собой крайний случай перегруженности отрицаниями, его можно считать риторическим преувеличением, поскольку в реальности такого количества отрицаний в одном предложении не бывает даже в языках, допускающих многократное их повторение: *«Не так уж и нелегко не потерять ни одну частицу “не”, ни разу не перечитав немного непонятное утверждение, и я нисколько не сомневаюсь, что некоторая нестройность фразы не смогла ни у кого не вызвать ни капли затруднения, и вам не было нелегко не погрузиться в транс».*

Как говорит автор, при чтении этой фразы некоторые люди замечали определенное изменение состояния сознания, характерное для такой перегрузки. Многочисленные частицы **не** способны буквально «пожирать» объем нашего внимания, отнимать его у самой сути предложения. Хорошо известно, что этот объем весьма невелик: 7 ± 2 единицы информации. И каждое **не** забирает как минимум одну из них. Переполняя свое высказывание отрицаниями, можно значительно затруднить понимание.

А. Бакиров разъясняет, как действует механизм понимания:

услышав слово, человек должен подобрать ему соответствующий эквивалент из своей понятийной базы, то есть понять его. Добавив к нему отрицание, он уже вынужден искать этому эквиваленту противоположный ему по значению. Трудно безоговорочно согласиться с таким объяснением, особенно если задуматься над тем, что в языке существуют не только отрицательные частицы, но и отрицательные префиксы, суффиксы и т. п. Если посмотреть на них внимательно, придется признать, что все эти формы зачем-то нужны человеку. Например, прилагательные **небезопасный, небезвредный, небескорыстный** — зачем они в языке? Можно ведь «просто» сказать **опасный, вредный, корыстный**, не так ли? Однако слова **небезопасный, небезвредный, небескорыстный** зачем-то существуют в языке, несмотря на то, что содержат аж целых два отрицательных компонента, до некоторой степени нейтрализующих смысл друг друга.

Невольно напрашивается вывод, что, когда психологи утверждают, что наш разум просто-напросто не знает, как «подогнать» определенные вещи к языку отрицания, они занимаются своего рода редуционизмом, несколько примитивизируют ситуацию и недооценивают способности человеческого мозга. Ведь в языке существуют даже и более сложные семантические структуры, но человек с ними справляется. Например, одно из двух отрицаний может быть не выражено эксплицитно, но содержаться в семантике языковой единицы, имеющей «отрицательное» значение (т.е. такой, у которой отрицание является компонентом значения слова). Такое отрицание называется внутрилексическим, его примерами являются слова типа русского «отказаться = не согласиться» или английского *fail* «не преуспеть». Еще один пример двойного отрицания морфологического типа – ‘*unbiased* = not biased, impartial’; ‘*partial* = biased, unfair’. Таким образом, ‘*unbiased*’ можно объяснить как ‘not unfair’.

Можно также обратиться к глаголам типа *undelete, undeceive* и вспомнить знаменитую фразу леди Брэнкнелл из комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным»: «*I do not propose to undeceive my husband. Indeed I have never undeceived him on any question*». Это высказывание фактически означает «Я всегда скрывала правду от своего мужа» или «Я никогда не пыталась сообщать своему мужу правду». Можно эксплицитировать подтекст и «назвать вещи своими именами», то есть использовать наиболее компактную, лишённую отрицаний эквивалентную лексическую единицу, передающую этот смысл, и тогда мы получим: «Я всегда лгала своему мужу», но эта фраза несёт благодаря глаголу «лгать» очень сильные ингерентные пейоративные (отрицательные) коннотации; в отличие от оригинала, ей практически невозможно придать респектабельность и ее невозможно произнести с тем апломбом, с которым это неизменно делает леди Брэнкнелл во всех

постановках этой пьесы. Комизм данной фразы как раз и основывается на игре и взаимодействии этих семантических нюансов: с одной стороны, мы понимаем *undecieve* просто как *not deceive*, с другой — существует словарное значение этого глагола, которое содержит более сложные смыслы: «вывести из заблуждения; отрезвить; выводить из заблуждения; разуверять; открывать глаза».

А. Бакиров приводит еще один пример, демонстрирующий наши предпочтения при выборе синонимических средств для передачи одного и того же содержания. В сущности, это пример манипулятивных возможностей языка. Идя по рынку, человек замечает два лотка, где производится распродажа по сниженным ценам; у одного из лотков надпись «*Недорого*», у другого — «*Дешево*». «Не знаю, как вам, — говорит он, — но мне больше льстит покупать недорогой товар. Так я экономлю деньги, и совсем не хочется размениваться на дешевый: как бы не продешевить! Субъективно, зато показывает важность оболочки — может быть, и товар-то у них одинаковый, да только... Не тянет».

Важный совет, который вытекает из приведенных примеров, следующий:

чтобы ваша просьба оказалась выполнена, **сформулируйте ее утвердительно.**

Ребенку будет гораздо легче «*сидеть смирно*», чем «*не ерзать*». Приятелю будет проще «*улыбнуться*», чем «*не хмуриться*». Гораздо легче бывает «*успокоиться*» вместо «*не беситься*».

В главе «Десять заповедей, или Что говорил Бог Моисею на горе Синай» автор многочисленных книг по популярной психологии М.Е. Литвак (как и многие другие психологи, он тоже любит давать рекомендации в повелительном наклонении, причем, противореча сам себе, зачастую формулирует их в виде отрицательного императива: «*Не принимай дорогих подарков и благодарений...*»; «*Не бойся ошибаться...*»; «*Не бойся, а радуйся, когда тебя критикуют...*»; «*Не пытайся изменить обстоятельства и других людей...*» и т.п.), выдвигает интересную интерпретацию заповедей. Он убежден, что Бог, будучи всеведущим, не мог не знать, что заповеди, составленные в форме запретов, будут нарушаться. Ведь он же знал (сам делал нас по своему образу и подобию), что стоит нам только что-нибудь запретить, так нам сразу же и захочется это сделать. Поэтому Бог, считает М.Е. Литвак, по-видимому, не только запретил, но и указал в утвердительной форме, что делать и как себя вести, однако Моисей то ли не полагался на разум своих соплеменников, то ли в спешке, в основном передал только запретительную часть заповедей. Вот почему М.Е. Литвак дает их утвердительную интерпретацию: «Не делай себе кумира» превращается в «*Живи своим умом*»; «Не убивай» — в «*Налаживай отношения с близкими*»; «Не кради» — в «*Учись зарабатывать*» и т.д.

Однако любопытный момент заключается в том, что, возможно, несущественно, выражен ли запрет утвердительной или отрицательной формой императива — как тот, так и другой способны спровоцировать непослушание. Например, в энциклопедии Дэвида Кристиала The Cambridge Encyclopedia of Language в разделе «Прагматика» дана забавная фотография: две девочки лет 8-10 пытаются подсматривать в щели калитки (одна из них даже взобралась на перекладину, укрепляющую калитку изнутри, чтобы лучше видеть). На калитке висит устрашающая надпись-предупреждение с иллюстрацией — фигура человека, падающего навзничь, которого поразил сильный электрический разряд — и надписью *Danger to Life – Keep Out*. Как видим, тот факт, что запрет сформулирован грамотно, не останавливает присутствующих от желания его нарушить.

И все же, после рассмотрения всех этих материалов хочется скорее согласиться с психологами, что утвердительные формы действительно эффективнее, действеннее и являются менее двусмысленными. Можно, например, сопоставить следующие два призыва: *«Не бросай спички!»* и *«Берегите лес от пожара!»* Второй из них недвусмысленно призывает беречь лес от огня, а вот смысл первого заставляет задуматься. Не зря ведь тот же М.Е. Литвак формулирует следующее практическое поведенческое правило: хочешь от человека чего-нибудь добиться — запрети ему это и создай преодолимое препятствие средней трудности.

Противоречивость рассмотренных материалов, как представляется, указывает на то, что отрицательные формы повелительного наклонения — сложный и интересный вопрос, требующий дальнейшего анализа. В качестве общего замечания можно отметить, что как утвердительные, так и отрицательные формы императива выполняют много разнообразных прагматических функций, а коммерческая реклама использует их, чтобы выгодно «промывать мозги» клиенту для получения прибыли от продаж своего продукта.

Список литературы

1. Бакиров А. НЛП: Люди, которые играют роли. СПб, 2002.
2. Загот М. Ищите и найдете. Англо-русский словарь библеизмов для всех и всякого. М., 2004.
3. Котлячков А., Горин С. Оружие — слово. Оборона и нападение с помощью... М., 2001.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. Литвак М.Е. Командовать или подчиняться? Психология управления. Ростов н/Д, 2012.
5. Blackburn, S. Dictionary of Philosophy. Oxford, 1996.

6. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, 1992.
7. McArthur. Concise Oxford Companion to the English Language. Oxford, 1998.
8. O'Reilly, T and M. Tennant. The Age of Persuasion. How Marketing Ate Our Culture. Counterpoint, Berkeley, 2009.
9. The Penguin Dictionary of Proverbs. London, 2000.

Сазонова Н.А., Перцев Е.М., Яковлева И.О.

Методическая разработка урока к фильму «Тэсс» (режиссёр Роман Полански) по роману Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»

Роман Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», впервые опубликованный в 1891 году, получил свое лучшее кинематографическое воплощение в фильме Романа Полански «Тэсс». Роман, полное название которого «Тэсс из рода д'Эрбервиллей: чистая женщина, правдиво изображённая» (Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman Faithfully Presented) – классическое произведение английской литературы, сразу после своей публикации, однако, вызвавшее неоднозначную реакцию критики и публики, шокировавшее обывателей Викторианской Англии. Главная героиня романа (и фильма) Тэсс – молодая девушка, живущая в английской провинции конца XIX в. Завязка сюжета – разговор на сельской дороге между местным священником и главой семейства Дарбифилд, отцом Тесс, из которого последний узнает о том, что он является потомком древнего благородного рода д'Эрбервиллей. С этого момента жизнь семьи Дарбифилд, и особенно их старшей дочери Тэсс, круто меняется. Впрочем, это, как и все последующие перипетии сюжета – лишь внешняя сторона повествования, в котором переплетено множество мотивов – от социальных до религиозных.

При подготовке сборника своих произведений в 1912 г. Т.Харди включил «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», а также 6 других романов («Под деревом зеленым», «Вдали от обезумевшей толпы», «Возвращение на родину», «В лесном краю», «Мэр Кестербриджа», «Джуд Незаметный») в серию под названием «Романы характеров и среды» (Novels of Character and Environment), представляющих провинциальную Англию второй половины XIX века. Описывая эту среду, противопоставляя её среде городской, автор создает целую

галерею героев-символов. Трагическим и символичным в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» является образ главной героини Тэсс, не случайно эпиграфом к произведению стала цитата из пьесы У.Шекспира «Два веронца»: «Бедное поруганное имя! Сердце мое, как ложе, приютит тебя» (“Poor wounded name! My bosom as a bed/ Shall lodge thee.”). Душевная чистота здесь противостоит «общественной морали», обстоятельствам, над которыми гордо возвышается хрупкая фигура Тэсс – последней из рода д'Эрбервиллей.

Фильм «Тэсс» режиссера Романа Полански – экранизация романа Т. Харди – вышел на экраны в 1979 году. Главные роли исполнили 17-летняя Настасья Кински (Тэсс Дарбифилд), Ли Лоусон (Алек д'Эрбервилль) и Питер Фёрт (Энджел Клэр). Интересно то, что натурные съемки английской провинции, описанной в романе, проходили не в Англии, а на севере Франции. Картина была благосклонно принята как публикой, так и критиками. Фильм стал лауреатом нескольких престижных кинематографических премий: «Оскар» (1981 г.), «Золотой глобус» (1981 г.), «Сезар» (1980 г.) и др. Хочется отметить, что в рамках данной картины режиссеру удалось успешно реализовать две главные задачи, стоящие перед создателем экранизации классической литературы: первая – достойно представить произведение аудитории, до этого не читавшей роман, вторая – не разочаровать публику, уже знакомую с книгой, и, поэтому, заранее настроенную критически. Считаем, что режиссеру «Тэсс» вполне удалось и то, и другое.

Методические цели урока:

Способствовать реализации учебного практического, воспитательного и образовательного аспектов цели обучения ИЯ.

Задачи урока:

- освоить новую лексику в определённом контексте;
- повторить изученные ранее грамматические модели;
- способствовать развитию монологической и диалогической речи учащихся;
- дать представление о культуре и быте Англии рубежа XIX – XX веков;
- обратиться к вечным морально-нравственным проблемам мировой литературы.

PART I

Tess's father finds out about his noble origins. Tess is sent to their rich relatives to get acquainted with them. There she meets Alexander. He seduces her. Tess leaves his house. She has a child, it dies.

VOCABULARY

Exercise 1.

Translate from English into Russian. Use a dictionary if necessary.

a family vault	an old, extinguished family
lead coffins	fowls
coats of arms	bullfinches
a parson	in someone's good books
a pedigree of the matter	to find favour (with someone)
to claim kin	please yourself
to pay someone a courtesy call	a reproach
to manage a poultry farm	to baptize someone
to raise hopes	to come to your senses
to own someone as kin	to have mercy (on someone)
a kinsman	a prayer book
stone-blind	a Christian burial

Exercise 2.

Who is characterized with these words? Recall the situations in which these characteristics were given.

1. 'You, Durbeyfield, are directly descended from the knightly house of the d'Urbervilles.'
2. 'Rows and rows of knightly ancestors, I got.'
3. 'He bought the name of an old extinguished family to make himself important.'
4. 'Well, I'm not in her good books at the moment.'
5. 'Out of the frying pan, into the fire.'

Exercise 3.

Who said that? In what circumstances were these words said?

1. 'It is true, I got an old silver spoon at home and a graven seal...'
2. 'We've been found to be the greatest gentlefolk in the county reaching back long before Oliver Crumble's time back to the days of the pagan

Turks. With monuments and vaults and crests and coats of arms, and the Lord knows what all!

3. 'Why shouldn't two branches of the same family be on visiting terms?'
4. 'Our name has become Durbeyfield but we have several proofs that we're d'Urbervilles.'
5. 'This young cousin of yours tell him that, being so come down in the world I'll sell him the title.'
6. 'I was blinded for a while, that's all.'
7. 'My son was baptized.'
8. 'I shall never come to your church again. Never. Never!'

PART II

Tess starts working on a dairy farm. There she meets Angel Clare and gets married to him. She makes a confession to him about her past. Angel deserts her. Tess's father dies and she has to accept Alexander's help. Angel comes back, finds Tess and asks her forgiveness. She kills Alexander.

VOCABULARY

Exercise 1.

Translate from English into Russian. Use a dictionary if necessary.

to get one's hand in	to take advantage of someone
to try one's hand at something	decrepit families
to have a knack of something	a child of nature
to settle urgent business	degenerate aristocrats
bear with me/us	to get rid of
apprenticeship	to despise
spiritual cleanliness	to keep up appearances
on very favourable terms	on the point of doing something
to take someone into your confidence	take my word for it
a budding farmer	to take someone in hand
to make up your mind	a wretched place
bygone trouble	a ludicrous situation
to see /to think/ fit	a lonely, wretched man
to someone's liking	

Exercise 2.

Who is characterized with these words? Recall the situations in which these characteristics were given.

1. 'He often makes mock of old families. /.../ He says they're... worm-eaten.'
2. 'How can you be so simple? You're too much of a child, too immature. Too ignorant, I suppose.'
3. 'She'd have given her life for you.'
4. 'You wear your ridiculous pride like a hair shirt.'

Exercise 3.

Who said that? In what circumstances were these words said?

1. 'Tess, I've gone to three-quarters of this trouble for your sake alone.'
2. 'My youth... my simplicity... and the strangeness of my situation... may perhaps lessen my fault. But since I committed it... I am guilty.'
3. 'I want to confess all my past faults. All of it!'
4. 'I cannot help associating your lack of firmness... with the decline of your family. Decrepit families imply deficient willpower and decadent conduct.'
5. 'I may be a sham d'Urberville, but my finger can do more for you... than all your blue-blooded ancestors.'
6. 'Why have you treated me so monstrously, Angel? I do not deserve it. I have thought it over carefully... and I can never, never forgive you. You are cruel. I shall try to forget you.'
7. 'I came to ask your forgiveness.'
8. 'I shall protect you by every means in my power. Whatever you may or may not have done, I love you.'

QUESTIONS FOR DISCUSSION

1. Tess's father meets Mr. Tringham, an antiquarian. Why did he call Tess's father 'Sir John'? What story did Mr. Tringham tell him?
2. Why did her father believe that he was of noble origins? What proofs did he think of when he heard this news?
3. Why did Tess's parents send her to their new relatives? What did they have in mind?
4. Tess makes a visit to the d'Urbervilles. What was she surprised by?
5. How did it happen that she was invited to work for the d'Urbervilles? Why did Tess leave Alexander's house?
6. Tess has a child. It dies. Why did the parson refuse to give Tess's child a Christian burial?
7. Tess finds work on a dairy farm. She gets to know Angel. What family did Angel come from? Why did he work on a dairy farm?

8. What political views did Angel follow? What reproach did he make to Tess when he heard her story?
9. Did you like the film? Think of the idea of it. What questions do you think it is an answer to? Explain the subtitle of the novel *Tess of the D'Urbervilles - A Pure Woman*.

GRAMMAR SECTION

Exercise 1.

Explain the use of the Present Perfect in the following sentences.

1. I have discovered something of historical interest.
2. D'Urbervilles have owned land and served their King for hundreds of years.
3. You have died, as a noble family.
4. Have they heard my news already?
5. Although this valley is only four hours away from London, it has not yet been discovered by tourists and artists.

Exercise 2.

Explain the use of the Past Perfect in the following sentences.

1. When Tess arrived home the following afternoon a letter had already been received by her mother.
2. No sooner had he done so than she wiped the place on her cheek with her handkerchief.
3. It was always beautiful from here, but since she had last seen it, her view of life had changed. She had learnt that wickedness exists.
4. Tess was confused. Alec had never mentioned marriage to her. But even if he had, she would never have accepted him, because she did not love him.
5. Her father had just returned from the public house, and was at his most sensitive to the shame brought upon his noble name by Tess.

Exercise 3.

Explain the use of the Present Perfect Continuous in the following sentences.

1. I have never seen such a beautiful thing like you! I've been watching you from over the wall. Look, I can give you a lesson or two.

2. Why did you slip away in secret like that? I've been driving like mad to catch up with you. Just look at my horse!
3. It kills me, that laugh! Angel, do you know what you're doing to me? I've been hoping, longing, praying to make you happy!
4. Oh, I am not really hot. It's just that I've been running.
5. When they were left alone, she asked: "What has been happening here?"

Exercise 4.

Explain the use of the Past Perfect Continuous in the following sentences.

1. That's why your father rode home in the carriage, not because he'd been drinking.
2. Eventually she joined a group wandering home. They had all been drinking, but she felt safer with them than alone.
3. He raised his head from a cup of coffee which he had been stirring but not drinking.
4. The people she met seemed to know what she had been doing.
5. Her father sat in the kitchen smoking. Tess, who had been playing in the sitting room, came to see what he was doing.

Exercise 5.

Explain the meaning of modal verbs in the following sentences.

1. So naturally it was Tess who should represent her family at the d'Urberville home.
2. Mother said that we ought to tell you, as we are the oldest branch of the family and we've lost our horse in an accident.
3. And from now on, Tess's life was to be completely different.
4. And if anything should happen – you understand – if you are in any trouble or need anything, just drop me a line and I'll send by return whatever you want.
5. She was an honest girl who loved him and who might have made as good a farmer's wife as Tess.

Exercise 6.

Explain the use of the verb forms in the following sentences.

1. He wished he had danced with her.
2. She wished she had not come.
3. I would rather stay here with father and you.
4. If I had received the letter earlier, I would have come sooner.

5. They would not have recognized him if they had passed him in the street.

Exercise 7.

Translate the following sentences paying attention to Complex Object.

1. I heard them talking about it at home.
2. At last they reached the station and watched the milk being lifted on to the train.
3. I don't want you to be unhappy.
4. He made her work twice as hard as the others.
5. She found her mother recovering from her illness, and took over as head of the household.

Exercise 8.

Translate the following sentences to see how emphatic constructions are used.

1. It was Tess who worried and worked and felt responsible for her little brothers and sisters.
2. The longer he stayed, the more Clare liked living With these simple country people. No longer did he see them as lacking in intelligence.
3. Remember his train doesn't come in till six o'clock.
4. In vain did he try to persuade her to marry him.
5. Never before have I seen such a beautiful woman.

Список литературы

1. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: Пособие для студентов пед. вузов и учителей – М.: Просвещение, 2002.
2. Hardy T. Tess of the d'Urbervilles, published by Planet EBook.
3. <http://www.bbc.co.uk/arts/bigread/top100.shtml>
4. www.imdb.com (Internet Movie Database)

РАЗДЕЛ 2. ПРОГРАММЫ УЧЕБНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ КУРСОВ

G.A. Kazimova

Chinese Internet resource ‘www.globaltimes.cn’: features of the worldview

Elective course for the 4th year students of political science

Main topics:

I. The Chinese worldview:

1. Survey of the history of China (based on the monograph by Henry Kissinger *On China* (2011))
2. China’s foreign policy of the period from the 1950s up to nowadays:
 - Mao’s foreign policy
 - China and the US in the Korean War
 - Sino-Soviet Split; China in confrontation with two superpowers – the USSR and the US; Taiwan Crises
 - Sino-Indian War
 - Reconciliation between China and the West; strategic dialogue China-the US
 - Clashes between China and the USSR at the Ussuri River
 - The End of the Mao Period ; Deng Xiaoping Ascendance
 - Deng’s foreign policy; “Reform and Opening Up”
 - Deng’s Visit to the US and the New Definition of Alliance
 - China and the Superpowers; Deng’s Reform Program
 - Tiananmen
 - China and the Disintegrating Soviet Union
3. Current political and economic situation in China
4. China’s new political leaders
5. Current China’s foreign policy
6. China with the eyes of the West
7. Syria’s conflict in China’s and Western massmedia

II. The history of “Global Times”:

- The foundation of an arm of “The People’s Daily” (April 2010)
- The launch of the chinese- and english-language versions in the

US (February 2013)

III. The principles of the analysis of the www.globaltimes.cn articles

References:

Henry Kissinger *On China*, Penguin Books, 2011

www.globaltimes.cn

www.economist.com

www.nytimes.com

www.theguardian.com

www.ft.com

Казимова Г.А. Контент-анализ материалов китайского англоязычного интернет-ресурса www.globaltimes.cn на занятиях со студентами-политологами / Учитель, учебник, ученик. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Т. 1. М., КДУ, 2014. С. 304-310.

G.A. Kazimova

The European Union: political, economic and legal aspects of cooperation

Elective course for the 4th year students of political science

Main topics:

I. Regionalism in international affairs

- The concepts of region, regionalization, regionalism, internationalization, globalized world order
- The concepts of interdependence and sovereignty
- The concepts of state, non-state and transnational actors

II. The European Union

- The process of European integration
 - 1952- Paris Treaty
 - 1958 – Rome Treaties
 - 1987- Single European Act
 - 1993 – Maastricht Treaty
 - 1999 – Amsterdam Treaty
 - 2009 – Lisbon Treaty
 - 2013 – Nice Treaty
- The European Union institutions, their responsibilities and location
 - European Parliament
 - European Council
 - Council of Europe
 - European Commission
 - Court of Justice of the EU
 - European Central Bank
 - Court of Auditors
- The UK and the EU
- the EU and the crisis of 2008
 - PIGS countries
 - Two-tier union
 - Austerity measures
 - ECB policies, quantitative easing
 - Eurosceptics
- The EU enlargement and its consequences

References

1. Baylis, J., Smith, S. and Owens P., *The Globalization of World Politics*. 6th Edition. Oxford: OUP, 2014.
2. Christianse, T., Jorgensen, K.E., and Wiener, A. (eds), *The Social Construction of Europe*. London: Sage, 2001.
3. Jorgensen, K.E., Pollack, M.A., and Rosamond, B. (eds), *Handbook of European Union Politics*. London: Sage, 2007.
4. Van Langenhove, L., *Building regions: The Regionalisation of the World Order*. London: Ashgate, 2011.
5. Wallace, H., Pollack, M., and Young, A. (eds), *Policy-making in the European Union*. Oxford: OUP, 2010.
6. Wiener, A., and Diez, T., *European Integration Theory*. Oxford: OUP, 2004.
7. www.economist.com

РАЗДЕЛ 3. Работы студентов и аспирантов, выполненные под руководством или в соавторстве с преподавателями кафедры

Карабанова Мария, Дорохина Ксения

Мао Цзэдун и международные отношения: стратегия "пустого города", стратегия "сдерживания" и поиски "психологического преимущества"

(Перевод раздела главы 4 монографии Г. Киссинджера: **Henry Kissinger, *On China*. Penguin Books, 2011. P.97- 106**)¹

Мао Цзэдун обозначил свои планы относительно участия Китая в международной политике накануне прихода к власти. Еще до собрания Народного политического консультативного совета Китая он сформулировал свое отношение к существующему мировому порядку и месту Китая в нем всего одной фразой: "Китайский народ поднялся с колен".

"Мы ощущаем, что наша работа останется в истории человечества и продемонстрирует, что народ Китая, составляющий четверть населения мира, начал подниматься. Китайцы всегда были великими, мужественными и трудолюбивыми людьми. Лишь недавно китайский народ попал в зависимое положение из-за угнетения и эксплуатации иностранным капитализмом и отечественным реакционным правительством. ...Наши предшественники завещали нам довести их работу до конца, что мы сейчас и делаем. Мы объединились и победили иностранных и китайских угнетателей силами народной освободительной армии и великой народной революции, и мы провозглашаем создание Народной республики Китай".²

Подняться с колен и присоединиться к мировому сообществу было невероятно сложной задачей для Китая в 1949 году. Страна была неразвита, не обладала достаточной военной силой для утверждения своих приоритетов в мире, ресурсы и, особенно, технологии которого значительно превосходили китайские. Когда Китайская республика вышла на мировую арену, США были главной ядерной силой, а

¹ Перевод был выполнен в 2013 г. в рамках спецкурса «China's internet resource www.globaltimes.cn: features of the worldview», читавшегося ст. преп. каф. английского языка ф-та иностр. языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова Казимовой Г.А. в сентябре-декабре 2013 г. Авторам на момент осуществления перевода был неизвестен перевод В.Н. Верченко, опубликованный издательством «Астрель» в 2013 г. (прим. отв. ред.).

² "The Chinese People Have Stood Up: September 1949," in: Timothy Cheek, ed., *Mao Zedong and China's Revolutions: A Brief History with Documents* (New York: Palgrave, 2002), 126.

Советский Союз проводил свои первые ядерные испытания. В течение гражданской войны в Китае Соединенные Штаты поддерживали Чан Кайши, надеясь, что националистические войска войдут в города Северного Китая, опередив коммунистические армии. Победа Мао Цзэдуна вызвала тревогу в Вашингтоне и положила начало дебатам о причинах случившегося, что подразумевало и последнюю попытку изменить результат революции в свою пользу. Эти тенденции усилились, когда в 1950 году, во время Корейской войны, президент Трумэн приказал ввести силы 7-го флота в Тайванский пролив, чтобы предотвратить попытки завоевать Тайвань новым китайским правительством.

СССР был идеологическим союзником, необходимым Китаю, в первую очередь, как стратегический партнер для противостояния Соединенным Штатам. Тем не менее, лидеры Китая не забыли серию "неравных договоров", по которым к России перешел Приморский край, а также была создана особая зона влияния в Маньчжурии и районе Синьцзян. Кроме того, Советский Союз настаивал на пересмотре срока действия соглашений о Северном Китае, заключенных с Чан Кайши в 1945 году. Сталин принял как должное господство Советского союза в коммунистическом мире, что было несовместимо с жестким национализмом и планами Мао на идеологическое господство в долгосрочной перспективе.

Китай был вовлечен в пограничный конфликт с Индией в Гималаях по поводу региона Аксайчин. Спорные территории занимали примерно 125000 квадратных километров, их общий размер был сопоставим с размером Пенсильвании или китайской провинции Фуцзянь.

Мао разделил эти вызовы на две категории. В Китае он провозглашал идею перманентной революции и был способен осуществить ее, так как обладал все усиливающимся, практически безграничным контролем. За границей понятие мировой революции стало слоганом, возможно, для обозначения дальнейшей цели. Тем не менее, лидеры Китая были достаточно реалистичны для того, чтобы признавать нехватку иных средств для изменения мирового порядка, помимо идеологии. В Китае Мао признавал некоторые объективные ограничения его философских воззрений, кроме укоренившихся взглядов китайского народа, которые он изо всех сил пытался разрушить. Его действия во внешней политике были значительно более осторожными и продуманными.

Когда в 1949 году Коммунистическая партия пришла к власти, крупные регионы откололись от территории бывшей Китайской империи, а именно, Тибет, части района Синьдзян, Монголии и пограничные районы Бирмы. Советский союз сохранил сферу влияния на северо-востоке, оккупировав данный район и разместив флот в стратегически важной гавани Лушунь. Мао, подобно нескольким

основателям китайских династий, правившим до него, объявил действующими границы Китая, которые были установлены в период расцвета Китайской империи. К территориям, которые Мао считал входящими в состав исторического Китая - Тайвань, Тибет, Синьдзян, Монголия, пограничные регионы в Гималаях и на севере – он применял максимы внутренней политики. Он был непреклонен в своем стремлении навязать правление Китая, и в целом ему это удалось. По окончании гражданской войны Мао поставил цель вернуть отделившиеся районы Синьдзян, внутреннюю Монголию и Тибет. В этой ситуации Тайвань был не столько испытанием коммунистической идеологии, сколько требованием уважать китайскую историю. Несмотря на отказ от использования военных рычагов, Мао выдвинул претензии на территории, переданные по "неравным договорам" 19 века, например, на территории российского Дальнего Востока, уступленные по договорам 1860 и 1895 годов.

По отношению к остальному миру Мао предлагал особый стиль, заменяющий применение физической силы идеологическим и психологическим давлением.

Это была концепция синоцентризма, основанная на применении китайской дипломатической традиции манипулирования "варварами", где особое внимание уделялось тщательному планированию и психологическому доминированию над другой стороной.

Мао избегал того, что западные дипломаты считали необходимым условием для восстановления Китая после десятилетий потрясений: примирения противоборствующих сил внутри страны.

Он отказался проявить слабость, выбрав неповиновение, а не приспособление, и избегал контактов с западными странами после утверждения Китайской Народной Республики.

Чжоу Энлай, первый министр иностранных дел КНР, сформулировал такую позицию отчуждения с помощью ряда афоризмов: новый Китай не просто вступит в существующую систему дипломатических отношений, но откроет "отдельную кухню"; отношения с новым режимом должны быть предметом переговоров от случая к случаю; новый Китай должен "убраться в доме перед тем как приглашать гостей", другими словами, нужно было разорвать сформировавшиеся колониальные связи, прежде чем устанавливать дипломатические отношения с «империалистическими» странами Запада; Китай будет использовать свое влияние для «объединения людей во все мире», т.е. поощрять революцию в развивающихся странах.¹

¹ Zhang Baijia, "Zhou Enlai—The Shaper and Founder of China's Diplomacy," in Michael H. Hunt and Niu Jun, eds., *Toward a History of Chinese Communist Foreign Relations, 1920s–*

Сторонники традиционного подхода в дипломатии посчитали бы такое поведение невозможным и необдуманым. Тем не менее, Мао верил в объективное влияние идеологических и психологических факторов. Он предлагал достижение психологического равенства со сверхдержавами при помощи подчеркнуто индифферентного отношения к их военным возможностям.

Одним из классических приемов китайской стратегической традиции было использование стратагемы "пустого города", или "открытых городских ворот", Чжугэ Ляна¹, описанной в романе "Троецарствие": военачальник замечает приближающуюся армию, силы которой превосходят его собственные. Так как сопротивление гарантирует разрушительное поражение, а капитуляция означает потерю контроля над будущим, военачальник предпринимает следующие шаги: отворяет ворота своего города, безмятежно перебирая струны люэнь, за ним открывается картина обычной городской жизни без следов паники или беспокойства. Командующий нападающей армией интерпретирует это хладнокровие как знак наличия в городе скрытых резервов и решает прекратить наступление.

Хладнокровное отношение Мао к угрозе ядерной войны, по-видимому, основывалось на этой стратагеме.

С момента создания Китайской Народной Республики ее правительству приходилось маневрировать в трехсторонних отношениях с двумя ядерными державами, каждая из которых представляла собой огромную угрозу, а вместе они были нацелены на подавление Китая. В сложившейся неблагоприятной ситуации Мао предпочитал делать вид, что проблемы не существует. Он оставался глух к ядерным угрозам, публично заявляя, что готов к многомиллионным потерям и даже приветствует их как залог скорейшей победы коммунистической идеологии. Верил ли Мао своим собственным заявлениям, неизвестно. Но он, несомненно, смог заставить остальной мир поверить в то, что он говорил то, что думал. (Конечно, в случае Китая город на самом деле не был абсолютно "пустым": в конце концов, Китай создал свой ядерный потенциал, который, тем не менее, был гораздо скромнее, чем потенциал США и СССР).

1960s: Personalities and Interpretive Approaches (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Asia Program, 1992), 77.

¹ Чжугэ Лян — китайский полководец и государственный деятель эпохи Саньго. В Китае считается олицетворением мудрости. Военные подвиги Чжугэ Ляна прославляются в китайском классическом романе "Троецарствие". В 2002 году в городе Сянфань была установлена его статуя, которая является самым крупным в стране изображением человека в бронзе.

Мао смог использовать многовековую китайскую традицию достижения долгосрочных государственных целей с позиции относительной слабости. В течение столетий китайские государственные деятели манипулировали «варварами», вовлекая их в отношения, ставящие последних в патовое положение, при этом умело поддерживая иллюзию собственного превосходства при помощи дипломатического искусства. С самого основания народной республики роль Китая на международной арене была значительнее, чем его объективный потенциал. Вследствие отчаянного стремления защитить свою государственность Китайская Народная Республика стала влиятельной силой в Движении Неприсоединения – группе недавно созданных независимых государств, ищущих свое место между сверхдержавами. Китай позиционировал себя как силу, с которой нельзя шутить, проводя при этом серьезные реформы в стране и иногда одновременно, иногда чуть позже бросая дипломатические вызовы ядерным державам.

Моделями поведения в международной политике Мао был скорее обязан Сунь Цзы, чем Ленину. Он черпал вдохновение в чтении китайской классики и в традиции, которую он, казалось бы, презирал. В выстраивании международных политических отношений он гораздо меньше обращался к марксистской доктрине, нежели к традиционным китайским сочинениям: текстам Конфуция, канонической Книге Двадцати четырех историй, подробно излагающей взлет и падение китайских императорских династий, Сунь Цзы, роману "Троецарствие" и другим текстам об искусстве ведения войны и стратегии; сказаниям о подвигах и восстаниях, таким как "Речные заводи", и книгах о романтике и придворных интригах, как "Сон в красном тереме", которую, как утверждал Мао, он читал пять раз.¹ Подражая традиционным китайским мыслителям, которых он публично называл "притеснителями" и "паразитами", Мао писал поэтические и философские эссе и гордился своей нетрадиционной каллиграфией.² Литературные и художественные элементы его произведений были не отрицанием его политических трудов, но их неотъемлемой частью. Когда Мао после тридцатидвухлетнего отсутствия вернулся в свою родную деревню в 1959 году, то, движимый не марксизмом или материализмом, но романтическим порывом, он написал поэму: "Это горькие жертвы, которые укрепляют нашу твердую решимость и дают

¹ Charles Hill, *Grand Strategies: Literature, Statecraft, and World Order* (New Haven: Yale University Press, 2010), 2.

² 24 декабря 2013 г. по случаю 120-летия основателя КНР Мао Цзэдуна в Государственном музее Китая открылась выставка, на которой было представлено свыше 100 произведений каллиграфии Мао Цзэдуна, хранящихся в Центральном архиве ЦК КПК. См.: http://Russian.news.cn/china/2013-12/23/c_132990055.htm

нам мужество осмелиться изменить небо, изменить солнце и создать новый мир".¹ Литературная традиция использования художественных элементов была настолько укоренившейся, что в 1969 году, поворотном в международной политике Мао, четыре маршала, назначенные им для разработки стратегической политики, заявили о необходимости налаживания отношений с враждебной на тот момент Америкой, цитируя роман "Троецарствие", который был запрещен в Китае, но который, они были уверены, Мао читал.

Итак, даже на пике своих разрушительных атак на древнекитайское наследие, Мао использовал в доктринах своей международной политики термины и аналогии традиционных китайских интеллектуальных игр. Для обозначения маневров в китайско-индийской пограничной войне Мао использовал древнюю метафору "пересечение границы Хан-Шу", взятую из китайской версии шахмат.² Он использовал традиционную азартную игру "маджонг" как источник стратегических идей: "Если вы знаете, как играть в игру, – сказал он своему доктору, – вы также поймете отношения между принципом вероятности и принципом уверенности".³ В конфликтах как с США, так и с СССР Мао и его ближайшие соратники воспринимали угрозу в соответствии с правилами игры "го" и соответствующим образом действовали для предотвращения стратегического окружения.

Именно благодаря использованию Китаем традиционных приемов, сверхдержавы испытывали огромные трудности в понимании стратегических ходов Мао. С точки зрения западного стратегического анализа большинство военных предприятий Пекина в первые десятилетия холодной войны были невероятными и, по крайней мере, на бумаге выглядели невозможными. Противостояние Китая более сильным государствам и его вторжение на территории, ранее считавшиеся второстепенными с точки зрения стратегической важности, такие как Северная Корея, острова Тайваньского пролива, малонаселенные районы в Гималаях, небольшие участки замерзшей земли вдоль реки Уссури, застало врасплох как противников, так и зарубежных наблюдателей. Мао был полон решимости предотвратить окружение Китая любой силой или комбинацией сил противников, безотносительно их идеологии. Представляя это противостояние как

¹ "Memorandum of Conversation: Beijing, July 10, 1971, 12:10–6 p.m.," in Steven E. Phillips, ed., *Foreign Relations of the United States (FRUS), 1969–1976, vol. 17, China 1969–1972*, (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2006), 404.

² John W. Garver, "China's Decision for War with India in 1962," in Alastair Iain Johnston and Robert S. Ross, eds., *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (Stanford: Stanford University Press, 2006), 107.

³ Li, *The Private Life of Chairman Mao*, 83.

игру «го», Мао воспринимал противников как имеющих слишком много камней для окружения Китая, поэтому его стратегия заключалась в том, чтобы помешать их планам.

Политика Мао в итоге привела относительно слабый Китай к Корейской войне, а в период после смерти Мао - к войне с Вьетнамом, недавним союзником, имевшим договор о взаимопомощи с Москвой. Китай не принимал в расчет сложившийся баланс сил, в частности, размещение Советским Союзом почти миллиона военнослужащих на границе с Китаем, придавая большее значение своей долгосрочной стратегии. Эта комбинация стратегического мышления и психологического давления также нашла выражение в подходе Мао к сдерживанию потенциальных военных угроз.

Несмотря на то, что он многое впитал из китайской истории, в отличие от своих предшественников Мао обладал особым сочетанием традиционных элементов с авторитарностью, безжалостностью и глобальным подходом: жестокость перед лицом вызовов и искусная дипломатия, когда обстоятельства не позволяли ему применять решительные действия. Грандиозные и смелые внешнеполитические инициативы Мао, при всей традиционности его тактики, претворялись им в жизнь на фоне жестоких потрясений в китайском обществе. Весь мир, обещал он, будет кардинально изменен: "Из всех классов в мире пролетариат – единственный, который наиболее энергичен, чтобы изменить свое положение, следом идет "полупролетариат". У первого нет ничего, в то время как положение последнего "едва ли лучше". США в настоящее время контролируют большую часть ООН и доминируют во многих частях мира – это состояние дел временно и изменится в один прекрасный день. Позиция Китая как бедной страны, не имеющей прав в международных отношениях, также изменится – бедная страна превратится в богатую, страна, которой отказано в правах, превратится в пользующуюся ими, "все превратится в свою противоположность".¹

Тем не менее, Мао был реалистом, поэтому понимал, что мировая революция на данном этапе невозможна. Поэтому влияние Китая на мировую революцию ограничивалось интеллектуальной поддержкой коммунистических партий. Мао объяснил свое отношение в интервью 1965 года Эдгару Сноу, американскому журналисту, который был первым, кто описал китайскую коммунистическую базу в Юане во время гражданской войны: "Китай поддерживал революционные движения в различных странах, но без вторжения. Конечно, всякий раз,

¹ "On the Correct Handling of Contradictions Among the People: February 27, 1957," Selected Works of Mao Tse-tung, vol. 5 (Peking: Foreign Languages Press, 1977), 417.

когда бы ни происходила освободительная битва, Китай публиковал заявления и созывал демонстрации для их поддержки".¹

В памфлете "Долгой жизни победе народной войны", написанном Линь Бяо, предполагаемым преемником Мао, в 1965 г., говорилось, что "деревня мира" (то есть развивающиеся страны) разрушит "города мира" (то есть развитые страны) гораздо сильнее, чем Народная Освободительная Армия разгромила Чан Кайши. Администрация Линдона Джонсона посчитала эти строки подтверждением китайского плана поддержки и возможного прямого участия в коммунистическом освободительном движении по всему миру и особенно в Индокитае. Памфлет Линь Бяо был фактором, способствовавшим принятию решения отправить американские войска во Вьетнам.

Современные исследования, тем не менее, расценивают этот документ как утверждение границ китайской военной поддержки Вьетнама и других революционных движений. На самом деле, Линь утверждал, что "освобождение масс ими самими - это базовый принцип марксизма-ленинизма. Революция, или народная война, в любой стране - это дело народных масс в этой стране, которые должны проводить ее собственными силами; другого пути нет." Эта сдержанность отражала признание действительно существующего баланса сил. Мы не можем знать, что Мао мог бы решить, если бы перевес был на стороне коммунистических сил. Но, будучи отражением реализма, или философской мотивации, революционная идеология для него была средством трансформации мира с помощью демонстрации, а не войны. Во многом этот подход повторял представления большинства традиционных правителей Китая.

Группа китайских исследователей, основываясь на материалах Пекинского Центрального Архива, подготовила удивительный отчет о двойственности Мао: посвятивший себя мировой революции, готовый поощрять ее, где только возможно, он в то же время заботился о выживании Китая.

Эта двойственность проявилась в разговоре с главой Австралийской коммунистической партии, Е. Хиллом в 1969 году, когда Мао обдумывал возобновление отношений с США после почти двадцатилетнего перерыва. Он спросил у своего собеседника: "Мы движемся к революции, которая предотвратит войну, или к войне, которая станет причиной революции?". Если речь могла идти о революции, то улучшение отношений с США было ненужным, если же о войне, то такое улучшение было абсолютно необходимым для предотвращения нападения на Китай. В итоге, после некоторого колебания, Мао выбрал улучшение отношений с США:

¹ Edgar Snow, *The Long Revolution* (New York: Random House, 1972), 217.

предотвращение войны (которая, к тому моменту, могла бы повлечь за собой советскую атаку на Китай) было важнее, чем поддержка мировой революции.

Wang Dong

The 18th Central Committee of the Chinese Communist Party's third plenary meeting

The 18th Central Committee of the Chinese Communist Party's third plenary meeting, held in Beijing on November 9, 2013. Plenary meeting heard and discussed the report on the work of XI Jinping, Member of the Commission, attended by the CPC Central Committee's decision on deepen reform of major issues.

Guidance: to hold high the great banner of socialism with Chinese characteristics, follow the guidance of Deng Xiaoping Theory, the important thought of Three Represents and the Scientific Outlook on Development.

General objective: to improve and develop socialism with Chinese characteristics and push on with modernization of the country's governing system and capabilities.

Timetable: Decisive results must be achieved in key sectors, and a well-developed, scientific, procedure-based and effective framework must be in place by 2020 to ensure institutions in all sectors be more mature.

Key of the reform: Economic reform is key, and the core solution is the proper relationship between the government and the market, leaving the market to play the decisive role in allocation of resources.

Newly established institutions: a central leading team for “comprehensively deepening reform. In charge of designing reform on an overall basis, arranging and coordinating reform, pushing forward reform as a whole, and supervising the implementation of reform plans. State security committee, improving systems and strategies to ensure national security.

Main points of the reform:

1. to keep to and improve the basic economic system: to enhance the vitality of the state-owned sector of the economy and its capacity to leverage and influence the economy, Development in the non-public sector will be encouraged which will in turn stimulate vitality and creativity in the whole economy.
2. to speed up the improvement of modern market system: to improve the market price mechanism.
3. to speed up the transformation of government functions: to establish a law-based and service-oriented government
4. to deepen the reform of fiscal and tax system: to improve related legislation, ascertain government bodies' responsibilities, reform the taxation system, stabilize tax burden, ensure budgeting is transparent and efficiency improved.
5. to improve institutions and mechanisms for promoting integrated urban and rural development: to grant farmers more property rights, to enhance equal exchange of factors of production between urban and rural areas and balance allocation of public resources between them.
6. to build a new open economic system: to relax investment access and speed up construction of free trade zones.
7. to improve the construction of socialist democratic political system: to develop grassroots democracy.
8. to build China under the rule of law: to ensure independence and fairness in prosecuting bodies and courts under the rule of law.
9. to strengthen the restriction and supervision system of power operation: to improve the establishment of a system of combating corruption through both punishment and prevention, promote political integrity and see to it that officials are honest, the government is clean, and political integrity is upheld.
10. to promote innovation in cultural institutions and mechanisms: to improve the cultural management system and establish a modern cultural market system.

11. to accelerate reform and innovation in social sectors: to deepen overall education reform, improve the institutions and mechanisms of employment and starting business, build a fairer and more sustainable social welfare system, deepen reform of the medical and health system.

12. to innovate the social management system: to innovate a system that can effectively prevent and solve social contradiction, to establish the state security committee.

13. to speed up the building of ecological civilization system: to establish a system of compensation for the use of natural resources and the subsequent impact on the ecosystem.

14. to deepen the reform of army and national defense: deepening reform of army establishments, pushing forward army policy adjustments.

15. the CPC must strengthen and improve its leadership in comprehensively deepening reform: The Communist Party of China (CPC) will set up a central leading team for "comprehensively deepening reform".

Maria Karabanova

Barack Obama's inaugural addresses: an attempt of concise political analysis

The Inaugural address occupies a very special place in political analysis. It is the most important component of the inaugural ceremony, which helps understand the past and the future of a nation, its ideals and priorities.

It is also an example of the 'risk-less rhetoric', because usually it does not contain any polemical statements.

The American inaugural tradition has a long history so it is not so difficult to notice which phrases and statements are frequently used in every speech. We can not imagine an American inaugural speech without any words mentioning the founding fathers, freedom and the special mission of the United States. The speeches of Mr. Obama are not an exception.

Analyzing the context of his speeches we can see that since his first speech nothing has really changed: the most common words are still "American", "nation", "people" and "generation". In 2013 the vocabulary was added with such words as "together" and "journey" (each used more than 5 times) which are usual for every American President. These words seem to suggest that unity is a number-one message.

Barack Obama became the 17th American President re-elected for a second term so it makes sense to analyze his 2013 inaugural address in comparison with his speech given four years before.

The first one was offered in a very specific time in American history, when people had just elected their first black president; it was the time of the world economic crisis and unemployment. So in 2009 his speech was focused mainly on the need to overcome the crisis and to win the war against terrorism, started by George Bush. In 2013 he said that "decade of war draws to a close and the economic recovery has started."

In one form or another in his 2013 speech Mr. Obama tried to mark all urgent domestic problems. The frequency of using the phrase "We, the people" this year implies that having received the credit of trust for another four years Obama finally began to associate himself with the nation's problems. He used the phrase "we, the people" 5 times and the word "we" more than 60 times.

In 2009 the country was suffering from the world financial crisis, and now the economic situation is still tough, so this problem was raised in both speeches. However, American experts consider that in 2013 he barely

mentioned the problem of the state debt because the economic situation since the first presidential term has not improved.

For example, Karl Rove, a Republican political consultant and policy adviser, said that he was surprised by the priorities raised in Obama's speech. "The President said, the priorities of our generation are...equal pay, gay marriage, voting protections, immigration reform, gun control. I'm not sure those are the highest priorities facing America today. No mention at all of deficits and spending."

Speaking about the state debt in 2013, Mr.Obama uttered an interesting phrase: "We need to take drastic action to reduce costs and the amount of debt but we refuse to believe that we have to choose between taking care of those *who built this country*, and those *who will build its future*". As we remember in 2012, after one of his speeches President Obama became known by the phrase "You didn't build that". That speech caused anger among the electorate so in his inaugural address Mr. Obama preferred to correct himself.

For the first time in U.S. history, an inaugural address endorsed gay rights and same-sex marriage. Mr. Obama said "our journey is not complete until our gay brothers and sisters are treated like anyone else under the law."

In 2013 Obama raised the problem of climate change, which many of his rivals from the Republican Party consider far-fetched. The President declared that climate change is obvious, and this is confirmed by the strongest fires, floods and hurricanes, so work in the area of renewable energy sources must become a top priority. "We can't resist this process, we must lead it," he added. United States had still not signed the Kyoto Protocol to limit harmful emissions into the atmosphere, so it could be a signal of Washington's position on this issue.

The most sensitive and the most acute problem, of course, was the issue concerning the treatment of weapon, so Obama focused on it. He recalled the alarming situation in large cities and an awful case in 'Sandy Hook' elementary school in Newtown. As we know, after that tragedy there was created a program tightening control over the treatment of guns that Obama has made without the approval from Congress (because Democrats are in minority there).

Mr. Obama also showed the willing to stay away from new international conflicts but added that "America would continue to support democracy from Asia to Africa". Taking into consideration the current threat of military intervention in Syria, we can see that Mr. Obama has kept his word.

In the second inaugural address we can find more information showing the complexity of the bipartisan system. Being re-elected, Mr. Obama finally presented a simple message for Republicans: Do it my way.

Republican reaction muted by the inaugural tradition, which unfolds as a festival of American democracy itself, rather than a tribute to electoral victory, has been announced immediately after.

"I would have preferred a more bipartisan tone, hitting the reset button with Republicans," said Wyoming Senator John Barrasso.

He also said that Mr.Obama "seems so fixated on demonizing Republicans that he is blinded to the opportunities as well as the obligations that he has to deal with big problems in this country".

The Wisconsin Republican Paul Ryan said that Obama's second inaugural address demonstrated the President does not understand the Republican position on Medicare and Social Security.

"If the first inauguration was the coming-out party for the post-partisan politics that he ran on in 2008, today's inaugural was the announcement of a more fierce realism and recognition of deep, unbridgeable partisan differences," said Lawrence Jacobs, director of the Center for the Study of Politics and Governance at the University of Minnesota.

Some experts, for example, Paul Seals, the head of the IMP business school, think that the inaugural address of the new President of United States Barack Obama "has caused some frustration".

"He talked about the need to act, the greatness of the Americans, about the integration-but not about some changes".

According to Mr. Seals, most experts during the inaugural speech of the American President agreed that Barack Obama is expecting a very difficult period, and for the next few years his ratings may drop significantly.

"Obviously, talk is just that — talk," wrote liberal-leaning Post blogger Greg Sargent. "But Obama laid out an expansive philosophical blueprint today that liberals now have the opportunity to hold him to. All in all, a very promising first start to his second term."

In general, the majority of political scientists agree that in his second speech Barack Obama demonstrated his willingness to fight with Republicans which could be explained by his new status of the 'lame duck' and didn't give any plan for his future actions.

In fact, his first speech was a call for change and the start of a new era of responsibility, and the second speech symbolizes the beginning of the new liberal era.

References

1. Inaugural address by President Barack Obama 21.01.2009
<http://www.whitehouse.gov/blog/inaugural-address/>
2. Inaugural address by President Barack Obama 21.01.2013
<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama>
3. Speechwriting Lessons from Obama's Inaugural Speech by Andrew Dlugan
<http://sixminutes.dlugan.com/inauguration-speech-analysis-barack-obama-inaugural/>
4. http://www.barrasso.senate.gov/public/index.cfm?FuseAction=PressOffice.PressReleases&ContentRecord_id=58c476f1-bcd0-c165-9e96-446e34120277
5. <http://www.washingtonpost.com/blogs/plum-line/wp/2013/01/21/an-expansive-case-for-progressive-governance-grounded-in-language-of-founding-fathers/>
6. <http://www.theblaze.com/stories/2013/01/21/top-5-reactions-to-obamas-second-inaugural-address/>
7. <http://www.spiral16.com/blog/2013/01/data-how-did-obamas-inaugural-message-change-in-2013/>
8. <http://graphics.wsj.com/inaugural-words/?standalone=1#l=2009&r=2013>
9. Масютина О.А. Инаугурационное обращение как жанр американского президентского дискурса
http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2012/II/uch_2012_II_00041.pdf
10. Горина Е.В. Президентская риторика Барака Обамы
http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vkhnu/Rgf/2011_973/11gevrbo.pdf

Daria Smirnova

Some thoughts after reading Obama's inaugural address

The Americans trust in their exceptionality and it becomes especially evident during such patriotic speeches as President Barack Obama's inaugural address of 2013. It's convenient to affect them by supporting this idea and expressing your extreme belief in it, like Mr. Obama did. This faith, as any other human faiths, makes American people nearly invulnerable but – only invulnerable while they are kept in these ideal conditions. And it's the task of the President, as the head of the country and the chief of his people, to support the Americans' conviction of their invincibility, indestructible unity and comprehensive safety through, for example, such projects as Medicare, Medicaid and Social Security.

But not only social activity keeps the Americans in this state of mind, but also constant appeals to the history, the Founding Fathers and the emphasis on what their forefathers didn't fight for and what they did fight for, this steady opposition of the right and the wrong, meaning that their country and "we, the people" are on the right way, continuing the line of their forefathers and justifying their hopes.

As strong as the cultivation of their great past is the persuasion in even more prosperous future for their children, who should be properly educated and have the same rights to everything regardless of their descent and family situation.

This equality, as well as the idea of being selected, is the most important for the Americans. But it will exist as long as it is financially possible for the government to provide the people with such an illusion. It's interesting to watch what will happen when the country runs out of its budget (if it is generally possible) and can no longer pay out social transfers or provide people with well-paid jobs. It's going to be a situation like the one that was from 1929 to 1939 during the Great Depression. Judging by the quantity of suicides among broken people, lost their place in this world that became unusually unstable for the Americans, it becomes obvious that they are absolutely unready for such changes. One more thing that will definitely make their reaction more strong and unexpected is that a huge part of the Americans haven't ever experienced the Great Depression, as they came to America much later. That's why they have no idea that the paradise life of such peculiar people can crash down.

Лобанова С.А.

**Механизмы формирования образов политических лидеров
в российской прессе (2011 – 2012 гг.)**

Abstract: This graduate paper presents an attempt of comprehensive analysis of political leaders' images. The author surveys actual political and psychological approaches to the concept of "political leader" as well as their practical applications. The author's particular interest lies in the ways of forming political leaders' images in the media, particularly the images of V. Putin and M. Prokhorov, the candidates for the presidency in the elections of 2012, using the models by Charles Osgood and revealing the four formation mechanisms of the images' creation.

**Политико-психологические подходы к исследованию образа
лидера**

Во все времена образ лидера оставался центральным аспектом при формировании и анализе российской политики. Особое место личностных характеристик в выработке направления политического развития страны обусловлено исторически.

После октябрьской революции 1917 года религиозно-мистическая легитимация образа царя как политического лидера традиционного типа, когда вопрос личностных качеств, которыми должен обладать лидер, не ставился в принципе, сменилась разнообразием акторов: от харизматических (Ленин, Сталин, Троцкий) до лишенных ярко выраженной индивидуальности генеральных секретарей эпохи застоя (брежневско-черненкоцкий период), когда уникальность персональных данных не способствовала политической карьере. Лидеры стали безликими, а их образы - трудноразличимыми для граждан.

Напротив, приход в политику Горбачёва, вместе с реформами в стране, изменил и характер политического лидерства. Индивидуальность стала рассматриваться как его необходимый компонент. Публичность принятия политических решений вызвала популизм в риторике акторов периода перестройки: чем более отличной была их внешность и критичными речи в адрес лидеров прошлого, тем больше были их шансы получить одобрение народа. Политическую арену заняли «шоумены», наиболее ярким из которых стал В.В. Жириновский.

Мода на демократизацию и экстравагантность сменилась необходимостью реальных дел, что вывело на политическую арену "крепкого хозяйственника" и "чистого профессионала" Ю. М. Лужкова. Популярность образа политика, занятого больше благоустройством вверенной территории нежели политическими играми, отражает спад интереса к политической борьбе. Впоследствии рациональность в оценке одних политических акторов берёт верх над иррациональной привлекательностью других. Радикальные позиции лишаются доверия.

Рубеж тысячелетий возродил интерес граждан к идеологической составляющей образа политического деятеля: принципы актора, то, во что он верит, детерминировали электоральные предпочтения.

Прошедший электоральный цикл 2011-2012 гг. впервые за долгое время ознаменовался бурно выражаемым недовольством по поводу передачи власти в стране. С 1985 года политическая ситуация в нашей стране быстро менялась, но волнения 2012 г. показывают, что изменения продолжают и что российское общество до сих пор пребывает в переходной стадии своего развития.

Этот небольшой экскурс в историю показывает, что восприятия власти в России персонифицировано: личностный фактор значим на всех этапах российской истории, независимо от личностных качеств конкретных лидеров.

Стоит при этом отметить, что образы политических лидеров, существующие в сознании населения, могут стать самостоятельным фактором, имеющим влияние на политический процесс. Именно поэтому, чтобы лучше разобраться в причинах соответствующего электорального поведения, актуальной сегодня является задача изучения как самих образов политических лидеров, так и тех механизмов, посредством которых они формируются.

Оценить степень привлекательности политического деятеля возможно с помощью объективных методов дистантного измерения сложившегося у индивидов образа, используя рациональные методы фокус-групп и опросов.

Однако, не стоит забывать и о глубинных слоях человеческой психологии, которые можно считать, используя методики иррациональной, эмоциональной оценки политиков, такие как ассоциации с животными, запахами, цветами.

Между результатами этих методов, в некоторых случаях, может пролегать пропасть из-за несовпадения высказываемой социально одобряемой позиции и реальных мнений индивида. Понимание бессознательных установок индивидов помогает предсказывать их электоральное поведение.

В связи с тем, что граждане судят о привлекательности образа политического деятеля после его сравнения с идеальным, шаблонным представлением о политике, сопоставив расхождения, можно определить направление работы по улучшению образа политического актора.

Говоря о сложности анализа специфики восприятия образа политика, Е. Б. Шестопап замечает, что «информация о политическом лидере преломляется сквозь механизмы восприятия, существующие у его последователей, влияет на формирование у них образа политика»¹.

Коммуникативные походы к исследованию политических лидеров в СМИ

Среди всего многообразия коммуникативных факторов, влияющих на процесс восприятия и политический образ как его результат, стоит выделить влияние СМИ на уже имеющиеся стереотипы восприятия и влияние политического контекста. Выбор канала передачи имеет первостепенное значение, так как он может вносить изменения в сообщение.

М. Маклюэн² считал, что средства сообщения в самом широком смысле не столько передают информацию, но активно влияют на индивидуальное и общественное сознание. Знакомство, произведенное опосредованным опытом, может зачастую приводить к чувству «инверсии реальности». Реальная вещь или событие, при их рассмотрении, кажутся имеющими меньше конкретной значимости, нежели то, как они оказываются представленными в СМИ.

Если рассматривать процесс формирования сообщения, то выходит, что коммуникатор создаёт информационный повод, который попадает в печатные СМИ, где образ изменяется под воздействием различных факторов и транслируется реципиенту. Таким образом, происходит несколько отражений исходного образа.

Логика поля журналистики не допускает предоставления тех мнений и оценок, которые бы резко контрастировали с общественным мнением. Таким образом, весомое место в процессе политической коммуникации отводится аудитории.

Именно от СМИ зависит отбор контента, представляемого аудитории в качестве повестки дня, они составляют представление о событиях, происходящих в мире. Значимость событий детерминируется важностью, придаваемой им в массмедиа.

Дополнительным эффектом поля журналистики, способствующим тиражированию сходного содержания СМИ, является

¹Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996;

²Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В.

Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003;

конкуренция между различными СМИ. Она служит не созданию уникального содержания, но порождает гомогенность контента.

Пресса, подчиняясь требованиям рынка, вынуждена соотносить свои сообщения с запросами аудитории, передавать только то, что найдет отклик у аудитории. Если сообщение не имело резонанса, то дальнейшего освещения не будет.

«Специфика коммуникативного пространства определяется влиянием массмедиа на формирование критериев для оценки событий, партий и политиков. При этом происходит своего рода формирование виртуальной среды политического восприятия. Воздействие СМИ на аудиторию носит своего рода «конституирующий» характер»¹.

Специфика воздействия СМИ заключается в том, что они преподносят события в определенном ракурсе. Как трансляторы информации СМИ, формирующие повестку дня и влияющие на массовое сознание, имеют широкий простор для интерпретации транслируемой информации, акцентирования и замалчивания отдельных её сторон, моделируют знания индивидов, тем самым предлагая обществу темы, о которых стоит думать, а не навязывая позицию.²

Но, так как по законам коммуникации при передаче, получении, обработке, понимании контента теряется в среднем до 50% информации, образ, формируемый в сознании индивида, бывает далёк от представленного в СМИ.

СМИ тиражируют общественные позиции активной части населения, давая им площадку для формулирования, обоснования и защиты своей точки зрения. Человек при этом, обнаруживая совпадение его мировоззрения с позицией некоторых СМИ, воспринимает их информацию как достоверную, критически относясь к СМИ, которые тиражируют обратные мнения.

В другом случае, когда человек видит несовпадение его позиции с точкой зрения СМИ, он с большей долей вероятности не выскажет своих мыслей, боясь остаться в меньшинстве – так начинает работать теория «спирали молчания», предложенная немецким политологом Элизабет Ноэль-Нойман.

¹ Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис, 2011. № 2;

² Мерилл Д. Беседы о массмедиа. М., 1997. С. 155.

Механизмы формирования образа политического лидера и роль СМИ

Такие механизмы формирования образов политических лидеров, как категоризация, стереотипизация, атрибуция и идентификация представляют собой естественный процесс познания. Эти свойства сознания не детерминируются средой, в которой находится человек, и не исчезают при изменении социальной и политической структуры общества. Однако, это не значит, что они не поддаются управлению и манипулированию. Остановимся конкретнее на изучении этих механизмов.

С точки зрения политической социологии, категоризация является способом систематизации и упорядочивания социально-политического окружения. С. Московичи считал категоризацию способом конструирования реальности: для того, чтобы объект стал реальностью, надо его категоризировать и назвать¹.

Одним из самых распространенных способов категоризации является разделение на две части: тех, кто принадлежит к «моей» группе и тех, кто принадлежит «чужой». В результате этого члены чужой группы «деперсонифицируются» - воспринимаются более похожими друг на друга, нежели члены своей.

Но для того, чтобы из осведомлённости о существовании нескольких групп, возникло представление о «своих» и «чужих», необходимо, чтобы субъект категоризации отнес себя к одной из существующих групп. В этом осознании собственной принадлежности к некой группе, которое полностью детерминирует восприятие человека, и заключается другой механизм формирования образа – идентификация.

Любое конструирование социальной реальности неизбежно будет включать в себя процессы, сопровождающие социальную идентификацию. А в условиях разрушения привычной социальной структуры, которое можно диагностировать в российском обществе в 90-е годы XX-го века, возникает особая необходимость конструирования новых аутгрупп.

Именно состояние кризиса идентичности, потери целостного образа мира заставляет общество актуализировать механизмы персонификации властных отношений. Отождествление власти с конкретным актором - своего рода защитный механизм, упрощающий политическую действительность в глазах индивида.²

¹Moscovici, S., *Notes towards a description of social representations* // European Journal of Social Psychology, Chichester, 1988. Vol. 18, № 3. P. 211-250;

²Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии, 1994, №10. С. 113;

Базой для функционирования механизма персонификации власти является архетипический образ героя. А для полного воплощения образа героя нужно, чтобы рядом с ним постоянно существовал стереотипизированный, мифологизированный враг, от заговоров которого вождь «спасает» других членов общности. Так, при помощи дихотомии «мы — они», одного из центральных элементов архаической модели восприятия окружающего мира, происходит процесс самоидентификации личности в кризисной ситуации.

Образ врага является персонифицированным прототипом враждебной аутгруппы¹. Этот прототип конструируется так, чтобы снизить внутригрупповые и максимизировать межгрупповые различия. Таким образом, если «они» резко отличаются от «нас», а «мы» при этом воспринимаются положительно, то «они» становятся воплощением крайних степеней пороков.

Таким образом, потребность человека принадлежать к какой-либо общности, а также связанное с ней стремление воспринимать свою группу в более благоприятном свете по отношению к аутгруппе, создают предпосылки для выделения образа «другого», который бы удовлетворял эту потребность.

Российский социолог Ю. Левада указывает, что «негативная идентификация» по отношению к чужим может, как показывает опыт, сплачивать «своих» в тех случаях, если она достигает уровня страха за собственное существование»².

Важную роль в этом процессе занимают стереотипы, поскольку социальная идентичность является осознанием своей принадлежности к одной из социальных групп, а значит и принятие ценностей, формирование установок и актуализацию стереотипов, доминирующих в данной общности³. Стереотипы являются проекцией наших чувств на мир, они очень устойчивы, эмоциональны и обычно складываются в условиях дефицита информации.

СМИ часто апеллируют к уже сложившимся стереотипам в связи с тем, что они не являются социально нейтральным, это экономит усилия индивидов в оценке действительности, следовательно, под их воздействием лучше усваивается новая информация. Задавая определенные критерии для оценки действительности, они упрощают и ускоряют восприятие мира индивидом, а так же ориентируют его в социальных ценностях. Стереотипы являются усредненным взглядом

¹Hogg, M., Terry D., White K., *A Tale of Two Theories: A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory* // *Social Psychology Quarterly*. 1995. Vol. 58. Issue 4. P. 261.

² Левада Ю. От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 434;

³ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990;

на различные проблемы, что создаёт ситуацию взаимопонимания и объединения людей по взглядам.

Для разграничения понятий стереотипа и категории Г. Тэджфел основывается на концепции Г. Олпорта, понимавшего под стереотипом «преувеличенное убеждение, ассоциируемое с категорией. Его функция заключается в оправдании нашего поведения по отношению к этой категории». ¹ Таким образом, стереотип наделен ценностной функцией. Он не только помогает отнести объект к определенной категории, но и определяет отношение к нему, позволяя совершить переход от образа «другого» к образу врага.

Индивиды не обладают всей полнотой информации о политических деятелях и их действиях, поэтому они вынуждены «домысливать», приписывать, то есть атрибутировать данному актору определенный политический курс, личностные характеристики и т.д.

Таким образом, механизм каузальной атрибуции развивает и дополняет негативный образ конкурентной группы, он наполняет этот образ существующими в массовом сознании смыслами и оценками негативного содержания. С помощью каузальной атрибуции происходит интерпретация действий аутгруппы.

Методология и выводы исследования

В условиях предвыборной кампании образ лидера является главным инструментом победы. Эмпирическое исследование статьи посвящено способам создания образов двух российских политических деятелей - В. В. Путина и М. Д. Прохорова - в российской прессе.

Выбор политиков неслучаен: В. В. Путин уже был президентом и по прогнозам политологов имел самые большие шансы на победу на выборах 2012 г., образ М. Д. Прохорова исследуется в виду того, что это новое лицо от бизнеса и либерально настроенные сограждане возлагали надежды на его кандидатуру. Оба кандидата придерживались различных взглядов на дальнейшее развитие страны.

Они оба имели высокую узнаваемость: согласно исследованию кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ, сделанному накануне президентских выборов 2012 г., выяснилось, что узнаваемость Михаила Прохорова - новичка в политической борьбе – 93%², а В. В. Путина, уже бывшего на посту президента два раза, - доходила до 100%³.

¹ Tajfel, H., *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge: CUP, 1982.

²Образы политиков в массовом сознании россиян накануне президентских выборов. Е. Шестопа, С. Нестерова, О. Букреева, Н. Смутькина, А. Затонских, В. Титов. Исследование проведено в конце января – начале февраля 2012 г.

³ Шестопа Е.Б. Сдвиги в восприятии политиков российскими гражданами после выборов 2012.

Выбор временного промежутка проведения эмпирического исследования обусловлен тем, что, хотя избирательная кампания обычно начинается примерно за год до выборов, в самую активную фазу она входит всего лишь за несколько месяцев до даты выборов. Вот почему исследование проводилось в период с 1 декабря 2011 года по 2 марта 2012 года.

Одним из факторов интереса к данным выборам является срок их проведения и нововведения, вступившие в силу перед ними. Исследуемые выборы президента России являются последними, глава государства теперь избирается на шесть лет вместо привычных четырёх, одним из кандидатов в президенты стал человек, уже бывший два раза на этом посту.

Избирательная кампания и сами выборы проходили на фоне акций гражданского протеста в ряде городов России, собирающих людей даже спустя год после их начала, и активизации обсуждения недовольства некоторых групп граждан в СМИ.

Исследование механизмов формирования образа В. В. Путина и М. Д. Прохорова в российских СМИ

Практическая часть работы базируется на эмпирическом исследовании, основанном на выявлении механизмов конструирования образа и на методике Ч. Осгуда.

Семантический дифференциал является соединением процедуры шкалирования и метода контролируемых ассоциаций. Методика названа семантическим дифференциалом в связи с тем, что шкалы дифференцированы отношением интенсивности на основе субъективного понимания человеком коннотативных (сопутствующих) значений слов.

Таким образом, слова, символы, понятия оцениваются путём соотнесения с одной из точек шкалы, которая задана полярными по значению признаками, чаще всего выраженными прилагательными. Оценка объекта исследования позволяет поместить его в точку семантического пространства. Её положение характеризуется показателями направленности и удаленности от нулевого значения шкалы. Чем удалённее точка от нейтральной позиции, тем интенсивнее реакция и значимей объект исследования.

Опираясь на эту модель, автором статьи были исследованы публикации, способные повлиять на формирование образов политиков, в выпусках общественно-политических печатных изданий («РБК daily», «Российская Газета», «Московский Комсомолец», «Новая газета»), в предвыборный период с декабря 2011 по май 2012 года, по 4 шкалам: привлекательность – непривлекательность, сила – слабость, активность – пассивность, маскулинность – феминность. Так же были выявлены примеры применения 4-х механизмов формирования образов и

проанализированы полученные данные. Всего в исследовании использовано 95 статей.

В результате проведённого исследования делается вывод, что в печатных СМИ складывается целостный образ В.В. Путина, при этом оценивается он по-разному. Никто не оспаривает его будущую победу. Он предстает как привлекательный и сильный, маскулинный и в меру активный политик. После 12-ти лет пребывания во власти его рейтинг по-прежнему высок. Хвалебные статьи, в большей степени, вызывают эмоции читателей, строят образы¹. С другой стороны, статьи о нем в оппозиционных изданиях, скорее, оперируют односторонне подаваемыми рационально-логическими доводами, разрушающими харизму власти.

Для формирования образа лидера в публикациях о В.В. Путине, используются механизмы стереотипизации: Путин знает, что нужно людям, имеет план действий, он изменился, готов идти на диалог, в то же время он будет отстаивать свою позицию и не собирается уступать оппозиционерам он станет президентом всех россиян.

С помощью механизма идентификации создаётся впечатление, что он, разговаривая на одном языке и с бизнесменами, и с шахтёрами, близок народу и знает все его проблемы. Он идентифицирует себя как человека, которого поддерживает большинство.

Механизм атрибуции представлен редко, что может быть связано с длительным нахождением Путина у власти.

Механизм категоризации работает в тех случаях, когда журналист хочет показать читателям, что Путина поддерживают, он и его команда слаженно работают на благо страны.

В оппозиционных газетах, не сомневаясь в будущей победе Владимира Владимировича, все же ставят вопрос о легитимности. Создаются стереотипы: Путин никого не слушает, не сделает ничего нового, лишился безоговорочной поддержки. Его идентифицируют с властью, категорируют как автократа, фальсифицирующего результаты выборов, который ни за что не расстанется с властью.

Статьи о В.В. Путине используют, в основном, механизмы идентификации и стереотипизации. Вероятно, это связано с длительностью времени, проведенного во власти: Путин уже накопил солидный политический опыт, он всем знаком, к нему накопилось определенное количество претензий. Следовательно, необходимо было показать единство Путина с народом, создать стереотипный образ

¹Путин заявился на пост президента// [Электронный ресурс]: Режим доступа URL <http://www.mk.ru/politics/article/2011/12/07/650867-putin-zayavilsya-na-post-prezidenta.html>, свободный. Дата обращения 13.02.2013.

обновленного Путина, чем, на наш взгляд, и вызвана чрезвычайная эмоциональность положительных статей о нём.

Однако лейтмотивом всех публикаций звучит мнение, что Владимир Владимирович Путин — единственный политик, который может быть избран президентом на выборах 2012 года.

Образ М.Д. Прохорова видится автору более целостной конструкцией. Его редко критикуют и, в принципе, мало замечают, однако, образ Михаила Дмитриевича всё же достаточно привлекателен, за него призывают голосовать. В целом, по шкалам Ч. Осгуда, можно заключить, что образ этого политика, складывающийся в сознании избирателей, скорее можно назвать умеренно сильным, активным, привлекательным и маскулинным.

В некоторых статьях провластных газет стараются не выделять его из массы политических деятелей, нивелируя лидерские качества и проделанную им работу. Применение механизма идентификации в статьях не даёт возможности читателю понять, что же о нём думать и зачем ему баллотироваться на столь высокий пост. Так, один из авторов откровенно вопрошает об этом у Михаила Дмитриевича.

Журналисты, зачастую, категорируют его как олигарха, мотивы же, заставившие его участвовать в предвыборной гонке, разнятся: одни говорят, что это развлечение, как Ё-мобиль, другие - что просьба власти разбавить избирательный бюллетень новой фамилией, сам же он малоактивно объяснял - им движет «тяга к гуманизму». Это не помогло ему сломать сложившийся стереотип: Прохоров - «кремлёвский проект», а не самостоятельный кандидат.

Статьи о М.Д. Прохорове используют механизмы атрибуции и категоризации. Ко времени проведения избирательной кампании Прохоров только начинал свою политическую карьеру, был хоть и узнаваемым, но мало знакомым кандидатом для граждан. Избирателям нужно было объяснить, кто такой Михаил Дмитриевич Прохоров и зачем ему это выдвижение. Именно этим и может объясняться столь частое использование механизмов атрибуции и категоризации.

Заключение

Изучению политического образа посвящены многочисленные исследования. Политический образ имеет двойственную структуру: с одной стороны, он отражает реально существующие характеристики объекта, в то же время, он является проекцией людских ожиданий. Однако, он всегда строится на контексте восприятия и уже существующих представлениях индивидов.

Информация, формирующая образ политика в сознании реципиентов, может передаваться различными способами. Медиаканалы влияют на выбор событий, входящих в повестку дня, и, соответственно, на ракурс восприятия образа политического лидера.

Механизмы формирования образа политического лидера представляют собой естественный процесс познания, однако они поддаются управлению для конструирования социальной реальности и нахождения позиции индивидов в мире, создания представления о «своих» и «чужих», устойчивых моделей поведения и принятия интрагрупповых ценностей. Влияние этих механизмов усиливается коммуникацией через СМИ.

В практической части исследованы образы В.В. Путина и М.Д. Прохорова - кандидатов в президенты на выборах 2012 года – по методике, основанной на модели Ч. Осгуда. Также были выявлены четыре механизма формирования этих образов. На основе проведенного эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что образы исследуемых политиков и способы их подачи разнятся.

М. Д. Прохоров представляется умеренно привлекательным, сильным и активным политиком. Но сомнения по поводу причин, побудивших его баллотироваться, доминирование сглаженных оценок его персоны, согласно трём шкалам модели Ч. Осгуда, и некоторая фемининность складывающегося образа не дают возможности воспринимать его как политика, который смог бы сплотить вокруг себя всех россиян в пору экономического кризиса и народных волнений того времени.

В. В. Путин, несмотря на резкий разброс оценок по шкалам Ч. Осгуда, предстает в обновленном образе политика, представляющего интересы подавляющего большинства россиян. Именно поэтому, несмотря на протестные выступления 2012 г., В.В.Путин, используя созданный образ и отсутствие сопоставимых конкурентов, смог донести до избирателей свою позицию, консолидировать вокруг себя большинство граждан РФ и уверенно победить на выборах.

Список литературы

- Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
- Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
- Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
- Круглый стол: Шестопап Е.Б., Нестерова С.В., Смутькина Н.В., Макаренко Б.И., Кертман Г.Л., Межуев Б.В., Володенков С.В., Мельвиль А.Ю., Лапкин В.В., Гаман-

Голутвина О.В., Штукина Т.А., Добрынина Е.П., Шутов А.Ю. Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов. // Полис, 2012, №4. С.160.

- Левада Ю. От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 434.
- Мерилл Д. Беседы о массмедиа. М., 1997. С. 155.
- Ноэль-Нойман Э. Спираль молчания. М., 1996.
- Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002
- Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации// Полис, 2011 № 2.
- Семенова Е. С. Сравнительный анализ восприятия гражданами «своего» и «чужого» политических лидеров (на примере восприятия российского и немецких политических лидеров) Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук Москва 2007 г. 169 с.
- Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности//Вопросы философии, 1994, №10. С. 113.
- Цой С.П. Трансформация образа московской власти в поздне-советский и пост-советский периоды (с 1987 по 2003 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук Москва, 2004 г. 197 с.
- Шестопал Е.Б. под ред. Психология политического восприятия в современной России. –М. : РОССПЭН, 2012. – 423 с.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности. // Мир России, 1995, № 3-4;
- Hogg M., Terry D., White K., *A Tale of Two Theories: A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory* // Social Psychology Quarterly. 1995. Vol. 58. Issue 4. P. 261.
- Moscovici, S., *Notes towards a description of social representations* // European Journal of Social Psychology. Chichester, 1988. Vol. 18, № 3. P. 211-250.
- Tajfel, H., *Social Identity and Intergroup Relations*. Cambridge, 1982

**Ekaterina Rudaeva, Elvira Khusnetdinova,
Zhannetta Rasoshenko**

The essence and distinctive features of the political culture

Introduction

Human society is a complex phenomenon. The most important role in society's progress is played by the culture – the values, beliefs and norms held by the members of a society and passed on from one generation to the next. The political culture is a part of general culture. Political culture exists in any politically oriented society. The level of its development reflects the character of a political system.

So, what does political culture mean? What are the types of the political culture? What are the functions?

What is political culture?

Political culture is a total typical behavior patterns in a public sphere, including individual's political values, norms and traditions established in relations between the state and the society.

A political culture is a reflection of a government, but it also incorporates elements of history and tradition that may predate the current regime. Political cultures matter because they shape a population's political perceptions and actions. Governments can help shape political culture and public opinion through education, public events, and commemoration of the past. Political cultures vary greatly from state to state and sometimes even within a state. Generally speaking, however, political culture remains more or less the same over time.

***Example:** The United States and Great Britain are both democracies, but each has a distinct political culture. The American government derives its powers from a written constitution drafted by men who feared monarchs and strong central governments, which is why they divided the federal government into three distinct branches. Also, the American political system is dominated by two political parties. Great Britain, in contrast, has a long history of monarchy and has never had a written constitution. Even though the current monarch holds the official title of head of state, her powers are nominal, leaving Parliament—the legislative body—as the dominant element of the government. And unlike the United States, Great Britain currently has nearly half a dozen political parties that regularly seat candidates in Parliament.*

G. Almond and S. Verba

Almond and Verba studied empirically the political culture of five nations (Great Britain, United States, West Germany, Italy and Mexico) through interviewing five thousand persons over five years

According to G. Almond and S. Verba, there are three types of the political culture: parochial, subject and participant political culture.

Parochial culture

The political cultures of African tribal societies are included in this category. In these societies there are no special political roles: headmanship, chieftainship. for members of these societies the political orientations to the roles are related to their religious and social orientations. It also concerns the comparative absence of expectations of change initiated by the political system.

Subject culture

For this type of culture there are some typical features: passive political behavior and orientation to the dominant values with low or full absence of political participation. The subject understands the power well and is able to be affected by it.

Participant culture

The third major type is one in which the members of the society tend to be explicitly oriented to active political participation, they are involved into decision-making. Members of these societies possess the knowledge of political system and ways of affecting the policy as well.

The results were that UK and USA were the most participatory, civic and democratic of the five countries. Germany and Italy occupied intermediary levels on these scales and Mexico was the least democratic with large numbers of people falling into the parochial and subject categories.

The full result is:

Mexico	Parochial culture
Italy	Parochial-subject culture
Germany	Subject culture
Britain	Subject Participant culture
USA	Participant culture

The functions of the political culture are:

- Identification shows the permanent person's demand in understanding his or her group membership
- Orientation characterizes a person's tendency to reflect political events
- Adaptation transmits a person's need in adjustment to the changing political surroundings
- Prescription expresses the dominance of some orientations, norms that are directing human's activity
- Socialization helps a person to acquire distinctive skills that allow to realize one's civil rights
- Integration provides groups with capability to co-exist in a given political system, it guarantees state's integrity
- Communication shows the level of interaction of all the subjects and institutions.

How does 'Political Culture' differ from 'Public Opinion'?

The concept of Political culture refers to:

* Individuals' general values and beliefs toward the political system as a whole. (Ex. What people think of democracy or welfare state.)

* To study 'Political Culture' researchers need to refer to history, literature, and religion.

* It affects public opinion as the general affects the specific.

The concept of 'Public Opinion' refers to:

Individuals' opinions and impressions toward a specific ephemeral case, performance of an institution, or person. (Ex. What people think of Clinton's performance as a president.)

To study 'Public Opinion' researchers need to refer to media, movies, daily newspapers, and public opinion polls that have immediate effect on individuals' attitudes.

If the public opinion remained constant (stable) for a relatively long period of time, it will transmit into political culture.

Whence does political culture arise?

One cannot obtain political culture by merely studying and learning theoretical sciences. Its elements appear when people begin to participate in political activity with the aim of achieving their own social, economic and political advantage or possibilities. This becomes possible only when one is involved in the activity of political parties, social political groups, etc. As no

one can obtain his own material, political and legal benefits or freedom of thought acting alone but needs some social organization, the status of political parties and social organizations is high in democratic states.

It is very difficult to realize the driving forces of the political processes in society without having learned in detail the political culture while enables one to develop political processes and determines the behavior of social groups and various strata of society. At the same time this is the main part of the "social sphere" which aids or sets obstacles to the intentions of people to create conditions for future development. Political culture is considered also the most steady or conservative part of the socio-political system as can be seen more clearly in the periods of great historical changes in the society as are now taking place in our society.

What does political culture do?

Through the process of political socialization, the central values of the political culture are transmitted from one generation to another.

Political Culture and Changes

Political culture changes over time, but these changes often happen slowly. People frequently become set in their ways and refuse to alter their attitudes on significant issues. Sometimes it can take generations for major shifts to occur in a nation's political culture.

Example: One example of the ways in which American political culture has been slow to change concerns the rights of minorities. The Voting Rights Act of 1965 authorized federal troops to supervise balloting in federal elections in the South in order to protect the voting rights of black Americans. Even though the bill passed forty years ago, many government officials fear that racial tensions in the South could still threaten the political freedoms of blacks, which is why Congress and President George W. Bush reauthorized the Voting Rights Act in 2006.

No matter how we categorize political cultures, they are constantly changing, so that over time, conflictual political cultures may become consensual, and vice versa. However, political values and beliefs tend to endure, and no political system may be analyzed accurately without taking into consideration the political culture that has shaped it. So when the Russian president dictates a major change of policy, the Chinese government enforces economic

development of rural lands, the British prime minister endures another round of derision, or Mexican citizens take a liking to a leftist leader, you may be sure that political culture is a force behind the stories in the news.

Conclusion

Political culture is that set of ideas which people share widely about who should govern, for what ends, and by what means. *Values* are shared ideas about what is good. *Beliefs* are shared ideas about what is true. Beliefs often give a foundation for values. For instance, the belief that God endowed humankind with rights to life, liberty, and property is a foundation for giving these concepts the status of values in our political culture.

References

1. **Almond, G., Verba, S.,** *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. 1963.
2. N.D. Starkova and A.L. Burak *English Reader for Sociology Students*.

Сергеева В. А.

Игреки: поколение, которое не бунтует

Abstract:

Generation Y is the demographic cohort following Generation X. In many ways they are similar to their predecessors, baby-boomers and X-ers. However, they have one significant difference: Millennials are not rebellious at all. In this article the author tries to interpret their unrebllious attitude, low level of civil engagement and political passiveness as forms of adaptation to aggressive postmodern world.

Key words: generation Y, rebellion, baby-boomers, generation X, postmodernity, identity, simulacrum, counterculture.

Поколение, задающее вектор общего культурного развития как минимум на ближайшие 10 лет, это поколение Y или миллениумы: люди, рожденные между 1982 и 2000 годами.

Многие черты игреки переняли у своих ближайших предшественников бэби-бумеров (послевоенное поколение, расцвет которого пришелся на 60е годы), а также у иксеров, рожденных между 1961и 1982 г. От поколения Икс игреки унаследовали специфическое мировоззрение, для которого характерны глубокая связь с поп-культурой, ирония, гражданская апатичность, циничное отношение к официальным институтам. От бумеров же миллениумы переняли самозабвенную любовь к своему я, подкрепленную идеалистической верой в необходимость, а главное в возможность изменить мир. Нарциссизм стал настолько очевидной чертой игреков, что их назвали поколением ЯЯЯ - Generation Me Me Me. (Бумеров в свое время тоже звали Я-поколением - Me generation).

Однако есть у игреков одно существенное отличие, в своих проявлениях вызывающее наибольшее раздражение как у предшественников, так и у представителей самого этого поколения - игреки не бунтуют.

Бунт против ценностей отцов всегда был неотъемлемой частью процесса становления молодого поколения. Особенно ярко эта тенденция проявилась во второй половине 20 века, начиная с молодежных движений 60х в Европе и Америке. Тогда же возникла и контркультура.

Бумеры бунтовали против понятия «мещанского» счастья (домик в пригороде, машина, работа на крупную корпорацию, традиционные семейные ценности), к которому в зажиточные 50-е годы пришла американская мечта. В Европе молодежь также активно

боролась с ценностями истеблишмента. В обоих случаях бунт в той или иной форме вырывался на улицы.

Пламя бурного протеста поугасло еще до прихода игреков. Уже поколение Икс, разочаровавшееся в деятельности бумеров, в итоге эгоистично растративших капитал (и экономический, и духовный) своих детей, предпочли уйти в культурное подполье, жить и работать, избегая контактов с крупными структурами (бизнес, политика, церковь и т.д.) Однако иксеры, пусть и в пассивно-агрессивной форме, посредством искусства и литературы, выразили свое негативное отношение к сложившейся вокруг них культурно-исторической ситуации. Наиболее яркие примеры – это трансгрессивная проза Паланика, Эллиса, Уэлша, творчество группы Nirvana, мультсериал «Южный парк» и т.д.

Поколение Y же – это первое поколение, которое не бунтует вообще. Связано ли это с отсутствием у игреков силы воли для сопротивления, с их ленью и конформизмом или наоборот – с удивительной прозорливостью, с осознанием того, что культурный бунт в 21 веке бессмысленен? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Скорее всего, верно и то, и другое.

С одной стороны, действительно: игреки ленивы, инфантильны, апатичны, крайне зависимы от техники. Они нарциссичны, страдают приступами завышенной самооценки, одержимы славой и знаменитостями. Живущие в эпоху, когда автор-творец давно умер, неспособные создать что-нибудь новое, они превращают в арт-объект самих себя, что подтверждает беспрецедентное количество автопортретов игреков, разбросанных по различным социальным сетям. (Более того, термин selfie, который как раз используется для обозначения подобного рода фотографии, совсем недавно был внесен в состав Большого Оксфордского словаря английского языка.)

Игреки выросли в эпоху «размноженного Я» [3]. Их личность, как мозаика, собирается из аватарок, статусов в фэйсбуке, сообщений в твиттере, музыкальных плейлистов и т.д. Внутренний мир истощается, происходит его подмена объектами мира внешнего. Каждое событие в своей жизни игрек транслирует в интернет-пространство, ведь если что-то оказалось незафиксированным в соцсети, то и не произошло вообще. При всем этом игреки меньше, чем все предыдущие поколения, проявляют гражданскую и политическую активность.

Именно такой портрет миллениумов, основываясь на научных исследованиях и статических фактах, набросал в нашумевшей статье Millennials: The Me Me Me Generation Джоэл Штейн в одном из майских номеров журнала Time. [3] Статья вызвала бурную полемику и в СМИ, и в различных социальных сетях: многие с автором согласились и поддержали его заявления, а вот сами игреки восприняли эту статью

довольно болезненно и выразили свое возмущение в пространстве блогосферы. Интересным наблюдением является тот факт, что большинство критиков статьи, особенно среди молодых людей, попросту не дочитало текст до конца, а это только подтверждает небезосновательность упреков в адрес игреков. Возвращаясь к статье Штейна, следует заметить, что во второй ее половине автор приводит и вполне положительные черты миллениумов: они более информированы, толерантны, настойчивы и в целом более позитивно настроены по отношению к окружающему миру. (Чего, например, никак нельзя было сказать об их предшественниках иксерах.) В заключение своего текста автор приходит к выводу, что поведение игреков со всеми их недостатками – это лишь форма адаптации к среде, в которую они были заброшены историей. [3]

Впрочем, если отойти от обвинений в лени и нарциссизме, в которых упрекают всех молодых людей любого поколения, а посмотреть на контекст, в котором обитают игреки, их нежелание бунтовать становится более понятным.

Современный мир, как писал еще Ж. Делез в «Логике смысла», это плоский постмодернистский мир, из которого исчезла важная для предыдущих поколений категория смысла.[1] В этом мире нет иерархии, а все располагается на поверхности реальности. Само понятие реальности также стоит под вопросом, все давно существует в симуляционной форме копии копии копии. Подобное положение дел несколько расстраивало иксеров, оказавшихся первым поколением, рожденным и выросшим в эпоху постмодерна. Их вариант решения этой проблемы – самоустранение и уход на периферию истории и культуры – не представляется перспективным.

Игреки же не испытывают дискомфорта от жизни в симулякре. Переняв от бумеров идеалистическую веру в себя, сохранив при этом иксерский несколько циничный взгляд на мир, они весьма прагматично ведут свое существование. Вызвано это не столько какой-то моральной деградацией, сколько отсутствием у них в современных агрессивных социально-экономических условиях какого-либо другого выбора. (Большинство приносящих реальный доход сфер оккупированы бумерами и взявшимися за ум в 80е годы иксерами). Игреки уже не рассчитывают на то, что под них когда-нибудь прогнется мир (как в это верило я-поколение), но они и не прячутся от него за стеной апатии и иронии, подобно иксерам, Вместо этого, они заняли нишу, которую в свое время их предшественники посчитали вторичной и несущественной - а именно интернет-пространство.

Освоение игреками сети сильнейшим образом повлияло и на их мировоззрение, и на способ их работы с информацией. Миллениумы работают с миром скорее экстенсивно. Они не копают вглубь одного

явления, сконцентрировавшись только на нем. Они пытаются познать мир во всем многообразии, узнать о как можно большем количестве вещей. Мир для них покрывается сетью гиперссылок, по которым мозг игрека перескакивает с предмета на предмет, на выходе получая цельную картину.

Жизнь в сети для игреков не является каким-то придатком к некой реальной жизни, социальная сеть становится для них полноценной средой обитания. И эта среда обитания является альтернативой Реальности их предшественников: в сети игреки знакомятся, работают, занимаются творчеством, соцсети становятся для них первостепенным источником информации. По сути, большой мир с его крупными институтами игрекам не нужен. Стремительное развитие информационных технологий позволяет им вполне успешно конкурировать с большими организациями: блоггеры бросают вызов профессиональной журналистике, YouTube ролики – студийной продукции, независимые разработчики – крупным корпорациям. При этом стоит заметить, что в отличие от иксеров, которые пытались держаться на расстоянии от официальных институций, воспринимая их в штыки, игреки не считают государство, церковь или крупные бизнес-структуры своими заклятыми врагами. Представители поколения Y-люди далеко не наивные, они понимают, как функционирует система потребительского капитализма, осознают все ее провалы и умеют пользоваться ее благами.

Такое пассивное конформистское отношение к окружающему миру вызывает непонимание и раздражение у критиков игреков. Однако стоит признать, что на современном этапе развития общества понятия контркультуры, мейнстрима и истеблишмента уже давно себя изжили. Как уже говорилось выше, игреки живут в плоском мире, в котором нет некоего высшего авторитета, а потому бороться не с кем. Им попросту не нужно бунтовать. Изменилась ментальность: нет только черного или белого, не нужно выбирать какую-то одну сторону. Раньше это было жизненно необходимо, молодежной контркультуре нужна была сила резкого противопоставления для того, чтобы соперничать с принятой традиционной культурой. Игрекам не нужно противопоставлять себя никому. Они живут в своем эмансипированном мире, который находится на той же плоскости, что и все остальные миры. А освободившееся от ненужной борьбы время они посвящают самим себе.

Отдельно хочется заметить, что такая навязчивая демонстрация своей личности и псевдо открытость не обязательно являются свидетельствами большой любви к себе, нарциссичности, в которой обвиняют игреков. Скорее это результат дефицита внимания, недостатка участия и любви. На долю игреков уж очень значимых и

крупных исторических событий не пришлось, зато пришлось несколько кризисов, показавших шаткое положение хваленой стабильности. Цены на жилье и образование поднялись как никогда, сложилось впечатление, что они остались за пределами большой истории, все их дела незначительны и пусты. Несмотря на развитие биоэтики, движения за права человека, стало очевидно, что человеческая жизнь стоит очень мало, что открытием не является, но сейчас этот факт вообще перестали скрывать. Последствия развала семейных ценностей почувствовали на себе еще иксеры. Они выросли во времена ценностного зазора, названного американским философом Ф. Фукуямой Великим разрывом (период с середины 60-х по начало 90-х годов), главными чертами которого как раз и стали рост уровня социальной дезорганизации, упадок нуклеарной семьи и снижение уровня доверия между людьми. [2] Не удивительно, что выращенные таким поколением игреки не питают особенных иллюзий относительно семейного счастья и благополучия. В их идею брака изначально включена и идея о неминуемом разводе.

Ведя активную сетевую жизнь, игреки пытаются напомнить о себе, привлечь внимание, ведь отклики друзей и знакомых – это единственные доказательства того, что тот или иной миллениум действительно существует. Они бесконечно фотографируют самих себя, свои завтраки, своих животных, ожидая одобрения/лайка, цифрового значка, который создает иллюзию их важности и нужности. Примечательно, что фотографии их, как правило, обработаны до неузнаваемости: изменен контраст, цвета неестественно яркие, большинство фотографий имеют ретро-налет, свойственный камерам прошлого. Складывается впечатление, что окружающий мир миллениумов не устраивает, он настолько сер и скучен, что они пытаются сделать его ярче и интереснее с помощью доступных им средств, а именно с помощью графического редактора.

Вообще, как было указано в самом начале этой статьи, игреки – это нынешнее активное поколение, поэтому объективно оценить их цивилизационный выбор пока не представляется возможным. В целом, они являют собой стандартных молодых людей, которые хотят перемен, время от времени поругивающих «промотавшихся отцов». Нежелание бунтовать и конформизм – это скорее не пороки игреков, а адаптационные механизмы к весьма агрессивной и конкурентной среде обитания. Игреки подстраиваются под основные требования системы, демонстрируя по требованию обстоятельств ту или иную часть своей рассеянной личности. Поэтому для некоторых исследователей и журналистов, подменяющих анализ маркетинговой справкой, миллениумы представляют собой аморфный нарциссичный организм, мотивы и потребности которого надо изучить, чтоб в дальнейшем им

эффективно управлять. А в среде своих сверстников игреки находят единомышленников и продолжают вместе укреплять свой альтернативный обитаемый мир, который имеет все возможности для того, чтоб стать всеобщим будущим.

Список литературы:

1. Делез Ж. Логика смысла. М.:Академический проект, 2011
2. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.:АСТ: АСТ Москва,2008
3. Stein J. Millennials: The Me Me Generation. Time, May 20, 2013

к 100-летию с начала Первой мировой войны

Шевелева Владислава

Руперт Брук: поэт, навсегда оставшийся юным*

Мое второе и более глубокое знакомство с творчеством Руперта Брука произошло совсем недавно благодаря прочтению нескольких интервью В. Набокова, помещенных в сборник «Strong Opinions». Каждый раз, отвечая на вопрос о любимых авторах, русско-американский писатель называл имя Брука. Это меня несколько удивило, и вот почему. Знания мои о Руперте Бруке исчерпывались тогда только несколькими читанными еще в школе не очень удачными переводами его стихов о первой мировой войне, оставившими впечатление об их авторе как о поэте-патриоте, писавшем стихи с сильным политическим налетом. А политизация художественных произведений никогда у меня приятных эмоций не вызывала. Чтобы как-то решить для себя возникшее противоречие, я решила прочитать работы Руперта Брука в оригинале и обратилась к самому известному сборнику его стихов «1914 And Other Poems». И, конечно, новое представление о творчестве этого английского поэта не имело ничего общего с тем осадком, что остался после первого прочтения его стихов в школьные годы.*

Руперт Брук – один из многих талантливых людей, жизнь и творчество которых служит постоянным объектом для споров, чья биография без конца переписывается разными авторами, часто пытающимися сделать выводы из заведомо ложных посылок. Его называют и последним романтиком, неспособным вписаться в эпоху модерна, и декадансным поэтом, скрывающимся за маской оптимизма, и романтизирующим кровавую войну неопытным юнцом. Иногда говорят и о том, что его произведения вовсе не имеют литературной значимости, пускаясь при этом в совсем неуместные двусмысленные рассуждения о его личной жизни. Причиной для этого является не только и не столько кажущаяся противоречивость его творчества, сколько то, что, очевидно, помимо своей воли этот погибший совсем

* эссе написано студенткой 4-го курса ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова Шевелевой Владой после прослушивания межфакультетского спецкурса «Английская классическая поэзия: эпохи, авторы, текст», читавшегося профессором кафедры английского языкознания филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Липгартом в сентябре-декабре 2013 г. (прим. отв. ред.).

* Nabokov, Vladimir, *Strong Opinions*, Vintage, 1990 (прим. отв. ред.);

юным поэт стал орудием политической пропаганды, в которой использовалась и его личность, и его творчество. Началась эксплуатация образа Руперта Брука еще при жизни, после появления стихотворения «The Soldier»; а апогея своего достигла, когда У. Черчилль в проникновенной заметке в Times¹ по поводу смерти поэта в 1915 г. попытался демагогическими рассуждениями о патриотизме в жизни и творчестве талантливого молодого человека приккрыть явные неуспехи военных операций и поднять боевой дух нации. Однако при более глубоком изучении творчества Брука не остается никаких сомнений в том, что этот человек всегда стремился дать ответы, в первую очередь, на свои собственные вопросы, а не на вопросы о жизни и интересах государства или нации; предмет его рефлексии не движение народного духа – а собственные, крайне тонкие переживания.

Почти в каждом произведении Руперта Брука отражается душевный надлом, с которым поэт так и не смог справиться за свою недолгую жизнь. Внутренний его конфликт естественным образом усиливается с началом первой мировой войны и в какой-то степени принимает форму тех же противоречий, которым подвергались многие творческие личности в эту сложную эпоху. Вот как сам Руперт Брук характеризовал испытываемый им внутренний разлад в одном из писем, написанных в 1914 г.²:

I find in myself two natures <...> There's half my heart which is normal & English – what's the word, not quite “good” or “honourable” – “straight,” I think. But the other half is a wanderer and solitary, selfish, unbound and doubtful. Half my heart is of England, the rest is looking for some home I haven't yet found. So, when this war broke, there was a part of my nature and desires that said ‘Let me alone. What's all this bother? I want to work. I've got ends I desire to reach. If I'd wanted to be a soldier I should have been one. But I've found myself other dreams.’ I came to London a few days ago to see what I could do that would be most use.

В результате Брук все же отправился на войну, чтобы закончить там свою жизнь в неполные двадцать семь лет. Чем была для Руперта Брука война? Была ли она первопричиной переживаемых им противоречий? Вероятнее всего, она представляла собой для Руперта Брука лишь возможность отвлечься, перенеся эти противоречия своей природы в другое измерение. Именно такой ответ можно найти даже в самых ранних его произведениях. Уже в них проявляются представляющие собой первопричину вопросы, никогда и после не оставлявшие Брука,

¹ Lehman, John, *The Strange Destiny of Rupert Brooke*, Holt, Rinehart, and Winston, 1980;

² Keynes, Geoffrey, ed. *The Letters of Rupert Brooke*. Harcourt, 1968.

даже когда в поэтических произведениях его начинали звучать нотки надежды и, казалось, он находил успокоение. Эти вопросы всегда касались двух основных проблем, которые определяют все творчество Брука – смертность и вечная юность. Причем для него одно всегда было с другим неразрывно связано. Страх повзрослеть, столкнуться с противоречиями «взрослого» мира и остаться беспомощным перед ними преследовал Брука: «I live in the midst of golden dreams afterwards life will come, cold and terrible».¹ Поэту всегда требовалась защита от «ужасного мира» и дующих в нем ветров, «насквозь пронизывающих несчастное сердце»; в поэме «Retrospect» он пишет:

Lay my head, and nothing said,
In your hands, ungarlanded;
And a long watch you would keep;
And I should sleep, and I should sleep.

Как и для всех людей, чувствующих в себе большой творческий дар, обратной стороной страха перед конечностью существования является страх не успеть полностью выразить этот дар, определиться со своим истинным предназначением: «Today, O my heart, I am 26 years old. And I've done so little I'm going to make things hum». Лучше всего можно понять сплетение страха смерти и стремления к вечной юности, преследующее Брука, прочитав его поему «The Great Lover», которая заканчивается так:

But the best I've known,
Stays here, and changes, breaks, grows old, is blown
About the winds of the world, and fades from brains
Of living men, and dies.
Nothing remains.

O dear my loves, O faithless, once again
This one last gift I give: that after men
Shall know, and later lovers, far-removed,
Praise you, "All these were lovely"; say, "He loved."

Эти страхи и стремления, сопровождающиеся неготовностью принимать важные решения, чувством незащитности, выливаются в стихотворении «The Treasure» в желание остановить время или

¹ Brooke, Rupert, *Letters from America*, preface by Henry James. Scribner, 1916.

повернуть его вспять, чтобы снова обрести покой и прежние радости, пускай, даже горести, лишь бы вернуться к старому порядку жизни:

Still may Time hold some golden space
Where I'll unpack that scented store
Of song and flower and sky and face,
And count, and touch, and turn them o'er,

Musing upon them; as a mother, who
Has watched her children all the rich day through
Sits, quiet-handed, in the fading light,
When children sleep, ere night.

Конечно, фоном и истоком таких переживаний Руперта Брука является не политический контекст эпохи, а глубоко личные проблемы, которые и привели его к тяжелой депрессии и попытке выйти из нее, пустившись в долгое и далекое путешествие по другому континенту, предпринятое им в 1912 году. Возвращаясь к вопросу о том, чем для Руперта Брука являлась война, нужно сказать, что она для него была лишь еще одним противоречием, очередной проблемой, с которой сталкивает его жестокий мир разрушенных иллюзий детства и отрочества, в атмосфере которых так хотелось бы вечно оставаться поэту. В результате, Руперт Брук принимает вызов¹:

...the central purpose of my life, the aim and end of it, now, the thing God wants of me, is to get good at beating Germans. That's sure. But that isn't what it was. What it was, I never knew, and God knows I never found.

Очевидно, однако, что центральной проблемой для поэта является никак не сама война и не судьба нации. Война, скорее, воспринимается как очередная данность жестокого «взрослого» мира, отражающаяся на личной судьбе Руперта Брука. В его стремлениях явно отсутствует идея служения государству или нации в целом, его решение принять участие в войне вовсе не основывается на каких-либо идеологических представлениях об утверждении и поддержании величия Британии на мировой арене или роли английского народа в истории. Патриотизм Брука совершенно не такого рода, который пытались приписать ему еще при жизни поэта. Брук пошел на войну не только ради того, чтобы защитить английскую землю от вторжения, казавшемуся ему немыслимым. Да и сама английская земля для него не тождественна ни государству, ни народу. Он хотел, в первую очередь, защитить

¹ Pearsall, Robert Brainard, *Rupert Brooke: The Man and The Poet*. Humanities Press, 1975.

идеальный, волшебный мир своего детства и юности, ту самую «драгоценность», одно воспоминание о которой дарит покой и равновесие, чувство безопасности, то «сокровище», которое нужно уберечь от всех внешних опасностей. И поэтому вторжение захватчиков кажется Бруку невообразимым, его обязательно нужно предотвратить не из каких-то размытых политических идеалов, а чтобы сохранить нетронутым «сокровище» его детства и отрочества. Как видно из пяти его сонетов 1914 года (I. Peace, II. Safety, III. The Dead, IV. The Dead, V. The Soldier), в жертву Брук готов принести свою жизнь не за саму Британию, а за идеальное представление о своей родине, ведь, если эта «драгоценность» исчезнет или хотя бы, оказавшись уязвимой, соприкоснется с внешним миром, то и жизнь перестает иметь смысл, теряет свое основание. Долг, выполняемый Бруком, – его обязанность не по отношению к народу или стране, а к самому себе. Не исполнив свой долг, невозможно было бы продолжать жить. С этой точки зрения, начало сонета «The Soldier» имеет глубоко сентиментальный личный смысл и не содержит того призыва, который в нем принято видеть благодаря английской пропаганде, придавшей ему устойчивый политический смысл:

If I should die, think only this of me:
That there's some corner of a foreign field
That is for ever England. There shall be
In that rich earth a richer dust concealed... .

Англия, о которой говорит Руперт Брук, не та, о которой ведут речь политики, патриоты, дипломаты и даже некоторые литературные критики, пытающиеся оценивать его творческое наследие. Англия для Брука олицетворяется Гранчестером, так трогательно описанным им в одноименной поэме 1912 года. Это идеальный город вечной юности, застывший во времени, где живут лишь люди с чистыми сердцами, всегда поступающие по заветам Божьим, а дети красивы, как ангелы:

But Grantchester! ah, Grantchester!
There's peace and holy quiet there,
Great clouds along pacific skies,
And men and women with straight eyes,
Lithe children lovelier than a dream,
A bosky wood, a slumbrous stream,
And little kindly winds that creep
Round twilight corners, half asleep.
In Grantchester their skins are white;

They bathe by day, they bathe by night;
The women there do all they ought;
The men observe the Rules of Thought.
They love the Good; they worship Truth;
They laugh uproariously in youth;
(And when they get to feeling old,
They up and shoot themselves, I'm told)... .

Руперт Брук, видимо, не смог повзрослеть, хотя и предпринимал к тому попытки, стараясь достойно справляться с противоречиями мира «взрослых». Навсегда он, несмотря на все разочарования, которые неизбежно приносила «взрослая» жизнь, остался мальчиком с чистым ранимым сердцем, но прямым и светлым взглядом на мир. Именно этим, а не просто ложно приписываемым ему устаревшим наивным романтизмом XIX века, объясняются исключительная нежность и свежесть, излучаемые всем его творчеством.

К 450-летию со дня рождения У. Шекспира

У. Шекспир Сонет 12

перевод на русский язык Анны Уточкиной

W. Shakespeare Sonnet 12

*When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night,
When I behold the violet past prime,
And sable curls all silvered o'er with white,
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves
Borne on the bier with white and bristly beard:
Then of thy beauty do I question make
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake,
And die as fast as they see others grow,
And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed to brave him when he takes thee hence.*

Сонет 12

*Когда считаю я часов удары, что четко отмеряют время,
И вижу смелый день, тон'ущий в страшной темной ночи,
Когда фиалку вижу я отцветшую,
И кудри соболиные, посеребрённые до белизны,
Когда высокие деревья вижу без зеленых листьев,
что некогда от солнца защищали,
И зелень летнюю, всю связанную в сн'опы,
Что на носилках белых и колючих тащат,
Тогда я о твоей красе обеспокоен:
Ведь ты, среди всего, что время забирает,
Как лучшее среди прекрасного исчезнешь,
Затухнешь сразу же, как вспыхнут юные, иные,
Ничто не защитит тебя от Времени серпа,
Кроме наследия, спасенного тобою, что попытается со Временем
сразиться.*

перевод Анны Уточкиной

Vladislava Sheveljova

**The Metaphysical in «Macbeth» by Shakespeare as Metaphor and
Active Agent**

It's impossible not to notice a constant feature of Shakespeare's works: in all his plays Shakespeare introduces abnormal mind conditions - insanity, hallucinations, sleep-walking - that never serve as the cause of the deeds committed by his characters: Lady Macbeth's somnambulism doesn't really influence the forthcoming events; Macbeth is about to murder Duncan that is why he sees a dagger in the air, not vice versa. Hardly may these cases be identified as sheer examples of mental illnesses, they seem to have some supernatural origin. Shakespeare often introduces the supernatural (= the metaphysical) into his plays: ghosts, witches having some special knowledge, symbols and noises (e.g. the knocks heard by Macbeth)¹. Therefore, the Metaphysical is represented in two ways: through the characters and through the details². These supernatural elements contribute to the action. Nevertheless, it would be not correct to think of them as of the only impetus for the characters' deeds. But not being the sole motivation, this «supernatural» is closely linked with the characters and the conflicts the characters face with. Analyzing the role and the origin of the Metaphysical in Shakespeare's plays, we should avoid two extremes: we do not have to regard the supernatural as the key impulse of Shakespeare's plays, nor should we neglect its effect on the development of the action.

Having identified the functions of the Metaphysical in Shakespeare's plays, we are going to analyze the Metaphysical and its role in Shakespeare's tragedy *Macbeth*, which offers a large spectrum of the supernatural intrusions.

First of all, we should mention that the presence of the Metaphysical is what makes this play a tragedy. There is the contradiction between Macbeth's treasonous ambitions and Macduff's and Malcolm's loyalty. Besides, there is an inner conflict as well: the same collision takes place in

¹ Молчанова Г.Г. Концепт три сестры в русской и английской лингвокультурах / Актуальные проблемы английского языкознания/ под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. – М.:МАКС Пресс, 2012. С. 244-260;

² Bradley A.C. Shakespearean Tragedy. London: Atlantic publishers and distributors, 2000.;

Macbeth's soul¹. The protagonist himself recognizes his actions to be sinful and treacherous. This fact adds extra complicity to the role of the Metaphysical in the play.

To make our analysis more structured and precise we should identify all the cases which, from our angle of vision, may be considered as the Metaphysical intrusions, and reveal their context, role and origin as of separate facts and as of a complex of conditions.

The last thing W. Shakespeare aims to achieve is the reader's astonishment at a sudden struck of fate or a burst of a tragic event. The tragedy of Macbeth seems to be inevitable from the very beginning. Such effects as darkness (throughout the whole play), lights (mostly, lightnings) and colours (principally, bloody) are not the most important conditions for stimulating this foreseeing, but more important facts such as the appearances of the Witches and of the Ghost of Banquo, which really awake the supernatural horror, are accompanied and emphasized by them. So, even in Nature there is something sympathetic with human guilt and evil intentions.

Consider the most obvious case of the Metaphysical intrusion into the human world of the tragedy: the prophecies of three Weird Sisters. Macbeth's action in the first part of the tragedy follows the prediction of the Witches who promised him the throne. When the action moves forward again after the banquet-scene, the Witches appear once more and make their new promises which give Macbeth a new impetus to go forward. This repetition of the previous effect produces a fateful feeling. But how can we appreciate this intrusion when the Metaphysical is presented as a real actor? Clearly enough, we can see that The Witches are neither the product of pure imagination of the protagonist (like in many plays by Shakespeare, here we have the character who serves as an instrument of verification - Banquo), nor an absolutely real and objective source of information (this is how Macbeth perceives them)². The idea that these Witches represent the highest power which Macbeth is unable to resist seems to be an exaggeration: the Witches are just the «instruments of darkness», and the fate can not be an instrument of something or someone as the supreme power can not obey any master. Clearly, Macbeth is not forced by them or by any other Metaphysical intrusion. The influence produced by The Three Weird Sisters is merely an influence and nothing more. Their prophecies are just the circumstances to deal with. The influence of the prophecies owes its origin to Macbeth

¹ Garber M. B. Shakespeare after All. USA: Pantheon Books, 2004;

² Молчанова Г.Г. Концепт три сестры в русской и английской лингвокультурах//Актуальные проблемы английского языкознания/ под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. – М.:МАКС Пресс, 2012. С. 244-260.

himself rather than to the Sisters, he had not already been innocent by the moment he heard the prophecy (the contrast with the effect of the Sister's words upon Banquo emphasises this fact). There is no connection between the witches' announcements and any deeds committed by him: the idea of fulfilling it through the murder was absolutely of his own. Yet his second meeting with The Witches is of entirely different kind. Macbeth obviously seeks for their advice, and this time when he has already decided to go along this road of evil and treason, when he has already committed his first crime, he needs them; that is why this time they not only give their prophesy, they give their advice: they urge him be bloody, bold, and secure. Quite significant is the fact that Macbeth doesn't perceive their words as his fate any longer; he doesn't try to blame them for anything anymore; moreover, he recognizes his deeds being the result of his own choice. The words of the Witches are fatal for Macbeth only because there is something in his soul and mind which comes out at their sound; at the same time they signify the forces that work in the world. Once the inward connection is established, it's hardly possible to resist the metaphysical. So, the role of the "Witches-scenes" in widening and deepening the sense of fear, horror and mystery which pervades the atmosphere of the tragedy is really significant.

Indeed, in this play Shakespeare dwells on the idea that a human being is in power of mysterious supernatural forces, independent of his consciousness and will¹: such as Macbeth's distraction from the conversation to the dreaminess, during which he observes the image of the murder drawing closer and closer; he never meant to show the signs of strange things which appear on his face; his imagination is turning into illusion, like the vision of a dagger in the air, first bright, then bloody, or the sound of a voice that cried «Sleep no more» and would not be silenced. To these are added other constant allusions to a sleepy, strange state of half-conscious human life. Mind the terrible dreams of the remorse experienced by the characters; the thoughts which leave Banquo free during the day, but tempt him in his dreams during the night; the supernatural disturbances of the two men's dream, when one, during the murder of Duncan, laughed in his dream, and the other raised a cry of murder; and, finally, the most impressive example of Lady Macbeth, who rises to re-enact in somnambulism those bloody scenes the memory of which drives her to madness and suicide. All this has one effect - to excite the Supernatural, Metaphysical alarm and, even more, the dread of the universal presence of the evil inside and outside human beings.

The next example of the Metaphysical intrusion is the appearance of Banquo's ghost. It is significant whether Shakespeare meant the Ghost to be

¹ Witmore, M., *Shakespearean Metaphysics*. Continuum International Publishing Group, 2008;

real or a mere Macbeth's hallucination. There are a lot of arguments for it to be the latter: Macbeth has already had one hallucination (the dagger); it vanishes when he makes an effort of stating its unreality; it does not speak and, moreover, it is visible only for Macbeth. So, in this case we face with the inside dread, the Metaphysical, supernatural horror, and its nature can be explained only if we turn to a deeper understanding of Macbeth's personality.

Macbeth, this bold, purely egoistic, ambitious man, who is unable to think in moral or religious terms, who has no limits to his actions, at the same time has an extremely sensitive imagination that is able to produce violent disturbances of both mind and body. Therefore, his mind is liable to supernatural fears; and that is why the better part of Macbeth's nature, instead of speaking to him in the explicit language of moral ideas, commands, and prohibitions, which, yet, he is unable to comprehend, incorporates itself in images which awake awe and horror. His imagination is the best of him, somehow deeper and higher than his conscious thoughts¹. It is an error to represent Macbeth as a cool person, who calculates everything and who is only afraid of earthly consequences of his actions, not of supernatural punishment. Such an experienced warrior can scarcely be frightened by blood. Macbeth himself represents his supernatural fears as a kind of suffering provoked by the lack of safety. But this only shows his inability to understand himself, the better part of his own soul, to obey the protest of his own deeper self. It may be said that he thinks of the horror that others feel of the deed. But could he realize how horrible the crime would look to others if it were not equally horrible for him? Hallucinations, daydreams which torture the hero are the products of his personality, of its deeper part. Still, it's not possible to say that they are not Metaphysical, because they have purely supernatural origin, although here the Metaphysical is not acting as an independent actor.

There is one more important moment, when the Metaphysical intrudes in a metaphorical way, not being a mere hallucination and, at the same time, not having only natural character. When the first murder is committed, comes a sound of knocking. This knocking is familiar to Macbeth, though he may not realize it perfectly in his consciousness, but deeply inside he knows from where it comes: his soul speaks to him in the language of horror, but he is, as usual, unable to understand it in the right way: he tries to achieve the state of safety through committing new murders, although both the outside word and his imagination continue to send him the Metaphysical messages. The way

¹ Bradley, A.C. *Shakespearean Tragedy*. London: Atlantic publishers and distributors, 2000.

the knocks sounded to Macbeth is impressive, and even more impressive for the reader is the next scene with The Porter pretending to be the porter of the gates to hell. This character is not aware of anything, but he is terribly near the truth – and this is a new example of the Metaphysical intrusion.

So, it is not a fear of consequence or of failure awareness, what tortures Macbeth is a deep feeling of guilt which is not in the sphere of reason, but in the better part of his personality – in his imagination, which does not let him sleep, which keeps him in the permanent state of agony. He is unable to interpret the supernatural fear in the right way and thinks of the murder committed by other hands as not of the deed which will torture his soul and memory as the crime committed by his own hands. But instead of the state of resentment and security, his imagination rises and his deed confronts him in the apparition of Banquo's Ghost, and the horror of the night of his first murder returns. He seeks for The Witches, he is no more afraid of them; he looks for the feeling of ease and security. And he gets the answer: boldness and further destruction.

Also, we should discuss, at least briefly, whether the main tragic heroine of Shakespeare Lady Macbeth is a personification of the evil and whether she is an active agent of the Metaphysical. There is one evidence that she is not and that she is as actually tempted as her husband was; she may serve as some impetus to the bloody actions, but she is rather an object than a subject of the Metaphysical. And the fact that proves it is the letter to her from her husband. In this letter Macbeth does not clearly «break the enterprise» to her, but when Lady Macbeth insists that she is not the author of the idea of the murder and that «the enterprise» was originally suggested by her husband, we can refer it to his letter to her. In Macbeth's mind there has already been some guilty idea, that is why she can accuse him of having proposed the murder. What is more, Macbeth can not deny it and the very reason is that he knows that when he was the letter he, in fact, was thinking of the murder, thus, her statement could have passed unchallenged. We should not exaggerate Lady Macbeth's influence. At the very beginning she challenges and encourages her husband, but he yields to the evil just because he has already had this inclination; Lady Macbeth's words and actions as well as The Witches' prophecies have nothing to do with some compulsory supreme power over Macbeth. Both the former and the latter are just the conditions to deal with and in this case every Macbeth's step is entirely his free choice.

It would also be a mistake not to say anything about another character who is as well tormented and tempted by the Metaphysical. In our context the interest to the character of Banquo arises from the effect The Witches' prophecies have on him. Banquo's image, originally contrasted with Macbeth as of a loyal and innocent man, is diminishing gradually while the plot develops. At first he is upset, astonished and thinks that he will act as a sincere and brave man, in spite of it on his last day he takes his first decisive

step towards the evil. The prophecy and his own ambitions conquered him; being aware of the prophecies, he doesn't tell anything to other lords. He accepts the official theory that Duncan's sons were about to kill Macbeth. But his punishment comes fast, much more rapid than the one of Macbeth, and does not let him go further. Banquo was not killed innocent or trying to resist the prophecies' temptations.

While reading the play we can not help feeling that Shakespeare was well aware of the omnipresence and incalculability of the evil existing in human beings and meddling in their affairs; no matter whether they are aware or not of this. The human soul as Shakespeare shows us is a thing of such delicacy and complexity that its reaction to some outside intrusions or even to someone's own vague idea appeared from its own unconsciousness may be absolutely unpredictable (even in case of Macbeth we are unable to predict such bloodiness and savageness from the very beginning). There is an embryo of the evil or, at least, of the ability to be led astray by it in every soul, and there is the fear of this evil and the fear of our personal inability to resist temptation and to escape. Banquo's story presents this idea in detail.

What could we assert regarding the Metaphysical in *Macbeth*? We have already made one statement about it, asserting that The Metaphysical is not only personalized in the tragedy through some characters but is also represented by some artistic details, symbols, when it intrudes in some vague form, often perceived only by one character to whom they are directed. But the definition becomes more complex because the Metaphysical may take a form of both the good and the bad, may have some inevitable features or serve only as a condition to bear with (it may depend on a character's attitude to it). Where is the boarder line between the real outside intrusion and some events we just suppose to have the supernatural origin and even facts produced by our own subconscious? How can we know what is worth being afraid of: the fate or our own self? Of course, Shakespeare does not give the answer to this question either in 'Macbeth' or in any other play.

There is only one credible conclusion to come to: there is always some danger to be led astray, the evil as well as virtue are dispersed in both the outer world and the inner world, and both are able to be personalized or «knock» on our soul and mind in different forms. This possibility awakes in every person a fear of the supernatural and a fear of fate; in fact, we are all afraid of free choice and of its consequences not only for our body but for our soul. And this free choice between the sin and the virtue is the idea of New Testament.

In *Macbeth* the sense of fate is marked specifically, its tone may be called religious: the presence of the Metaphysical in this play has sometimes an air of particularly divine intrusion. Of course, Shakespeare does not use any direct religious or moral allusions or hints. But Macbeth's horror reminds of the dread of a sinner who realizes that he is entirely lost. These religious

associations can not appear accidentally. They are caused by Macbeth's behavior and his remarks regarding his crimes: he is obviously not afraid of any earthly punishment, at least, at first he thinks so, but further murders do not give him any ease, he suffers not from the horror of mind, but from the horror of his soul and this is the dread of the divine punishment, although it is not marked literally in the tragedy.

In *Macbeth* Shakespeare demonstrates that any person is able to perceive the signals of the supernatural though in different ways and through different means. We have already said that the most proper means for Macbeth is his imagination throwing him down the supernatural dread. Human beings are susceptible to both good and evil. Being granted free will, they are afraid of the divine punishment for their wrong choice which is always of their own however predetermined it may seem. That is why the hallucinations start to torture Macbeth from the very beginning of the play and that is why the simple knocks become the symbols of the fate for him.

References

Shakespeare, W., *The Plays of William Shakespeare: Macbeth, King John, King Richard II*. London: printed for George Kearsley, 1806.

Молчанова Г.Г. Концепт «три сестры» в русской и английской лингвокультурах / Актуальные проблемы английского языкознания. / Под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова – М.: МАКС Пресс, 2012. С. 244-260.

Bradley, A.C., *Shakespearean Tragedy*. London: Atlantic publishers and distributors, 2000.

Bryson, B., *Shakespeare: The World as a Stage*. London: Harper Press, 2009.

Garber, M. B., *Shakespeare after All*. USA: Pantheon Books, 2004.

Hazlitt, W., *Characters of Shakespeare's Plays*. London: Printed by C. H. Reynell, 1817.

Witmore, M., *Shakespearean Metaphysics*. Continuum International Publishing Group, 2008.

Сведения об авторах

Алексеева Лариса Евгеньевна – канд. пед. наук доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики филологического ф-та СПбГУ

Алферова Татьяна Леонидовна – преподаватель кафедры иностранных языков экономического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Wang Dong – выпускник ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Дорохина Ксения Михайловна – выпускница ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 2014 г.

Казимова Галина Александровна – ст. преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Карабанова Мария Александровна – аспирант ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Кизилова Татьяна Юрьевна – канд. филол. наук ст. преподаватель кафедры английского языкознания филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Крючков Иван Германович – ст. преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Лобанова Светлана Александровна – выпускница ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Мурза Александра Борисовна – канд. филол. наук доцент кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Перцев Евгений Михайлович – канд. филол. наук доцент кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Поцьбина Елена Павловна - канд. филол. наук доцент кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Pritam Singh – DPhil (Oxford) Professor of Economics, Department of Accounting, Finance and Economics, Faculty of Business, Oxford Brookes University, Oxford (UK)

Рассошенко Жаннетта Викторовна – ст. преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Рудаева Екатерина – студентка социологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Сазонова Наталия Александровна – преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Сергеева Варвара Александровна – аспирант философского ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Смирнова Дарья – студентка филологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Уточкина Анна – студентка ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Филиппова Маргарита Михайловна – канд. филол. наук доцент кафедры английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова

Хуснетдинова Эльвира – студентка социологического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Шевелева Владислава – студентка ф-та политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Яковлева Ирина Олеговна – преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных ф-тов ф-та иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова